

Николай СУЛИМА

***Сквозь огонь
и град свинцовый***

---

*г. Биробиджан
2006*

Содержание

	Стр.
Высота	8
А дорога дальше мчалась...	13
Я не убит	17
Гармонь	23
Господин генерал	27
Две матери	37
Дорога шла через войну	41
Золотая Звезда	45
Крапленая карта	52
Красный галстук	59
Кровавый снег	65
Берегите солдата России	72
Без права на почести	76
Посмертной славы не хотели	80
Он слыл лихим майором	93
Лейтенант погибшего взвода	95
Погост	101
Война крылом задела	105
Потомок Монте-Кристо	111
Окопное братство	115
Своею дорогой	118
Сквозь огонь и град свинцовый	121
Тягач служил исправно	127
Чужая фамилия	129
Шумели леса партизанские	133
Седьмая награда	137
Сыновья	140
У волнореза	145

ОТ РЕДАКТОРА

Николая Евменовича Сулиму я знаю почти 30 лет. Когда я пришел в «Биробиджанскую звезду», он уже был в числе корифеев. Журналистский коллектив был в то время, что называется, «на пике». Молодым, неоперившимся было у кого учиться профессиональному мастерству. Сулима, признаюсь, не был в числе моих наставников. Он тогда возглавлял отдел партийной жизни, тематика которого меня не очень привлекала. В основном сухая пропагандистская жвачка. Да и сам Николай Евменович не очень-то «совался» с советами к молодым. И только когда появлялся очередной очерк за его подписью, мы осознавали степень мастерства этого журналиста.

Собственно, только из этих очерков я и понял, что он — фронтовик. Николай Евменович — не любитель рассказывать о своем боевом и военном прошлом. Но в его рассказах о ветеранах Великой Отечественной сразу чувствовалось знание фронтовых реалий. Да и героев он невольно выбирает себе под стать. Они не высовываются вперед, скромны, при этом отнюдь не лишены достоинства и свою роль в истории страны, свой вклад в Победу оценивают адекватно.

Личности автора соответствует и стиль очерков. Без аффектации, ура-патриотической истерии, но в полном соответствии с масштабом подвига героев — преимущественно рядовых войны.

Что еще трогает в очерках Н.Е.Сулимы — его умение выбрать в биографиях своих героев те моменты, которые индивидуализируют каждую историю. Оттого они не становятся назидательными рассказами «для молодых», а вызывают интерес к каждой неповторимой судьбе. Они разные — счастливые и не очень, некоторые — просто трагические. Одним словом, живые.

ВЫСОТА

Надо же было так судьбе распорядиться - праздник Победы пришелся на его, Манухова, день рождения. Понятное дело, тесная квартира огромного дома превращается 9 Мая в разноликий говорливый улей. Чтобы по сему случаю сказать отцу и деду слова приветствия, прикатят из Хабаровска со своими разросшимися семьями Анатолий и Николай. Явятся к заветному часу здешние — Светлана и Владимир.

Только так уж повелось в этом доме - ни гости, ни даже его хозяйка Елена Сергеевна не могут произнести первый тост. Это право однажды и навсегда закрепилось за Николаем Владимировичем. Дождавшись, когда гости рассядутся за накрытым столом и угомонятся, он наполняет рюмку светлой, как слезинка, «Российской», тяжело поднимается и с минуту молчит, уставив взор на висящую на стене большую фотографию совсем еще юного лейтенанта с довоенными кубарями на петлицах, а потом говорит, будто перед ним живой человек.

- Прости, Ваня. Прости, дорогой, что так получилось... Поверь, нет тут вины моей... Жаль, Ваня, что остался ты в чужом краю. Может, уж и могила с землей сравнялась. Но ты все равно рядом с нами. Так давай по нашей, фронтовой... А, Ваня...

Молоденький лейтенант отвечает такой доверчивой, такой обезоруживающей улыбкой...

- Ну, давай, Ваня. Давайте, гости дорогие. Без чоканья, без звона, - и подносит трясущейся рукой рюмку к пересохшим губам. Елена Сергеевна тем временем украдкой смахивает с лица подоспевшую слезу. В который уж раз память переносит через годы-расстояния теперь уже к такой далекой юности. Закрой глаза — и вот она, юность, будто на широченном киноэкране. Таком широченном, что и птичьим взором не охватить.

Романтика родителей привела ее и еще четверых ребятишек сюда, в Приамурье.

Ночи папа с мамой не спали. Все гадали, что это за край такой — Дальний Восток? Наверное, и впрямь, как пишут в газетах, чуть ли не манна небесная на землю сыплется. Надо поглядеть, попытать счастья. Ну и завербовались, приехали по переселению. Сменили пригород Старого Оскола на село Чурки, что в двух десятках верст от райцентра Ленинское.

Конечно, до обещанного рая оказалось далеко. Но и сетовать на судьбу оснований нет. Да, собственно, о чем лучшем и мечтать такой девчонке, как Ленка? В деревне — уйма девчат и ребят. По вечерам — забавы, веселье. И уж совсем стало здорово, когда по выходным стали навещать к ним в село военные, что располагались в ту пору в поселке Нижний Ленинск на берегу Амура. Тут уж всеми лепестками расцвели местные красавицы. Как же! Вон какой выбор! Вон какие парни стреляют по ним разгоряченными глазами!

Лену как-то так, совсем незаметно, свела судьба с русоголовым и очень застенчивым лейтенантом Ваней Никаноренковым. Скажет что-нибудь такое невпопад и зардеется краской. А ей нравится такой чистый, такой непорочный хлопец. Вот так бы и сидела на лавочке под черемухой молча, и, ей-Богу, ничего больше не надо.

Позже, конечно, поняла: надо! Иначе не вышла б замуж за лейтенанта Ваню Никаноренкова.

Мужем он оказался добрым. И служба шла у него что надо. Потому что о человеке умел позаботиться и дисциплину в подразделении обеспечить. Хоть и такой застенчивый, а умел.

Быт армейский оказался для Елены очень суровым и безжалостным. Нежданно-негаданно снимают их часть и бросают в Приморье — к той самой сопке Заозерная, где еще совсем недавно сошлись в кровавой схватке наши и квантунские войска.

Как ей поступить? Остаться с ним? Боязно: ведь вовсю на западе бушует война. Вести с фронтов приходят одна тревожнее другой. Погиб отец. Тетю Аню повесили немцы за то, что партизан не выда-ла. Бабушка не вынесла ужаса, скончалась тут же на площади, куда фашисты согнали местных жителей для устрашения.

Удар за ударом обрушивался и на самого Ивана. Погиб один, следом второй брат... А уже 9 мая, в самом Берлине, пал младший и самый любимый Иванов братишка. Уж как он, бедолага, плакал, получив такую вот горькую весть. Конечно, украдкой. Так, чтобы, не дай Бог, не увидели подчиненные.

Нет, нет. Только вместе. Только на двоих горе и радость.

Место новой дислокации показалось Елене кромешным адом. Ютились в землянке — сырой и тесной, а роты в полном составе и их командиры постоянно находились в окопах. Истощенные, грязные, издерганные.

Как знать, может, так было и надо. Японцев ведь ожидали со дня на день, с часу на час. Тем более, на этом столь важном в военном отношении участке.

- Эх, лучше бы туда, на запад... - не однажды с горестью вздыхал муж. - Только людей мучаем не за понюх табака.

Тогда Елена напоминала о себе.

- Не надо, Ваня, никуда от меня. Видишь же, второго ждем. Что станет с нами без тебя?

В сырой и холодной землянке родила второго – Володю. Опасалась: помрет малец от холода, сырости и недоедания. Выжил!

А было ой как трудно. И если бы люди придумали такой прибор, которым можно было измерять переносимые тяготы и лишения, то он в землянке, где обитала с двумя малолетними детьми командирская жена Елена, наверняка бы зашкалил. А может быть, и хорошо, что не придумали. Ведь плохое, как правило, улетучивается из человеческой памяти. Надежнее хранится хорошее, приятное.

Много помогали друзья Ивана. Их у него было много. Но этот, пожалуй, выделялся из всех. Высокий, стройный, выдержанный и веселый. А еще симпатичный лицом и никогда не унывающий шутник. Анекдоты, как из рога изобилия. Всегда к услугам. Поможет, чем может.

Зовут его Николай Манухов. Родом из Сибири. Старший лейтенант. Так же, как Иван, командует ротой. Только в отличие от него не пулеметной, а ротой восьмидесятидвухмиллиметровых минометов.

Выдастся, бывало, часок досуга, соберутся ребята в землянке - и, как прежде, за свое, кровное. Вооружение... Моральный дух советского солдата... Осмелится ли самурай после разгрома фашистской Германии пойти на нас войной? Нет, не осмелится. Все завершится миром и спокойствием. А того наивные командиры и не предполагали, что где-то там, в верхах, уже готов к исполнению план нанесения удара по Квантунской армии. Что уже бегут, бегут на восток составы с войсками, высвободившимися на западе.

Однажды прибегает Иван, запыхавшийся, чем-то озабоченный.

- Полк поднят по тревоге. Скорее собирай дорожные вещи... Да ты не волнуйся. Все будет в норме...

Детишек поцеловал. С женой простился. И помчался. А уже через какие-то полчаса - час батальоны их 231-го стрелкового полка пересекали границу с Маньчжурией.

Конечно, здешняя война оказалась не такой жестокой, как там, на

западе. Вон какую силищу подтянули к границе! Танки, самолеты, «катюши», артиллерия. Обстрелянные бойцы. Не устоят!

Но какой бы она ни была, а война все же есть война. На ней стреляют. И убивают. В такие попадали катавасии - ой-е-ей...

Прошло 60 лет, а Николай Владимирович до мельчайших подробностей может описать то, что творилось у той злополучной сопки, что значится на карте под названием «Офицерская». Сопка оказалась сильно укрепленной. Железобетонными дотами, дзотами. Минометные и артиллерийские удары по ней не помогали. Обойти невозможно — все пути под вражеским прицелом. Командование решило: штурмовать! Ну и двинулась матушка-пехота, в том числе и пулеметная рота старшего лейтенанта Ивана Никаноренкова, встречу шквала огня.

Сопку, конечно, взяли. Но и цену за это заплатили немалую: до двух десятков наших ребят полегло на склоне!

Когда канонада утихла, Манухову сказали, что дружок его тяжело ранен. Оставил за себя человека, заспешил вместе с ординарцем туда, в пулеметную. Отыскал Ваню на краю деревни, поодаль от сопки, куда свезли убитых и раненых.

Готовый к отправке в медсанбат, лежит на плащ-палатке в окровавленных бинтах. Щеки впалые, губы потрескавшиеся и высохшие, лицо землистого цвета. Лежит и тихо-тихо стонет.

Увидев Манухова, приоткрыл глаза:

- А, Коля... Вот, видишь...

- Куда угодило, Ваня?

- В грудь. Дышать больно. Кровь из горла... Пить...

- Ну, потерпи немного. Потерпи. Скоро придет машина. Увезут в лазарет. Вылечат...

Иван говорил неразборчиво, глотая слова. Их трудно было понять. Но Николай все же понял. Не все. Главное понял: «Пожалуйста, дружок. Побеспокойся о моей семье. Если сможешь. О моих детках. Больше некого просить...»

Похоронили старшего лейтенанта в маленьком маньчжурском городке. Как полагается, под залпы винтовок. Ну, а овдовевшая Елена Сергеевна продолжала держаться за полк, потому что он кормил детишек. И сама она не оставалась без дела — выполняла обязанности начальника вещевого склада. Что до Манухова, то он остался верным наказу друга. Встречался с Еленой, помогал, чем мог.

Война в Маньчжурии свернулась быстро. Над соседней страной воцарились мир и спокойствие. Пора и на родную землю, по домам.

Тепло и сердечно провожают солдаты жену и детишек погибшего офицера. Загружают подарками. Беда крепко сдружила и сроднила.

Елена Сергеевна пытается улыбнуться, а на душе такое творится... Двое ведь на руках. Куда с ними? Как прокормить и одеть?

На ее исхудавшее плечо опускается тяжелая ладонь. Оборачивается. Ну, конечно же, он, Николай.

- Ой, как хорошо, что пришел проводить! - обрадовалась она.

- Ошиблась. Еду вместе с тобой. До Гродеково на машине, а там – поездом. Демобилизовался, понимаешь...

Поглядел Николай Владимирович на осиротевших пацанов, и так у него защемило сердце. Действительно, где они теперь найдут отца? Половину мужиков перемолола война. А для тех, кто возвращается, - вон какой выбор холостячек. Не каждый позарится на вдову с детьми.

Хотя, между прочим, что касается Елены, и не сказал бы этого. Невзгоды не помешали ей сохранить девичий цвет. Лепестки еще целы и росисты. И с людьми обойтись умеет. Так что не все и потеряно.

Потом он ей скажет:

- Махнем со мной в Сибирь. Думаю, Ваня не обидится на нас.

- Что теперь Ваня? Он в сырой земле. Этих его сорванцов как-то надо сберечь и вырастить, - с горечью произнесла Елена и, немного помолчав, продолжила: - Я сейчас уже не та зеленая, деревенская. Гляжу на жизнь трезвыми глазами. И все же...

- А, понимаю, любовь... Так это приложится... Да и она, любовь-то, штука преходящая. Нужна только для самого начала. Чтобы дать определенный импульс человеческим отношениям...

Николай Владимирович повез Елену с детьми в Сибирь, к себе на родину. Рассчитывал на поддержку и помощь близких... А вышел от ворот поворот. Ну, мол, дает мужик! В Тулу со своим самоваром, да еще с двумя самоварчиками в придачу. Да в такого сильного и статного парня первая сибирская красавица вцепится...

Напрямую, конечно, не говорят. А так, за глаза, шушукаются. Но все равно Елена сразу же почувствовала неладное и засобиралась в обратный путь.

- Раз не ко двору, то жизни не получится. Отправь меня обратно.

- Нет, дорогая, я уже зарок себе дал. Если ехать, то только вместе. Если идти по жизни, то не в одиночку. Никогда не забуду последних Ваниных слов...

Жизнь и впрямь оказалась не прямой столбовой дорожкой. Сколько крутых поворотов, колдобин встречалось на пути. Кряхтя, горбясь, преодолевал все это, а вместе с ним — и Елена Сергеевна с детьми.

А их было четверо: двое Ваниных и столько же Николаевых — Света и Коля. Каждому нужны уход, внимание. Каждого учить надо. В зарплату хозяина да небольшую пенсию Елены Сергеевны за погибшего мужа, понятно, не уложишься. Выручали хозяйство да работающие руки хозяина. Построил в Бабстово, где жили, один дом. Тесным оказался — построил другой. Просторный, светлый. Когда подошла пора отправлять детей в институты, стали картошки больше сажать, живность откармливать. Каждая копейка на учет бралась. Так незаметно, вроде бы походя, Анатолий и Николай политехнический одолели, а Владимир и Света — педагогический.

Впрочем, о том, как пришлось прожить послевоенные годы — разговор особый. Да и не в том суть. Главное для бывшего солдата — овладеть высотой жизни. Как взяли так нужную высоту тогда, перед победным прорывом.

А ДОРОГА ДАЛЬШЕ МЧАЛАСЬ...

Бог ты мой! И как же я раньше не замечал такой красоты?! Будто с закрытыми глазами жил. Вон как закипела, запенилась, заблагоухала ароматами цветенья садов под весенним солнцем родная деревня! Прямо дух захватывает. Все здесь преобразилось, стало не таким, как прежде, — и хаты, раскрашенные светло-коричневой глиной, и гогочущие гуси у плетеного тына, и аист с аистихой, свившие гнездо на крыше одной из хат, и свежевспаханные огороды. А девочки, девочки... Идут гурьбой с веселой песней. Розовощекие, в легких сарафанах, с венками на головах...

Поравнялись. С поклоном:

- Здравствуй, Степа!

- Здравствуйте, красавицы!

- По твоей гитаре соскучились, Степа. Сыграешь?

- Сейчас недосуг. Видите, до дому спешу... Кстати, не знаете, случайно, где мои старики?

- Как же, знаем. Мать картошку сажает. Отец в хате. Горилку пьет.

«Горилку, — подумал Степан. — С чего вдруг?» И заспешил к род-

ному двору, по которому так истосковался за эти два года солдатской службы.

Открывает дверь, входит в горницу. И правда, батька за столом. Перед ним початая бутылка... И вороненый пистолет на краю стола.

Услышав стук, отец повернулся, взял пистолет и бабахнул в Степана...

В это мгновение он услышал рассерженный голос старшины роты.

- Тебя, Коваль, команда «Подъем!» не касается? Быстро - в строй!

В мгновение ока, в какие-то секунды, переключается из одного состояния в другое. Легко стряхнул с себя сонливость, напялил брюки, сапоги и уже нащупывает глазами грудь четвертого человека. Сейчас физзарядка, заправка постелей, зачитка Совинформбюро, завтрак. А потом почти весь день занятия на плацу или в полевых условиях. А завтра вновь на границу - нести боевое дежурство. Забот хватает. И они легче даются, если ты отторгнут от посторонних мыслей. Но почему ж тогда память его так цепко ухватилась за этот странный, смешанный с красотой и жутью сон? До самого вечера он не отпускал Степана ни на минуту.

Вечером Степан получил из дома письмо: отец сложил голову на венгерской земле...

Помнит Степан, как в первые дни войны отца призывали в армию. Он положил тяжелую руку на его плечо, неумело напутствовал:

- Пожалуй, скоро, Степка, и твой час. Так ты уж, того, не опорочь Ковалей. Они жилистые. Живут по справедливости. Не хитрят...

- Постараюсь, батя. Будь спокойным.

Степанов черед настал, когда война бушевала почти в самом центре страны. С призывниками не больно-то церемонились. Погоняют недельки две-три где-нибудь в лагерях, и айда на фронт - заменять тех, кто замертво упал на землю, искалечен, в плен угодил. Но почему же их эшелон повернули из-под Москвы в обратную сторону? Сначала в город Александров. Потом в Куйбышев, Сызрань, Иваново... Возят туда - сюда, морочат, понимаешь, солдату голову.

Наивным в ту пору был Степка. Не ведал того, что война - это что-то вроде шахматной игры. Фигуры двигают взад-вперед, наступают, отступают, не скупятся на жертвы во имя победы. Выигрывает тот, кто мудрее, кто умеет заглянуть дальше и разгадать замысел противника. И у кого резерв прочнее.

На одном из пересыльных пунктов обмундировали во все новенькое, выдали сухой паек, вновь погрузили в теплушки - и вперед, на

восток. Ну, казалось бы, никакой логики.

А логика, оказывается, была. Ни в коем случае нельзя оголять дальневосточные границы. В Маньчжурии миллионная Квантунская армия. Японцы только и ждут момента, когда обстановка позволит им пересечь границу. А пока они устраивают здесь всяческие провокации, стремясь обострить конфликт враждующих сторон. То бойца нашего застрелят, то перегонят к нам лошадей, зараженных сапом или еще какой заразой. Словом, и здесь проходила линия фронта. Только тихая. С затаившимися по обе стороны противниками, готовыми в любое время кинуться в смертельную схватку.

Солдатам ужасно надоела изнурительная муштра («Тяжело в учении — легко в бою»): полевые дежурства в полной боевой выкладке, с имеющейся в распоряжении техникой — и неопределенность. Лучше бы на запад. Небось армия изрядно оголилась, нанося новые и новые удары по врагу, продвигаясь все дальше к Берлину. Эдак и победа придет без их участия. Понятно, рапорты, мольбы: пошлите. А начальство в ответ: «Вы и здесь нужны. Может, даже нужнее, чем там, на западе».

Смысл этих слов окончательно прояснится в один из знойных августовских дней сорок пятого. Правда, заранее даже ни малейшего намека. Только ведь и солдата редко подводит интуиция. Нет, совсем, видно, не случайно досрочная баня, замена обшарпанного обмундирования на новенькое, выдача усиленного трехсуточного сухого пайка, подход свежего пополнения да прокрученный накануне фильм «Чапаев». Чего-то генералы замышляют. Как пить дать, впереди перемены.

Ждать осталось недолго. На рассвете тревога. И двинулась вперед силушка несметная. Матушка-пехота, танки, артиллерия, авиация. Гудит, грохочет все вокруг. Как в преисподней. Хорошо, когда перед тобою простор, путь открытый, а не таежные дебри, сопки да болота.

Уже на первых верстах технику «заклинило» из-за бездорожья. А одной пехоте, без поддержки, не вдруг удача обломится. Все это, конечно же, не в счет. Оборона противника при любых обстоятельствах должна быть сломлена. Иначе и на других участках застопорится наступление, и тогда вся операция может оказаться сорванной.

Надрывая пересохшее горло, командир батальона кричит в трубку только что протянутой телефонной линии:

- Первый, первый! Впереди две высоты. На карте значатся как «Роза» и «Сапог». Как поступать?

На другом конце провода однорукый, изрядно хвативший лиха уже в первые дни Великой Отечественной, командир полка Пьянков спокойно говорит:

-Это не тот случай, когда умный обходит гору. Будем брать с ходу, в лоб. Минометчики поддержат...

После нескольких залпов минбатарей стали карабкаться на ближнюю высоту. А силы-то солдат на исходе, жажда иссушила. Фляги давно опустели. А вокруг на многие километры - сплошное безводье. Хотя б самую малость. Хотя бы глоточек водицы.

Кое-кого из ребят уже свалила жажда. Еще несколько часов знойного солнца, и весь батальон ляжет. Ну, тыловики, черт бы вас подрал. Не можете подвезти бочку-другую...

Наконец, когда солнце ушло далеко за полдень, кто-то из солдат сообщил: «Везут!»

Услышал-таки Всевышний мольбы. И ринулись солдаты вниз к просеке, где появились две подводы с водой.

А японцы только того и ждали. Ударили изо всех стволов. Многих в тот час недосчитались.

Повторная атака оказалась куда как труднее. Ох, и досталось от Пьянкова командирам рот и батальонов за такой вот базар с водопо-ем.

Перед неизвестностью завтрашнего прожитый день, каким бы тяжким он ни выдался, очень быстро выветрился из памяти солдат. Каждый из них жил надеждами благополучно преодолеть дороги войны, выдержать испытания, остаться целым и невредимым.

Что до сержанта Степана Коваля, то его, можно сказать, Бог миловал. Осколки и пули обходили стороной. Наверное, батя сполна заплатил за судьбу сына. А война такие подбрасывала сюрпризы... Не придумать.

Однажды является в расположение русский мужик.

- Я из белых эмигрантов. Хочу помочь российской армии. Только должен сначала заручиться: жизнь моя будет сохранена.

Ему пообещали. И он рассказал, что впереди, вон за той деревушкой, японский укрепрайон. Его не обойти. Вокруг топи. Одна лишь насыпная дорога ведет к нему. Если по ней пробраться к дамбе и взорвать ее, то укрепрайон затопит, и японцы сдадутся без боя.

Выслали вперед два танка: один со взрывчаткой, второй для поддержки. Японцы сумели подбить второй. Машина перегородила дорогу. Надо столкнуть в болото. А как?

- Давайте попробуем вручную, - подал мысль Степан.
- Не опасно ли?
- Если под прикрытием танка, то не достанут.

Приблизились гурьбой. Долго тужились, бранились, высказывали наиболее оптимальные варианты. Все ж удалось сдвинуть машину и очистить путь другим. А вскоре там, за разрезанным ельником, прогремел мощный взрыв. Так вот выручил бывший враг, наш соотечественник.

В другой раз, когда батальон попал в западню при ликвидации Квантунской группировки в глубине Маньчжурии, на выручку пришли бойцы народно-революционной армии Китая.

Когда и здесь, на востоке, отсалютовали победу, Коваль стал тянуть тяжкую офицерскую лямку у нас, в Биробиджане. Потом работал на заводе силовых трансформаторов, в торговле. Здесь женился. Между прочим, тоже на участнице войны – Вере Ивановне.

Я НЕ УБИТ

Когда я узнал об этом человеке столько интересного и невероятного, почему-то невольно попытался увидеть в нем нечто такое, что могло бы внешне отличить от других. Но ничего особенного так и не заметил. Человек как человек. Небольшого роста и худощав. Простое, с правильными чертами лицо славянина, каких тысячи в России. Разве вот только аккуратно подогнанная к шуплой фигуре одежда, не покорившаяся годам молодецкая выправка да многорядная орденская колодка на лацкане пиджака могли бы о чем-то сказать?

Двадцать одна награда – не шутка. Одна из них – медаль «За спасение утопающего». Остальные – боевые.

Он суховат и немногословен. Говорит фразами отшлифованными, продуманными. Как и многие люди его возраста, привязан к природе. Когда в Охотске жил, каждый свободный часок – на берегу студеного моря. Напялит на ноги тяжелые болотники, чехол со спиннингом подмышку и айда на галечный берег. Удиль навагу или корюшку. А чаще просто побродить, подышать соленым воздухом, подумать под шум моря о житье-бытье.

В тот летний воскресный день была хорошая погода. У пирса, где удобней забрасывать спиннинги и закидушки, множество рыбаков-любителей. Как водится, не обошлось без детворы. Чтоб не мешали,

отошел шагов на двадцать-тридцать в сторонку, стал неспешно собирать спиннинг. Много ль, мало ль, а на жареху поймает. К тому ж после канительной недели освежится порядком.

И едва успел об этом подумать, как со стороны пирса донесся тревожный голос: «Спасите! Тонет! Тонет!»

Бросился туда. Кто тонет? Где тонет? Бог ты мой! Да вон же он, на колышущейся воде. Как воробышек, взмахивает ручонками, отталкивая от себя море и все чаще скрываясь в воде. Потом он узнает подробности случившегося. Двое мальчишек играли на пирсе. Неосторожное движение — и один из них, шестилеток, сорвался с порядочной высоты в ледяную воду. Но сейчас не до гадания: нет времени. Течение все отдаляет мальчонку от земли. Вот-вот окончательно иссякнут силы, и он навсегда скроется под водой.

Разлетаются по сторонам куртка и рыбацкий рюкзак. Секунды — и уже двое барахтаются в холодной воде: взрослый и ребенок. Взрослый пытается взять малыша на плечи. Не получается. Эдак самому не удержаться на плаву. Уцепился за пальтишко — выскользнуло из рук. А с берега что-то кричат, что-то советуют. Кому теперь нужны слова? Будут ли услышаны они при морском шуме, да и отсчет времени на секунды. Не разум, скорее интуиция, инстинкт подсказали: толкай мальчонку. Толкай наперекор течению, к берегу, не дай погрузиться... Когда до берега оставались считанные метры, силы окончательно покинули. Ноги и руки одеревенели. Они почти не повиновались воле. Только б не дать захлебнуться пацану. Только б удержаться на плаву. Собравшиеся на берегу люди вытащили мальчонку и самого спасателя. Мальчика откачали, увезли в больницу. Теперь люди и к нему самому с вниманием. Кто ты есть, отважный человек? Какая сила толкнула тебя в море?

В этом небольшом северном городке почти все знают друг друга. Да это ж военрук средней школы, майор в отставке Василий Михайлович Толщин! Ай да молодец, майор!

Кто-то уже тащит в свою машину. Кто-то сует теплую куртку. Кто-то из местных мужиков наполнил водкой кружку.

- Дерни, дорогой, а то окочуришься...

Сжимает одеревеневшими руками кружку, подносит к посиневшим губам. Горячими струйками растекалась водка по жилам. Полегчало. Дар речи вернулся.

- Не окочуюсь...

И уже с вымученной улыбкой:

- Потому как мне не полагается умирать... Есть уже у меня одна могила... На том краю страны... Во Львове.

...Василий Михайлович вываливает на стол ворох документов, газетных вырезок, фотографий... Много их — не помещаются на столе. Вот снимок из далекой юности: мальчишка — веселый, задорный. Вот он со своими друзьями — однополчанами. А на этом — запечатлен на собственной могиле на Холме Славы во Львове. Стоит с букетом цветов, задумавшись над каменной плитой с пометкой: «Рядовой Толщин. Погиб в 1944 г.» И в книге-справочнике мемориального музея «Холм Славы» значится: прах рядового Толщина покоится в могиле 18, ряд первый.

Он перебирает в руках эти немые свидетельства пережитого, неторопливо комментируя более важные, на его взгляд, документы. А я мысленно как бы перелистываю вслед за ним страницы волнующей повести.

...Да, война... Она смешала в клубок все — прекрасное и отвратительное, прошлое и настоящее, живое и мертвое... Как хорошо человеку без войны! Когда над тобой голубое небо, а перед взором безмятежные равнины, горы и моря. Особенно когда ты молодой, окрыленный мечтами.

В юности мечтал Василий стать железнодорожником. Даже в училище поступал. Два курса проучился. Осталось осилить третий, а там и выпускные экзамены на носу. И здравствуй, самостоятельная жизнь!.. И работа на мощном локомотиве — такая мирная, такая мужская!

Но судьба распорядилась иначе. Приехал на летние каникулы в родную деревню Красный Бор, что на Нижегородчине, и вот на тебе, известие — фашисты напали. Военкомат до основания подчистил деревню. Почти всех мужиков, подходящих годами и здоровьем, в армию призвал. До учебы ль теперь? Пришлось остаться в деревне, заменить ушедшего на фронт бригадира-полевода. Не самому судить, какой из него получился бригадир, но тужился изо всех сил. И, кажется, получалось. Во всяком случае, по хлебу в должниках перед фронтовой державой не оставались.

Пришел сорок второй — подospel и его черед. Поскольку к тому времени за душой Василия была кое-какая грамотешка, зачислили в учебный танковый батальон на стрелка-радииста обучаться. А еще через шесть месяцев — передовая. Двенадцатая гвардейская бригада гвардейского Кантемировского корпуса, который после войны был окре-

щен в гвардейскую танковую Кантемировскую ордена Ленина Краснознаменную дивизию. Уж о ее ратных делах страна наслышалась: вон какой путь пройден – от Сталинграда до Тартау и Праги!

Всякое случалось на многоверстовом фронтовом пути. Особенно хватить лиха пришлось тогда, в первые два года войны. Ведь ни танков путевых в достатке, ни мастерства солдатского. Если что и выручало, так это отвага, самопожертвование людей. О, те уроки войны по сей день в памяти Василия Толщина!

Перед орловско-курской заварухой зачислили его в экипаж «Валентинки» - так солдаты называли английский легкий танк «Валентайн». Вроде бы хорошая, удобная машина, да непрочная, капризная. Когда оттремела артподготовка и танкисты рванулись в сопровождении матушки-пехоты на вражеский передний край, что-то в казеннике пушки заклинило. Позже случилась беда пострашнее: на крутом повороте слетела гусеница. Крутанулась «Валентинка» на черноземном поле и вдруг замерла на месте. Из наушников трехэтажные маты ротного. Дескать, вы что там, такие-рассякие, стрельбу прекратили? За такое – к стенке!

- Сейчас пойдем вперед, товарищ второй, - заверяет ротного командир танка младший лейтенант Пономарев. - Вот только посмотрим, что случилось...

Врачевали машину, можно сказать, на глазах у немцев, под огнем. Сумели-таки обуть «Валентинку». И цепь догнать сумели.

Теперь-то ни от ротного, ни от взводного не услышат худых слов. Все трое – командир, механик-водитель и он, Толщин, работают с остервенением, совершенно забыв о подстерегающей на каждом метре смертельной опасности. Будто и не пылают уже черным пламенем несколько танков. Будто и не падают замертво на вздыбленную пашню пехотинцы. А командир, так тот открыл верхний люк и временами посылает в стонущую и задымленную даль пулеметные очереди.

К вечерним сумеркам бой утих. Немцы отошли и закрепились за речушкой на пригорке. Экипаж Пономарева тоже начал окапываться. Кажется, пронесло. Оглядывают бедолагу - «Валентинку». Как бы не так! Пронесло, да не совсем. Вон как чесануло по казеннику. Да и по стволу пушки угодило. Выручайте, технари!

Впрочем, с запасными частями проблемы нет. Вон сколько подбитых танков повсюду.

Заменили что надо. Завтра снова вперед, завтра жди новых сюрп-

ризов: они на передовой на каждом метре. И если бы Толщин стал обо всех рассказывать, не хватило бы дня и ночи.

Однажды, когда в очередной раз прорывали вражью оборону, фашист так лупанул по танку, что насквозь прошло «болванкой» башню. Если Василий и остался жив, так это благодаря опять же казеннику: защитил от осколков.

Он первым выбрался через люк. Следом механик-водитель. Отползли от танка чуть-чуть, ждут. Вот-вот должно вспыхнуть горячее. Танк оденется в черное пламя, и потом станут рваться снаряды. Так всегда бывает после таких ударов. Хоть и молод годами, а успел освоить азы фронтовой науки.

Но что же командир? Почему молчит Пономарев? Глухо, как в танке. И тогда Василий вновь бросился в чрево машины. «Пономарев! Пономарев!» Э, напрасно горло дерешь, человек. Нет больше младшего лейтенанта Пономарева – такого веселого, расторопного и умного парня. Есть вместо него изуродованное тело.

Уже вдвоем вытащили друга, положили в сторонке в канавку, выдавленную на земле танковой гусеницей. Подождем, может, свои подоспеют. Потом уберем, что осталось от Пономарева, в укрытие. А цепь, оказывается, сзади. Это они одни так вырвались вперед. Вон, впереди маячат темные фигуры немцев. Завизжали пули – головы не приподнять. Ну что же, прощай, младшой. Прощай и ты, «Валентинка»! Простите, англичане, что не смогли сберечь ваш подарок. Машина не ахти какая. Но вы ведь от души дарили ее русским бойцам.

Позже Толщин попал в новый экипаж. И уже отечественной тридцатьчетверки. Она хоть и грубоватая машина, и не такая комфортная, с заусеницами на броне, зато наша, российская, тысячу раз проверенная на надежность. Куда грознее.

До самой Праги добрались на ней, родимой. Сколько всякого на пути встречалось! Сколько раз вступали в единоборство с врагом, получали отметки на броне и собственном теле. До сего дня один осколок сидит в нем – рядышком с сердцем. Хирурги не отважились трогать: как бы не случилось худшее. Нет, не за здорово живешь ордена вручали.

Конечно, было и такое – да и сколько раз было – за что наград не давали. Но такое, что никогда не выветрится из памяти солдатской.

Случилось это в августе сорок четвертого в районе Кракова, в небольшом польском хуторке недалеко от Вислы. Готовился очередной удар по немецкой обороне. Только на этот раз Василий Толщин

не пойдет в атаку в составе своего экипажа. Он будет при комбате поддерживать по радиции связь с комбригом.

Командир батальона майор Волобуев облюбывал для наблюдательного пункта аккуратный крестьянский дворик, взобравшийся плетнем на небольшой пригорок. Василию велел находиться с радицей у погреба. Потом и сам пришел сюда.

Выбросил антенну на яблоню и вместе со штабниками и хозяевами усадьбы устроился в самом низу. Надежнее. Фашисты ведь бьют по хутору. Не то пристреливаются, не то разгадали замысел нашего командования, норовят предупредить.

Снаряды рвутся совсем рядом. И вдруг так рвануло, что волной, как щепку, бросило Василия в самый угол погреба. Посыпалась земля, полетели перекладки, подпорки. Погреб наполнился удушливым дымом сгоревшего тола.

Первое, что он увидел, - огромную рваную дыру вместо узкого просвета тамбура, откуда шла лестница, а за нею - кусок голубого неба. Где же люди? Боже мой! Да их фугаска смешала с землей, бревнами, разной рухлядью. Впрочем, кажется, не всех. Сам вроде бы цел. Чувствует: кто-то тормозит за ногу. Кто? Что говорит? Мать честная! Да это же комбат. Тоже, оказывается, жив. Ну, громче, громче, товарищ комбат. Кажется, оглушило. С комбригом связаться? Как же свяжусь, когда рация разбита? Пешком бежать? Есть, товарищ майор! Вот только перевяжу вам рану... Вытащу наверх...

Когда утихла стрельба, отыскал на противоположном конце хутора штаб бригады, передал, что велел майор: впереди огневые точки противника - наступать лучше в обхват, двумя флангами, и что сам Волобуев ранен, ждет помощи. Человек семь погибло...

Возвращался из штаба напрямиком, огородами. И, наверное, хорошо, что огородами. Дружка по роте - Сережку Хрестолобува - выручил. Лежал под плетнем с перебитой ногой, кровью истекал. К колодцу за водичкой шел Серега. И вот...

Взвалил на плечи, поволок в направлении сосновой рощицы, где в укрытии ждут своего часа наши танки.

Но контузия дала знать. Саженой через сотню упал наземь, потеряв сознание. Очнулся в медсанбате. А Серега... Увезли во фронтовой госпиталь. Это хорошо. Теперь и мне, доктора, сделайте хорошо: выпустите на волю, а то долго придется догонять своих...

Так вот дошел до Германии, затем кружным путем до Чехословакии. Под Прагой и встретил Победу.

После войны тридцать лет отдал службе в армии здесь, на Дальнем Востоке. А еще пятнадцать лет учительствовал – в Хабаровске и Охотске. Потом осел в Биробиджане.

Однажды получает письмо из далекого Львова. Пишет некая Зеленина Эсфирь Львовна. Мол, вы, Василий Михайлович, воевали вместе с моим другом юности, имя которого я и поныне ношу в своем сердце, - капитаном Пастернаком. Не смогли бы о нем рассказать? И вновь крылья памяти уносят в те годы. Да, служил с капитаном Пастернаком. Он тогда в подвале погиб. Но тот ли?

Да, да, тот самый! Чего не знал сам Толщин, знали юные следопыты Львовщины. Они собирали через архивы, родственников оставшихся в живых однополчан сведения о тех, чей прах перенесен сюда, на Холм Славы, с чужой земли. Перенесён и рядового Толщина. Понятное дело, связались с военкоматом, где призывался он, с его родственниками из села Красный Бор. Оттуда сообщили: Толщин жив-здоров, обратитесь по такому-то адресу в Хабаровский край. Вот и воспользовалась услугами ребят бывшая подруга одного из воинов.

«Похоронили» самого Толщина тогда, в сорок четвертом. Кто-то знал, что он находился именно в том погребке, куда угодила фугаска, и посчитал его тоже погибшим. Вот так и появилась на Холме Славы могильная плита с надписью: «Рядовой Толщин. Погиб в 1944 г.»

Побывал Василий Михайлович на том Холме Славы. Цветы положил на плиту. Не себе, конечно, а кому-то из однополчан, чьи кости дотлевают в этой могиле.

ГАРМОНЬ

- Здравствуй, папа!

- Здравствуй, сынок!

Они заключили друг друга в крепкие мужские объятия после долгой разлуки.

Вот эта волнующая история...

По-разному женщины амурского села Отважное провожали своих мужей на фронт. Одни молча, прикусив губы, другие – неистово рыдая. Екатерина Стрельникова – та совсем не вышла на улицу. Не захотела. Тогда Никифор возвратился в свою избу.

- Катерина, не срами перед народом. Выдь, проводи. Может быть, насовсем... Может, и не свидимся больше...

- Тебя провожать? Нет уж, извиняй.

Никифор и это стерпел. Он молча поцеловал в пухленькие щечки малютку-сына и побежал догонять колонну новобранцев. Ребята суют в его руки гармонию. «А ну-ка врежь, дружок. Чего нос повесил?» Никифор отмахнулся. Им, бесшабашным, и невдомек, что, может быть, при виде вот этой самой, с обшарпанными мехами, гармони теперь у него на сердце кошки скребут.

Да, гармонь... Как она умеет говорить, обвораживать в его длиннопалых мозолистых руках! Бывало, летним вечером соберутся деревенские девчата и парни у плетня под развесистую черемуху. Никифор растянет меха да как ударит «Гопака» или «Барыню». Как пойдут по кругу девчата и хлопцы!.. Или затынет задумчивую. Тогда гармониста обступят плотным кольцом, и покатится по селу раздольная песня, взвоется в небо и полетит высоко-высоко. К самым звездам.

К полуночи вечеринка тает. Пары начинают расходиться. Никифор последним поднимается с лавочки и под грустный напев двухрядки бредет домой. Единственной верной подружкой по-прежнему оставалась гармонь. Как-то не получалось у него, не умел подходить он к девушкам. Пока в руках двухрядка — герой, но стоило отложить ее в сторону и заговорить с девчонкой — краснеет по самые уши. И чего он таким несмелым народился?

Впрочем, пришло время, и к Никифору постучалось счастье. Жила на самом краю Катерина Овсянникова — колхозный счетовод. По возрасту была старше всех деревенских холостячек. Но внешностью недурна. Фигурка отточена — залюбуешься. Голубые, словно полуденное небо, глаза. Чуть вздернутый нос и щеки с ямочками. Не один из здешних парней вздыхал по Катерине. Да тщетно. Она держалась гордо.

Никому не позволяла ухаживать за собой. А к Никифору, считай, сама пришла.

- Сыграл бы для меня, Никиша, - сказала однажды Катерина своим мягким грудным голосом.

Конечно же, Никифор с удовольствием сыграл. И проводил до самой калитки. Потом стал, как говорили ребята, «штатным провожающим». А пришло время, Никифор и Катерина поженились. Появился сын.

Заглохли под ветвистой черемухой песни: кроме Никифора, в селе никто не владел гармонью, а сам он уже не появлялся по вечерам на улице. Если, бывало, обратятся к нему с просьбой выйти сыграть,

Никифор сразу переводит взгляд на жену: что та скажет. Катерина бесцеремонна:

- Неча там делать Никише.

Никифор спокойно убеждал жену, что он должен, ну просто обязан играть. И потом, оттого, что он вечерок-другой поиграет, ничего же не случится дома. Может, одного не хочешь отпустить? Тогда оставляй у мамыши Толика и айда со мною вместе.

Слушая мужа, Катерина задумчиво глядела в сторону. Она что-то скрывала от него. Но однажды решила во всем открыться.

- Знаешь, ни ты, ни я никуда не должны ходить. Надоело мне слушать укоры.

- Это какие еще укоры?

- Да такие... Вот хотя бы сегодня. Приходят бабы и сами с подко-
вырками: мол, старая дева окрутила парня...

- Ну и пусть себе болтают, а ты ноль внимания.

Вскоре после этого разговора сельский избач предложил Никифору принять участие в художественной самодеятельности. Без гармониста не обойтись. Стрельников согласился. С того и началось. Едва Никифор переступит порог избы, уже бежит навстречу Катерина. Ты и такой, и рассякой. Да лучше бы я тебя не знала. Лучше б разойтись. И никакие уговоры теперь не действовали.

Может быть, со временем все бы утряслось, может, по-иному сложилась судьба этих людей, если б не война.

Уже на третий день войны Никифора призвали в армию. Два месяца трудной учебы. Потом фронт. Горькие дни отступления... Жаркие бои. Форсирование Дона. Берлин... Тяжелые и легкие раны... Медали и ордена...

Четыре года солдатских дорог посеребрили виски, изрезали лицо морщинами. Во всем стал другим. И только пальцы, как и в молодости, залихватски бегали по клавишам. Трофейный аккордеон почти всю дорогу пел в его руках. И те солдаты, что ехали вместе с ним домой в прокуренной теплушке, откровенно завидовали удалому гармонисту: такому, наверное, всюду легко живется.

Вот и родное село. На улицу высыпали встречать фронтовика почти все отваженцы. Жены среди них не было. Где она? Что с ней, что с Толиком?

- Да ты не спеш. Успокойся немного, все объясним, - трогает за плечо один старый дружок. — Укатали твоя Катерина, браток, куда-то на Запад. Забрала мальчонку и укатали с кем-то. Говорит, все

равно мне с Никишей не будет житья.

Такое известие словно обухом ошарашило по голове. Несколько дней ходил Стрельников по селу хмурый, что туча. Ни с кем не разговаривал, ни к кому не заглядывал в гости. Потом собрался и уехал в Хабаровск к своему фронтовому другу, который работал машинистом на паровозе. Тот предложил ему устроиться работать на железную дорогу.

Никифор не захотел остаться в Хабаровске. Город не особенно прельщал его. Уехал на маленькую станцию в Еврейской автономной области, стал путевым обходчиком.

Года через два сошелся с женщиной, муж которой погиб на фронте. Срубил небольшой дом, стал жить, как и все другие. Только вечерами он долго не засыпал. Не давала покоя мысль о сыне.

А в это время где-то далеко на Полтавщине белобрысый, точь-в-точь с такими же, как у Катерины, голубыми глазами рос сорванец Толька.

Мать не особенно-то приглядывала за ним. Последнее время она пристрастилась к выпивке. В доме вечно какие-то гости, шум, скандалы. Тринадцатилетним мальчонкой Толик убежал от матери, связался с хулиганами. Но нашлись люди, которые прибрали его к рукам, определили в ремесленное училище.

После училища паренька направили на одну из шахт Донбасса. Здесь он стал посещать вечернюю школу. Ну и, конечно, ни один концерт художественной самодеятельности не проходил без его участия: у Толика оказался на редкость красивый голос.

И чем старше становился Анатолий, тем серьезнее задумывался над своей судьбой. Он хорошо знал, что где-то далеко есть у него отец, от которого мать получала денежные переводы. Но кто он, какой он? Почему не был с ними? Где сейчас? Раскрыть эту тайну помогла случайность. Анатолия Стрельникова призвали служить в армию. В части он сдружился с Гришей Шурановым, бывшим трактористом Уланского совхоза, что расположен недалеко от Амура.

- Слушай, Толик, - сказал как-то Гриша, - к нам в совхоз из соседнего полустанка часто приходил с гармонью один железнодорожник по фамилии Стрельников. Не с родни ли?

Анатолий решил написать. Так просто, на всякий случай. Вскоре пришел ответ. Отец! А через несколько дней командование предоставило отличнику боевой и политической подготовки Анатолию Стрельникову краткосрочный отпуск, чтоб повидаться с отцом.

-Так вот ты какой у меня! — Никифор с улыбкой глядит на подтянутого солдата-крепыша, а на глазах непрошенные слезы.

Хозяйка постаралась как следует накрыть стол. Собрались соседи, родичи. Никифор ни на шаг от Толика.

- Так кем ты думаешь стать?

- Сначала хотел артистом, теперь решил — горняком. Вот отслужу... Впрочем, после поговорим обо всем. А сейчас лучше возьми, батя, гармонь. А я спою.

ГОСПОДИН ГЕНЕРАЛ

Ему, с годами привыкшему к умиротворенной тишине провинциальной глубинки, Москва напомнила растревоженный улей. Все в ней гудит, кружится, несется неведомо куда с невероятной скоростью. А вокруг громоздятся серые дома с фасадами-сотами. Повсюду масса разного люда — мужчины, женщины, детишки. И все почему-то кажутся на одно лицо. Как пчелы. Наверное, все-таки сдает зрение. Уж как бы не ошибиться. Как бы суметь выделить из этой одноликой толпы того, ради которого, собственно, он и завернул в столицу к условленному дню, возвращаясь с побывки в родном селе на Вятчине. Своего однополчанина Алексея Попова.

Стараясь успокоить разбушевавшееся сердце, неуклюжей походкой преодолевает подземный переход и оказывается в сквере у Большого театра, чуть ли не до отказа заполненном такими же, как он, пожилыми людьми.

Мать честная! Кого тут только нет! Генералы с увесистыми «иконстасами» наград. Офицеры, сержанты, рядовые в гимнастерках, чудом сохранившихся с военных лет. Но, конечно же, все больше штатские. Над головами многих из них щитки с названиями частей и соединений, написанными дрожащими старческими руками.

Он останавливается в сторонке, обводит толпу прищуром выцветших глаз. А сердце, как голубь в клетке, колотится, колотится. Так и норовит вырваться наружу. Вон там, на белом щитке, кажется, значится родимая. Да, да, она и есть, 352-я стрелковая дивизия...

Расталкивает локтями толпу, невзирая на чины и ранги. Пробивается поближе.

Древко с табличкой в руках шупленького старшины. Людей возле него совсем мало, с десятков - не больше. Сколько б их всего-то

теперь набралось из всей дивизии? На роту не хватило бы.

О чем-то оживленно судачат мужики-однополчане. Но вот один из них - в светлом плаще, худой и с заметной болезненной желтизной на щеках - шагнул навстречу.

- Рядовой Соломатов?

- Товарищ капитан? Попов?

Сомкнулись в цепких объятиях два человека — он, Дмитрий Иванович Соломатов, и Алексей Алексеевич Попов. Два воина. Два фронтовых побратима.

- Так вот ты каким стал, рядовой Соломатов! — И вдруг глаза Попова озорно засверкали, лицо тронула улыбка. — Постой, постой. Почему это я все рядовой да рядовой. Ты же господин генерал, черт тебя побери! Вот кто!

Тут уж и Соломатов рассмеялся:

- Не забыл, Алексей?

- Как же! Помнится, помнится. Многое помнится, Дмитрий Иванович.

Потом ночь напролет они сидели за столом, неспешно высасывая рюмочки «Российской», и говорили, говорили...

- Ну ты, Иваныч, и учудил тогда. Сколько годов минуло, а до сих пор, как вспомню, так за живот хватаюсь.

- На войне всяко бывает, - скромничает Дмитрий Иванович и раздумчиво крутит заскорузлыми пальцами рюмочку с недопитой водкой. После недолгого молчания ввертывает вроде бы ни к селу ни к городу:

- Ты вот что, командир. Объясни мне такую вещь. Откуда берутся войны? Кто их придумывает?

Попов не спешит с ответом. Он пропускает маленький глоточек, по-старчески кряхтя и ерзая на стуле. На лбу складочки морщин. На щеках еще отчетливее обозначилась нездоровая желтизна.

- Понимаешь, Иваныч, она не подвластна конкретному человеку. Война — это, понимаешь, продолжение политики... Только насильственным путем. Причины войн носят объективный характер...

Соломатов в знак явного несогласия качает головой:

- Не, не то говоришь, командир. Не то. Как-то по-книжному у тебя получается. А книги врут много. Выходит, Сталин и Гитлер, ну и, конечно, Черчилль с Рузвельтом не могли между собой договориться, ударить по рукам. Им просто людей не жалко...

Тот решил перевести разговор на шутку. Все равно ни к чему не

приведет. Тысячелетиями люди решают эту жгучую проблему и все никак не могут решить. Войны были, есть и, наверное, долго-долго еще будут. Иначе какой резон человеку так гнаться за вооружением?

- Господину генералу должно быть яснее. Его масштабы мышления куда пошире и пообъемистей...

- Шутник ты, командир.

Если на то пошло, то Дмитрию Ивановичу совершенно неизвестно, что творится в его «генеральской» голове. Человек он маленький, никаких университетов не проходил. Если чему-то и научился, так это у самой жизни. Именно она определила его собственное видение мира. Никто ни за что на свете не убедит его, что убийство человека можно морально оправдать. Разве ж для погибели матушка-природа произвела человека на свет божий? Предназначение людей – жить в мире и согласии. Работать, детей растить. Земля большая, всем места хватит. Надо только разумно распорядиться ею.

Всегда ли он так думал? Вряд ли. В далекие годы молодости обуревали заботы более прозаичные и практичные. Как и многие его сверстники, вступил в комсомол. Воронка-выручалочку отвел на колхозный двор. Жуть, как жалко было. Да что ж поделывать-то? Все ведут. И он повел. Довольствуясь тем, что хоть подворье с добрым домом да амбаром, срубленными руками деда, остались нетронутыми.

Их колхозной деревне Богданово, что на Вятчине, можно сказать, везло и не везло. Везло тем, что деревенские мужики и бабы, как на подбор, работающие, щедрые на доброту. И что вокруг - черноземы. Как на Кубани. Ну, а не везло тем, что районные энкавэдисты никак не давали председателям долго задерживаться в этой роли. Поработает человек несколько месяцев, глядишь, подкатил «воронок» (вот не думал, что так испоганят кличку любимца-жеребца!). И прощай, председатель, на веки вечные! Потом райкомовцы привозят нового. И вновь история повторяется. Конечно, частенько вместе с председателями «воронок» увозил в район и пару-тройку рядовых колхозников.

Как-то на собрании деревенские комсомольцы добрались и до Дмитрия: почему это до сего времени не перевез на общественный двор свой амбар. Колхозу, понимаете, негде зерно хранить, а он его пустым под замком держит. Способствует врагам народа...

Ну, что тут скажешь? Что предпримешь? Отвергнешь требование – вслед за председателями отправишься. Сдашься – всю жизнь корить себя будешь: такую постройку не сберег. Из свежих бревен и теса. С железной крышей...

- Вот дождусь лета, потом, - обещал. Надеялся — пройдет время, позабудут про амбар.

Ну, а с приходом летней поры его только и видели. Колдует в кузнице на краю села. Ремонтирует сеялки, бороны, лошадей подковывает... Работы всегда невпроворот. Успевай только. Частенько тут, в кузнице, и заночует. А уж когда его взяли в МТС и посадили на новенький «натик», вовсе редко появлялся дома. Все в борозде. Причем, работал основательно, красиво. Так, чтобы и рядочки под линейку, и глубина разделки почвы соответствовала. Передалась дедовская закваска.

В тот злополучный день он поднимал пары. Погода стояла солнечная. Трактор без особой натуги тащил плуг. Подрезанные пласты послушно переворачивались, поблескивая на солнце влагой, будто смазанные маслом. Поле было большое. Но он намеревался во что бы то ни стало к полуночи «добить» его, чтобы завтра утром переехать на другой участок.

Едет, поминутно вглядываясь то вперед, то назад, где над свежeverнутыми пластами беснуется воронье. У разворота, где начинается полузаросшая полевая дорога в деревню, невесть откуда появился бригадир Петька Баранов на своем буланом коне. Подъехав вплотную, он махнул рукой: мол, останавливай и слезай.

Соломатов прыгнул на землю — потный, в мазуте и пыли. Протягивает руку.

Бригадир — его ровесник. Друг с другом на «ты».

- Чего хотел, Петька?

Тот глядит угрюмо в землю, под ноги.

- Ты, тово... Останавливай трактор. И в деревню. Фашист войной пошел...

У Дмитрия отчего-то вдруг пересохло в горле, однако старается приглушить подступившее чувство смятения и страха.

- Откуда знаешь?

- Сам товарищ Молотов выступал по радио...

Прикатили в село. А там такое творится! Бабы голосят. Мужики кучкуются возле сельсовета: галдят, перекрикивают друг друга. Списки добровольцев составляют. Соломатов подошел к ним. Шумят, как ошалелые. Толкают друг друга в бока. Уж мы поддадим этим германцам!

И так ему сделалось тоскливо и горько. Так у него защемило в душе. Ну, чему радуетесь, дурачье голозадое? Крови человеческой?

Нет, други-товарищи, увольте. Не пишите мою фамилию. Не хочу, не хочу на войну! Не хочу стрелять в людей!

Удерживали и другие, более прозаичные, по его разумению, причины. Жена на сносях. Как она обойдется без него? И опять же — амбар. Такой он ладный. Так мастерски сложен. Бревнышки одно к одному впритирочку. Законопачен. Пол гладенький — ни заусеницы. А крыша-то. Уж так она разногласно играет в ветреный летний дождь! И под жильем можно. И добро храни — надежно. А хранить все равно когда-нибудь будет что. Не век же пустыми трудоднями перебиваться. Сломают без него амбар, прохвосты. Перетащат на колхозный двор. Там сгниет...

И уж так обрадовался, когда сами же мужики постановили: Соломатова Митьку покель не надо записывать. Без его мастеровых рук колхозу не протянуть...

На первых порах его персональное участие в защите страны определялось тем, что он гонял в город для отправки воинским частям эмтээсовские трактора.

Но тревожные вести постепенно вносили в судьбы селян, как, впрочем, и горожан, свои коррективы. Надеялись в два счета побить врага на его же, вражьей земле. А он, круша все на своем пути, до самой Москвы докатил.

Подчистили деревню Богданово. Основательно подчистили. Из мужиков остались большей частью старики да безусые подростки. Дошла очередь и до него, Дмитрия Соломатова. Что ж поделаешь? Как ни крути, а всем время за оружие браться.

Попал в шестую батарею 914-го арtpолка 352-й стрелковой дивизии. Но попал уже после того, как немцев отбросили от Москвы и стали основательно теснить к западу. Дивизия формировалась в Казани. В нее, кроме русских, вошло много татар, украинцев, казахов, азербайджанцев, грузин, евреев... После изнурительных подмосковных боев полки дивизии изрядно поредели и тут рады были каждому свежему солдату. Тем более, хорошему.

А какой же он солдат, когда при вое снаряда какая-то неведомая сила швыряет его на землю. Дрожа телом, он пытается спрятать в случайной ямке голову. Ребята из расчета скалят зубы:

- А задницу-то для чего выставляешь, Соломатов?

Злится. Но помалкивает. Понимает: станешь огрызаться — вообще покоя не дадут. Надо терпеть. Пройдет какое-то время, и он безошибочно станет определять по звуку летящего снаряда, куда именно он

упадет, без суеты и излишних движений управляться с казенником пушки, устанавливать в заданном режиме прицел, чувствовать простреливаемые места. Он свылся с бесконечными пожарищами и вереницами беженцев, разбросанными повсюду трупами — немцев и наших. Большею частью полураздетых, а то и вовсе голых. Потому как одежда убитых очень быстро перекочевывала к обнищавшему населению.

Но однажды увиденная картина буквально потрясла его. Случилось это в одной из деревень на Смоленщине. Их батарея только что окопалась за крайними огородами, и солдаты коротали время у орудий в ожидании кухни. Деревня будто вымерла. Ни души. Попрятался народ: кто в погреб, кто в лесочке. И вдруг на позиции появляется какая-то женщина. Не женщина — привидение. Волосы распущены, на плечах тряпье. Искажённое испугом, мертвецки бледное лицо.

- Миленькие мои! Выручите, пожалуйста. Господь вас вознаградит. Вытащите из колодца моего сыночка... И еще двух хлопчиков... Пьяные немцы покидали туда... за то, что в машину к ним забрались и вроде бы что-то украли...

Женщина привела к колодцу с рухнувшим «журавлем». Кто-то принес «кошку». Как же еще извлечь тела из полутораметровой глубины. Опустили в колодец маленького роста солдатика — с «кошкой» и второй веревкой. Вылавливает ребят по одному, привязывает к веревке, а те, что наверху, вытаскивают трупы и укладывают на траву. «Кошка» была остроиглая и безжалостно рвала тела несчастных. Дмитрий и раньше много раз слышал от очевидцев, читал в газетах о зверствах гитлеровцев на нашей земле.

Но одно дело — слышать от кого-то, а другое — видеть своими собственными глазами. Его трясло.

Охваченный каким-то оцепенением, наблюдает жуткую картину, пытается заставить разум понять, оценить то, что произошло. Нет, нет, на подобное способны страшные люди. Боже мой! И такое вполне могло случиться в их родной деревне, с его кровным дитем, которое без него родила жена Елизавета.

В эти-то минуты и произошли в нем перемены. Понял окончательно: для фашиста закон не писан. Будет творить он все, что ему вздумается: жечь, грабить, убивать, глумиться над памятниками. До тех пор, пока не спровадишь прочь. Да, да, теперь будьте уверены, друзья-однополчане: что касается лично его, солдата Соломатова, то с его стороны не будет никакой пощады врагу.

Только что это значит: не будет пощады? Ты что, Илья Муромец какой? Это только твои собственные мысли такие объемистые. А сам ты обыкновенный серый солдатик, «пристегнутый» к пушке. Поглядел бы на себя со стороны. Глаза ввалились, на потемневшем худом лице ссадины. Ноги, завернутые в обмотки, что жердочки. Во всем теле, пожалуй, осталось всего-то с четыре десятка килограммов веса. Муромец!

Крути не крути, а ты все равно остаешься простым солдатиком, от которого одно только и требуется: четко и безропотно выполнять работу, к которой тебя приставили. Ты вроде бы песчинка в этом бушующем людском море. Сдунет — не заметят. Сколько вон их рассеяно уже на пути, оставшемся за плечами. А полки живут. Они идут и идут вперед.

С другой стороны, маленький человек — солдат. Только и генерала нет без него. Выходит, солдат совсем и не песчинка. Боец! Который, случается, и в единственном числе выручает взвод, батарею, а то и целый полк. Позже Соломатов не однажды на собственном опыте убедится в этом.

Несколько недель кряду их батарея сидела в обороне. Понятно, периодически постреливали по сопредельной стороне. И вот постепенно запас снарядов иссяк. Надо вновь создавать его. Тем более, что, по всему чувствуется, совсем скоро — артподготовка, а следом и прорыв немецкой обороны. Но ведь и гитлеровцы не дураки: лупят и лупят по нашим позициям. У них все под прицелом. Не пройти. Верная погибель. А снаряды нужны.

«Может, попытать счастье», - мелькнуло в сознании.

Взводный одобряет:

- Давай, Соломатов. Давай, браток!

... К овражку, где ящики со снарядами, саженой двести. И нигде на пути никакого укрытия. Расстояние преодолел благополучно. Там, в овражке, нашел кусок крепкого телефонного провода. Петлю на ящик и по-пластунски, волоком, волоком. А недалеко от бруствера, чтобы не взбираться на него, бросает конец провода в окоп. Давайте, славяне, тяните.

Вот так несколько «рейсов». Пока немцы не обнаружили и не открыли огонь. Еле-еле вывернулся. Причем не совсем целый: осколок угодил в шею со спины. Рану почувствовал, когда по гимнастерке заструилась кровь и от слабости стали подкашиваться ноги.

От медсанбата отказался. Обошелся полковой санчастью: «Еще от батареи отстану».

А война все с новыми и новыми сюрпризами. На белорусской земле совсем худо стало с тяглом. От бескормицы и чрезмерной нагрузки пало больше половины лошадей. Те, что сохранились, тоже совсем никудышные. Тащить пушку могла только упряжка из восьми лошадей. А дорога зовет: вперед! Вперед! Ломают головы командиры: гадают, как выйти из положения. И надо же, вновь Соломатов! Натолкнулся случайно в одной деревне на гусеничный трактор. Ржавый, заброшенный. А ведь приворожил. Раздобыл и установил магнето, другие нужные детали. Попросил танкистов помочь «обкатать». Затарактел!

Подогнал ближе к позициям. «Поглядите, какой конь, славяне! Орудия всей батареи увезет».

Долго и вполне надежно служил батарее этот возвращенный к жизни гусеничный тракторишко. Пока не случилось то, что постоянно подстерегает фронтового солдата: долбануло снарядом трактор. Да так долбануло, что разворотило двигатель, радиатор, разбросало по сторонам башмаки гусеницы. Солдата Соломатова, совершенно безжизненного, отправили в прифронтовой госпиталь.

Месяц от него — ни слуху ни духу. Но вот однажды (это было уже на границе с Восточной Пруссией) является в батарею. Свежелицкий, с улыбкой до ушей.

- Жив, старина?

- Как видите, братья-славяне. Прошла контузия. Снова воскрес...

Позже еще получал ранения. Но они уже не в счет, потому как не были тяжелыми.

Ему легко служилось в шестой батарее. Ребята хорошие. Командир Алексей Попов что надо. Строг, справедлив. Солдата в обиду не даст. Если и запомнился какой конфликт с Поповым, так это вызванный ребячьей выходкой самого Соломатова.

Война не приемлет прямых линий. Она — нечто вроде змеи невероятных размеров, в чешуе из огненных смерчей. Смерчи постоянно перемещаются, делая изгибы: на какое-то время затихают, чтобы затем разразиться с новой силой, сметая все живое и неживое. Случайно выдавшееся «оконце» для солдата — праздник. Можно спокойно привести в порядок оружие, смыть с тела грязь, нацарапать письмишко в родные края или попросту подуматься.

Для их дивизиона такое «окошко» выдалось в одном небольшом прусском городишке. Как и другие города, он был крепко изранен. И надо же, среди разрушенных и полуразрушенных строений Соломатов обнаружил на улице, примыкающей к их позиции, один чудом сохранившийся в целости-невредимости особнячок под островерхой черепичной крышей, с фруктовым садом, цветником и фонтаном перед крыльчком. Дай, думает, зайду, спрошу у хозяев по русскому обычаю, как живут-могут. А чего стесняться-то? Чай, победителями пришли на германскую землю. Так что извольте встречать с почтением.

Проник во двор. «Фрау-мадам!». Молчание. Поднялся на второй этаж. Тоже ни души. А в доме-то, в доме! Одна люстра, наверное, на миллион марок потянет.

Прошелся по комнатам. Заглянул под столы, кровати. Платяной шкаф раскрыл. Добра хоть отбавляй. И среди всего прочего он вдруг обнаруживает немецкий генеральский мундир с крестами-наградами. Примерил перед зеркалом: как на него шили. Брать или не брать? Не пахнет ли это мародерством? За него ой как карают нашего брата.

А, была не была! Бог простит. Вон как грабил немец россиян. Должны же чем-то оплачивать. Напяливает на свое немощное тело генеральский мундир, фуражку с высокой тульей на лоб. Сапог, правда, не нашлось. А, бес с ними! Сойдут и русские обмотки. Проснулось в человеке детство.

Эдак, подбоченясь, шагает к батарее. Что-то сейчас будет!

Солдаты, сбившись комочками у своих пушек, уплетают за обе щеки перловую кашу. Дмитрий — над ними, на осыпающемся бруствере, стоит, широко расставив ноги. На него — ноль внимания: каша для солдата главное.

Но вот он изо всей мочи простуженного горла орет: «Хальт! Хенды хох!» Те встрепенулись: что это, привидение? Аль взаправдашние немцы сыграли над ними злую шутку? Командир батареи, который до того колдовал над картой-миллиметровкой, схватился за кобуру пистолета. Еще мгновение — и «ТТ» глянет на Соломатова черным смертоносным глазком.

А генеральская рожа между тем расплывается в улыбке. Обмотка на одной ноге развязалась и осела на истоптанный ботинок.

Кто-то из солдат вносит ясность:

- Да это ж Соломатов, черт безрогий!

И давай хохотать все хором: дружно, заливисто, от души. Но тут слышится разгневанный голос Попова:

- За такие шуточки, Соломатов, на гауптвахту полагается. Жаль, что нет на фронте. Кто разрешал шляться по жилому массиву, в чужой дом заходить?

- Так дом-то ничейный, - переминаясь с ноги на ногу, пытается оправдаться «генерал».

Потом Попов, как это всегда случалось с ним и раньше, отошел. Ладно, мол, бери котелок и марш за кашей. А мундир сочтем за трофеей. В штаб полка отправим.

С тех пор к Соломатову и пристало прозвище «господин генерал».

Потом были падение Берлина, взламывание ворот концлагерей, встреча с американцами. И, наконец, возвращение домой.

Если бы вы спросили у Дмитрия Ивановича, как он жил дальше, ответит: «Обыкновенно жил. Растил хлеб. Клепал раскаленное железо. Детишек производил на свет божий».

Первенцу Славику, что родился в войну без него, не повезло: уже взрослым погиб на производстве — током убило. Боря, Женя, Алик, Ваня, Сережа и Валера — те здравствуют. Дети-то и сманили его на Дальний Восток.

Не жалеет. Здесь, в малюсеньком поселочке под названием Усов Балаган, где поселился, жить можно. Огород, скотина, пасека. Борде легче с ветром спорится. Фронтная пенсия...

С годами Дмитрий Иванович всё реже и реже вспоминал о войне. Что было, то было. Надо жить сегодняшними заботами.

Но вот однажды почтальон приносит письмо. Пишет Попов от имени ветеранов 325-й стрелковой дивизии. Не сразу сообразил, что к чему. Потом, когда письмо было прочитано, все стало на свои места. Оказывается, юные следопыты натолкнулись в белорусских лесах на тот самый трактор, что разбило снарядом. Нашли ребятишки медальончик с именем солдата Соломатова. Отыскивали совет ветеранов части. И вот письмо: «Приезжай, дорогой Дмитрий Иванович. Твои однополчане будут так рады».

- Здравствуй, командир!

- Здравствуй, господин генерал!

- Как здоровье, Иваныч?

- Прекрасно! На девятом десятке вторая молодость, понимаешь, заявила, окаянная. Было б только все тихо, мирно. — И улыбнулся

бесхитростной улыбкой, какую не раз видели давным-давно однополчане на смуглом, очень российском лице рядового Дмитрия Соломатова.

Увы, жить ему оставалось недолго...

ДВЕ МАТЕРИ

Что-то произошло с Сергеем Ивановичем. С лица исчезла добродушная улыбка, щеки ввалились, а под глазами появились синеватые мешочки. Весь ссутулился. Идет — глядит в землю, медленно переставляя ноги. Будто несет на плечах тяжелую ношу.

Жена Марина попыталась было выяснить, что же в конце концов случилось, но он отмахнулся:

- Ничего особенного... Так... Пустяки...

Пустяки? Что ж он тогда по ночам не спит. Ворочается с боку на бок до самых петухов. А минувшей ночью поднялся, включил в горнице настольную лампу и часа три кряду сидел над какой-то бумагой.

Наконец терпение Марины кончилось. Она подошла к мужу, положила на плечо руку:

- Вот что, Сергей, хватит дурить. Рассказывай все как есть...

Собственно, он сам того хочет. Только как жена воспримет эту новость? Марине нельзя волноваться, у нее шалит сердце...

Многим, очень многим Сергей обязан Марине. Это благодаря ей сумел поправить подорванное здоровье и благополучно закончить институт. Это она родила ему двух хороших ребят. Теперь Вовка и Алька взрослые. Оба учатся в Хабаровске. Всегда делил он с Мариной и радости и горести, всегда в трудную минуту чувствовал ее поддержку. Ни разу за девятнадцать лет совместной жизни не напоминала она о Сергеевом прошлом. Да и сам-то он, считай, обо всем уже забыл. И вдруг этот тетрадный листок, исписанный неровным почерком.

Теплые амурские вечера. Нинка Красовская, голубоглазая, статная, веселая. Сергей души в ней не чаял. Нине тоже, наверное, нравился он. Не случайно же она с такой легкостью приняла его предложение пожениться.

Хотя в комнате молодого учителя Кравцова, кроме койки с проваленной сеткой, стопки книг да гантелей ничего другого не было, жили, в общем-то, счастливо. Молодость непрехотлива.

Появилась девочка. Назвали тоже Ниной. Строили планы на будущее.

Но тут грянула война. Сергей ушел в армию.

Перед отправкой на фронт удалось отпуск выхлопотать на несколько дней. Дочурка научилась уже что-то лепетать, возиться с куклами. Сергей не спускал ее с рук, никак не мог налюбоваться.

Прощаясь с женой, посоветовал:

- Отправь дочку в деревню, к нашим. И тебе будет легче в городе, и ей лучше... Война же...

Нина с тревогой глядит в глаза Сергея.

- А если еще родится?..

- Ничего, я скоро вернусь. Все уладится.

Разве мог он тогда предположить, что до конца войны придется столько исходить дорог?

На Курской дуге ранило. Месяц провалялся в госпитале. А когда поправился, забросили с десантом в глубокий тыл гитлеровцев на подкрепление действовавшим в Западной Украине партизанам. Он только и успел сообщить Нине письмом, что снова отправляется на фронт и что вернется после победы.

Нина ждала писем, а они не шли. Сделала запрос. Из Москвы сообщили, что Сергей Иванович Кравцов не числится ни среди погибших, ни среди пропавших без вести. Потом она все реже стала вспоминать о муже. В ее жизнь вошел другой человек.

Зато Сергей не забывал. Он чуть ли не каждый день писал ей письма и аккуратно складывал треугольники в полевую сумку. Пусть хранятся. Возвратится, вывалит сразу целую кучу на стол: «Читай, женушка. Тут вся солдатская исповедь, целая военная повесть».

Эх, если бы он только знал!

За столом родные, друзья. Мать-старушка подает соленые огурчики, режет припрятанного с осени вяленого сазана. И все всхлипывает. Дочка забралась на колени, позвякивает медалями. Она изрядно подросла, научилась рассуждать по-взрослому.

- А эту медаль с танком тебе за отвагу дали? Да, папочка? А нашу маму увез чужой дядя в Сибирь. Мама обещала приехать за мной. Да позабыла, наверно.

Сергей глядит на дочурку. Вылитая Нина. И глаза, и губы, и кудряшки ее. Разве вот только носик с чуть заметной горбинкой - от него.

- Обещала, говоришь? – переспрашивает Кравцов. И сам же в раздумье отвечает:

- Глупенькая. Теперь-то она уже вряд ли приедет. Чужому дяде не очень-то ты понадобишься. А если и приедет...

Не договорил. Прервал хмельной голос деда Опанаса.

- Скатертью дорога, Нинке-то твоей. На твою долю хватит красавиц. Выпьем лучше за победу, герой.

- Выпьем.

После третьей рюмки язык у деда Опанаса совсем развязался.

- По таким бабам, как твоя Нинка, неча горевать. Я-то знаю. Весь вечер гутарил с нею, когда приезжала последний раз. Я ей толкую: «Вернется Серега, обязательно вернется». А она мне: «Где ж там вернется, когда третий месяц не пишет, должна же о своей судьбе подумать. Вот повстречался человек. Интеллигентный. На «брони». Зачем упускать-то счастье. Поеду с ним в Сибирь, потом за дочкой...»

В город Сергей не поехал. Остался у матери в деревне. Тут тоже нужны учителя. Возьмет какой-нибудь из начальных классов, да еще уроки физкультуры. Проживут.

Вечерами нет-нет, да и вспомнит о Нине. Красивая все-таки. И не глупа. Одно только хочется понять: она мать. Почему не пишет, не поинтересуется дочерью?

К новому учебному году в школу прислали двух учительниц – Марину Александровну Сенину и Леночку Прохоренко. С первых же дней Андрей Иванович сдружился с Мариной. Сергей готовился поступить на заочное отделение пединститута, и она ему помогала. По воскресеньям ходила с ним на рыбалку, в кино. Привязались друг к другу. Дочурка тоже. Чуть что, к ней.

- Своих пора заводить, - однажды пошутил Сергей.

В ответ Марина вздохнула.

- У меня уже тоже была бы такая... да померла в войну. Муж не вернулся с фронта...

Через полгода сошлись. Марине Ниночка была как родная. Потом появились Вовка и Алька.

Годы шли. Заботы и время стирали в памяти то, что довелось пережить. Сергей и Марина старели. Нина вышла замуж и укатила с лейтенантом-артиллеристом куда-то на Камчатку. Вовка и Алька уехали в Хабаровск учиться. Село росло. Вместо семилетней школы стала десятилетка. Сергей Иванович получил институтский диплом, стал завучем. Словом, все в ажуре.

И вдруг это письмо. Сергей Иванович вынул его вместе с газетами из почтового ящика. Распечатал и никак не мог понять от кого оно. От прежней жены? Нет, почерк не тот. Чувствуется, еще не совсем оформился, но уже нервный. Буквы прыгают, в словах грамматические ошибки. И адрес странный - Краснодарский край. Как-кая-то стройка. Там нет у него ни знакомых, ни родных. И фамилия незнакома - Сафронова Лида.

Усталые глаза скользят по фиолетовым строчкам. И чем дальше, тем яснее становится их смысл.

«Здравствуйте Сергей Иванович! Я давно установила через бюро розысков ваш адрес. Но все не осмеливалась написать. Сегодня собралась с силами и решила. Рано или поздно должна это сделать.

Родилась я в сорок четвертом году, в Новосибирске. Материально жили хорошо. Отец заведовал какой-то торговой базой. У него был автомобиль и дача за городом. В одном только было плохо: недолюбливал меня отец. Во всем попрекал. Из-за меня и с матерью скандалил. Мама никогда не перечила ему, только украдкой плакала. Я чувствовала: из-за меня все это. Нужно было уходить. И я ушла. Поступила в строительную организацию, устроилась в общежитие. Потом замуж вышла. Муж, Володя Сафронов, - бульдозерист. Хороший человек. Про него даже в газетах пишут. У нас двое детей - сын и дочка. Квартира просторная.

Месяца два назад я узнала, что отца осудили за растрату. Договорилась с соседкой, чтоб приглядела за детишками, поехала к маме. И вот тогда-то она сказала, что настоящий мой отец - это вы, Сергей Иванович. И что где-то живет моя старшая сестра Нина. Если б вы знали, сколько мы пролили слез».

Сергею Ивановичу вспомнилась последняя встреча с Ниной перед отправкой на фронт. И ее опасение: «А если еще родится?» Значит, она утаила от нового мужа, что ждет ребенка. Но при чем же тут девочка? Разве она повинна в том, что случилось?

Какая она из себя, Лида? Наверное, такая же белокурая и глазастая, как старшая, Ниночка. Как она живет со своим Володей и ребятами, его, Кравцова внучатами?

«В прошлую субботу случилась новая беда. На стройке произошел несчастный случай, и Вовка надолго слег в постель. Сижу возле него и думаю о будущем: как-то сложится судьба?

Обо всем этом я пишу Вам потому, что знаю: Вы - хороший человек. Так мне сказала мама. И еще потому, что Вы мой отец.

Нет, я ничего не хочу от Вас. Ничего, кроме встречи. Какой Вы есть, настоящий мой отец?»

Марина начинает злиться.

- Да ты расскажешь, что же, в конце концов, произошло?

Сергей Иванович протягивает письмо. Все равно не скроешь.

- Вот, читай...

Она долго изучала письмо, вытирая платком глаза. Наконец, поднялась из-за стола, ополоснулась холодной водой.

- Пора на работу. До звонка сорок минут осталось...

А вечером, когда возвратились домой, подошла к мужу и сказала:

- Придется мне отложить поездку в санаторий.

- Почему?

- Съездим лучше к ней. Наверное, трудно ей там одной.

- У тебя же сердце...

- Сердце? Да, да, сердце, - задумчиво произносит Марина. — Надо, конечно, лечиться. Но ведь у какой матери оно не болит.

И от этих слов жены Кравцов вдруг почувствовал легкость, словно с его плеч сняли тяжелую ношу. Он надел плащ и отправился на берег протоки подышать свежим весенним воздухом.

ДОРОГА ШЛА ЧЕРЕЗ ВОЙНУ

В числе других экспонатов хранится в областном краеведческом музее и этот повидавший виды трофейный бинокль. Более тысячи дней и ночей прошагал с ним по фронтовым дорогам бывший командир пулеметной, а затем стрелковой роты житель Биробиджана Анатолий Абрамович Бибиков. Если бы прославленная цейсовская оптика позволила взглянуть через годы и расстояния! Но это невозможно. Лишь память человеческая может воскресить прошлое.

...То была, пожалуй, самая счастливая пора его жизни. Одно слово - молодость. Всего-то за тридцать перевалило. Здоровья хоть отбавляй. На всю бригаду хлебопеков, которую возглавлял в поселке Магдагачи, хватит. Два хлопца как на опаре растут — не нарадуют. Ленка в машинисты метит, а старший, Толик, получивший имя в честь отца, грезит авиацией. Время рассудит, летать ли Толику в небе и водить ли Ленке железнодорожные составы. Да это и не суть важно. Главное, чтобы людьми стали. Работящими, бескорыстными, душой и сердцем преданные Отчизне.

А сегодня... Сегодня самый раз всей семьей, с соседями выйти за поселок: поваляться на траве, вдоволь попеть песен. Что может быть прекраснее безоблачного неба, пьянящего запаха молодых трав, тишины и беспечного птичьего гомона?

Но к полудню небо начали заволакивать сизые тучи. Землю придавил полумрак. Где-то рядом ударила молния. На траву упали первые капли дождя. И все без уговора ринулись к поселку. А там, у клуба, народ. Позабыв о дожде, люди с затаенным дыханием слушают страшное слово: война!

Заголосила какая-то женщина. Другая. Кто-то из мужчин принялся успокаивать:

- Не тужите, бабы. Мы этому Гитлеру быстро шею свернем. Не на тех нарвался...

Потом председатель поссовета стал записывать добровольцев. Бибики в числе первых.

Но призвали не сразу, ближе к осени. И прежде чем попасть на фронт, ему предстояло закончить в Средней Азии трехмесячные офицерские курсы, а уже потом, измотанному учениями, новоиспеченным лейтенантом принять пулеметную роту 1019-го артиллерийского полка 336-й стрелковой дивизии.

То были, пожалуй, самые драматичные дни войны. Остались далеко в тылу гитлеровцев тысячи городов и сел. Враг у стен Ленинграда, рвется к Волге, Москве, Каспию. Всюду нелегко. Трудно и здесь, под Ельцом. Тысячи наших полегли на заснеженных полях. В роте 12 пулеметов. Приказ один: ни шагу назад. Найдутся ли силы устоять под натиском танков? Хватит ли у его людей воли и мужества отстоять занятый рубеж, а потом перейти в контратаку?

С рассветом гитлеровцы открыли по нашей обороне нещадный артиллерийский огонь. Бибиков передает по цепи: держаться! Приготовиться к бою!

И вот немцы пошли. Сначала несколько танков, затем пехота. Танки свернули вправо и нацелились на соседний батальон. На роту Бибикина — пехота. Идут гитлеровцы, поливают из «шмайсеров» наши окопы. Головы не высунуть. Заработали наши пулеметы. Командир в сопровождении ординарца, кубанского казака Гриши Скородума, пробирается по ходам сообщения, а где и ползком вдоль брустверов, от точки к точке, проверяет «работу» взводов. Молодцы! Но вот один пулемет заглох. «За мной, Скородум!» Так и есть: прямое попадание снаряда. Двоих из расчета наповал, третий тяжело ранен!

Сам улегся за пулемет. Гитлеровцы не выдержали, повернули обратно. И тогда он поднялся над бруствером во весь рост и во все свое охрипшее горло закричал:

- За Родину! Вперед!

В тот день бойцы его роты, а затем и весь стрелковый полк не только достигли линии обороны гитлеровцев, но прошли значительно дальше, захватили немало трофеев. В одном из окопов лейтенант Бибииков подобрал бинокль и уже до самого конца войны не расставался с ним.

Елец стал для него первым боевым крещением. На петлицах просолившейся от пота гимнастерки прибавилось по кубику, а на груди появилась первая награда, медаль «За боевые заслуги».

Все это было первым. Но не последним. Не ведает, не гадают солдат, сколько война может преподнести ему тяжелых испытаний, неожиданных сюрпризов. Многие из них страшными вехами обозначают путь воина. И, пожалуй, самой яркой такой вехой для него, как и для многих тысяч других воинов, стала Курская дуга.

Долгие оборонительные бои у села Поныри изрядно измотали силы батальона. Человек двадцать похоронили, свыше сорока отправили в госпитали. Тяжело ранило командира батальона майора Акулова. Покидая передовую, он приказал:

- Остаешься за меня, Бибииков. Смотри, не подкачай!

Легко сказать. А как устоять перед такой вражеской силищей? Может быть, благополучный исход боя решило то, что наше командование упредило фрицев. Нежданно-негаданно обрушило на его передний край шквал огня. Танки, пехоту двинуло. На чистом поле вслед за тридцатьчетверками поднялся с пехотой его батальон. И сразу же залег, встреченный огнем. Бибииков просит танкистов: «Слева, слева заходи, братва! Из села вышибайте». А там, у околицы, горят два наших танка. «Батальон, вперед!» — катится по цепи его команда. Бегут солдаты поротно, стреляя из автоматов и пулеметов. Падают на землю, поднимаются. И вот уже слышится мощное «Ура! Деревня наша!»

Рухнула огнедышащая «дуга!» Покатился враг к Днепру. А там новые схватки. Но теперь уже не сорок первый. Теперь мы многому научились. Оружием надежным обзавелись.

Под Шепелевкой то было. Направили их батальон через прорванную оборону во вражеский тыл с задачей перерезать железную и

автомобильную дороги, преградить гитлеровцам путь к отступлению. Легко, почти без боя заняли станцию. Смотрят: несколько локомотивов под парами.

Кто-то из бойцов предложил:

- Давайте, товарищ старший лейтенант, на поезде наступать будем.

- Неплохая идея! Надо только надежное боевое охранение обеспечить, да и суметь паровоз пустить.

Нашелся и машинист. Двинулись на поезде. Запомнился фашистам этот необычный рейд.

Фронтальная дорога вела старшего лейтенанта Анатолия Абрамовича Бибикова и его однополчан по землям Украины и Белоруссии, Польши и Чехословакии. А по сторонам дороги оставались пепелища, холмики солдатских могил. Сколько их? Сколько друзей-товарищей оставил он навсегда в сырой земле? Этого никому не дано счастье. Да и он сам, не однажды раненный, чудом остался жив.

Но вот, наконец, и Германия. Враг отчаянно пытался остановить советские войска. Большая группировка немцев шла с севера на вырчку Берлину. Схватка была трудной и кровопролитной. Многих потеряла рота в том бою, а командира контузило. Было это 8 мая 1945 года за несколько часов до капитуляции гитлеровцев.

Лечился в госпитале тут же, в Германии. Думал: «Поправлюсь и скорее домой, где ждут жена с двумя сыновьями». Но не волен солдат распоряжаться собою. Назначили военным комендантом одного маленького городка по названию Кодбус. Теперь уж иные заботы. И чем только не приходилось заниматься! Даже американцев принимать.

С одним молодым американским офицером сдружился. Теперь уж позабылось имя. Простой, веселый парень! Немного по-русски понимал. О войне, мире, семьях — о чем только не говорили. Когда расставались, обменялись сувенирами. Бибиков подарил купленный по случаю в одной немецкой лавчонке серебряный медальончик, американец — часы знаменитой фирмы «Павел Буре».

Трофейный бинокль и часы да ноющая рана — вот и все, с чем вернулся домой кавалер ордена Красной Звезды, трех орденов Отечественной войны, многих медалей Анатолий Абрамович Бибиков. Бинокль в музей отнес, а часы подарил старшему сыну - военному летчику Анатолию Анатольевичу Бибикову.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Дом оседлал прилизанную дождями и буйными ветрами сопку. Отсюда, от самого крыльца, перед взором открывается панорама кусочка земли. Пчелиными ульями рассыпался в распадке рабочий поселок: змеей извивается в тальниках небольшая речка Кульдур, досыта напоенная тальми горными снегами и целебными водами горячих ключей. Бегут большегрузные составы, сердито громыхая колесами на путевых стрелках. А дальше — тайга.

Несколько лет кряду бродил по ней Александр Иванович Каширин с геологами и не ведал — до чего же красива тайга, если взглянуть на нее со стороны! Словно завязтая модница, меняет она дорогие наряды во все времена года. В изумрудное одеяние рядится таежная ширь весной. Летом немного темнеет, стыдливо затягиваясь в голубоватую дымку. Зато осенью, когда первые заморозки тронут калиновую и виноградную листву, вспыхивает всеми цветами радуги.

Ему не раз советовали: смени, Александр Иванович, свой дом. Состарился он, не греет. Да и на кручу не так легко взбираться с твоим здоровьем. Уж для героя-то всегда отыщется добрая квартира. А он молча улыбался в ответ. Мол, добрый, наивный человек, если бы ты знал, как привык я к этой сопке. Ну просто не могу оторваться от нее. Выйдешь на крылечко — вот она, перед тобой, краса земная, какую еще ни один художник не написал.

Глядишь на эту красу — думается легко.

Да, прекрасна земля. И до чего же страшно, когда горит она в пожарах войны!

К новому месту жительства Саша привыкал быстро. Подкупаяще просто сходилась и с людьми. Может, характер такой. А может, жизнь научила тому. О, ему, сыну обездоленного тамбовского крестьянина, нелегко было начинать жизнь. Цепкая детская память навсегда запечатлела в его воображении картины тех далеких лет.

За окнами разыгралась январская метель. Облачившись в заплятанную холщовую рубашонку, десятилетний Саша наблюдает через заиндевевшее окно, как ветер резвится с яблоней. До его слуха вдруг донеслось лошадиное ржание, и вот уже посреди улицы появились конники — в больших серых папахах и дубленых полушубках.

- Солдаты едут! Солдаты! — озорно закричал Саша и стремглав бросился во двор.

Сидевший на полатях дед надел на босу ногу единственные в доме

валенки, случайно раздобытые Сашиним отцом на базаре в Тамбове, последовал за внуком. «Чьи они? Красные или белые?»

Один из седоков повернул взмыленную вороную к калитке каширинской избы, приказал деду вынести кринку молока.

- Да у нас и коровы-то не имеется, - взмолился дед.

- Тогда скидывай обутку, старый, - пробубнил солдат, - да поживей.

Старик уставился на гостя выцветшими глазами. Белоснежная борода ошетибилась, посиневшие губы вздрагивают, как при лихорадке. Наконец, освободившись от охватившего оцепенения, дед попытался было ошеломить своего врага неожиданной контратакой.

- Это по какому такому праву скидывай, а? Да ты знаешь, мил человек, что эти пимы четыре пуда зерна стоят. А тебе так, задарма? Ишь... Да я найду на тебя управу.

- Еще пужать будет, старый хрен. Скидывай, говорю! Считаю до пяти...

Не ожидая такого поворота, дед жалобно промычал и присел на ступеньку перелаза, чтоб иссохшими дрожащими руками стянуть с ног еще не растоптанные серые пимы, которыми, кроме отца и деда, никто в доме не мог пользоваться.

После он долго чертыхался и поучал внука житью-бытью:

- Вырастешь — не жалея мироедов. Всех их на тот свет к едреной бабушке!

Охваченный романтикой первых строек, Саша колесит по стране, работает на восстановлении разрушений в Ленинграде, сооружает рудники и железнодорожные линии. В начале тридцатых годов судьба забрасывает на Дальний Восток на строительство Комсомольска-на-Амуре.

Дни и ночи тогда у небольшого села Пермское разгружались баржи с цементом, кирпичом, оборудованием для будущих заводов. Ух, как доставалось. Намаются ребята так, что ног не чувствуют, мертвецки падают на палубу прямо в телогрейках. А отдохнут пару часов и снова за дело. Нельзя задерживать баржи. Там, в Хабаровске, их ждут новые грузы.

Однажды, наработавшись до одури, Саша пошел к умывальнику немного освежиться, а потом прилечь отдохнуть. Злой северо-восточный ветер неистово завывает в мачтах, вспенивает на Амуре волны. Он снял рубашку — хорошо подставить пропотевшее тело вечерней прохлады! Вдруг с берега:

- Тонут! Спасите! Тонут!

С берега отчалила шлюпка с кабелеукладчиками. Им нужно было срочно на ту сторону. Наверное, они. Конечно, они. Вон блеснуло глянцем на гребне волны дно опрокинутой лодки. Ну и угораздило же в такую погоду.

Саша кинулся к корме. «Ребята! Ребята!» Дрыхнут, черти, непробудным сном. Эх... И летит, сломя голову, по трапу к пляшущим на прибрежных волнах чьим-то лодкам. Отталкивается что есть мочи, налегает на весла.

- Ого-го-го-о!

- О-о-о, - слышится в ответ сквозь свист ветра.

Ага, вот они, кабельщики. Один ухватился за лодку, трое в отдалении друг от друга качаются на волнах.

Потом от берега оторвалось еще несколько лодок. Но Саша уже греб навстречу. Если бы не он, наверняка поглотил бы парней разъяренный Амур.

Его обступили люди, качают головами: ай да герой Каширин, ай да парень! Сам на волоске от гибели был. А все же спас...

Сашка стоит смущенный, теребя пятерней взмокший темно-русый чуб, и несвязно бормочет:

- Чего там... А вы не помогли бы, не спасли?

Потом Александра призвали в армию. Во время службы закончил он школу военных ветфельдшеров. Так что демобилизовался с солидной по тем временам специальностью. Такие нарасхват в селах. Обновиться решил в Амурской области, в совхозе. Места хорошие. Люди тоже. И что самое важное: скучать не придется. Работы всюду невпроворот — и на фермах, и в полеводческих бригадах.

В тот день в селе готовились к очередной свадьбе. По улице промчалась тройка с бубенцами — видать, жених со сватями отправился за невестой. Александр тщательно выбрился, надел белую рубашку. Такой тут закон: если у кого-нибудь торжество, в гости идут всем селом.

Шагает Каширин по улице, вдыхая всей грудью пьянящий запах черемухи. Сейчас он вольется вон в ту разодетую толпу, что собралась у крыльца сельсовета, потом двинется под веселый перебор гармоники в конец села, где в тенистом саду их уже ожидают богато накрытые столы.

Александр в приветствии поднимает над головой руку:

- Салют, хлебобобы!

Мужчины ответили суровыми взглядами:

- Слушай, Сашко, радио...

Из репродуктора с перекошенным раструбом, из которого еще совсем недавно лилась музыка, теперь в тревожную тишину страшные слова. Тяжелыми обухами опускались они на головы, ядовитыми пиками впивались в сердца.

Каширин, как и все, кто собрался у сельсовета, хорошо понимал: прольется человеческая кровь, только не мог вообразить того, что, прежде чем будет надломлен хребет врага, пройдут не недели и даже месяцы, а годы кровопролитных боев, самоотверженного труда тех, кто останется в тылу. О, сколько ему еще придется истоптать фронтовых дорог, скольких заруют в землю хороших боевых друзей, прежде чем его 529-й стрелковый полк достигнет берегов Днепра.

Пришли под утро. Окопались. Командир батареи сказал: будем готовить плавсредства и ждать. Вероятно, следующей ночью поступит приказ...

После изнурительного марша подкашивались ноги. Но все же нашлись силы подойти к самому берегу, черпануть в ладони прохладной воды.

Каширин опустил на песок и окинул взглядом темную водную гладь. И вправду красивая река. Недаром о ней столько спето чудных песен и рассказано сказок. И вот пришли гитлеровцы, испоганили его берега, разбомбили, сожгли приднепровские города и села, обогризли могучие воды человеческой кровью. Эх, двинуть бы их так, чтоб клочка не осталось! Чтоб сразу за все расквитаться!

Двинуть...И горько усмехнулся наивной мысли. В его распоряжении всего-то одна сорокапятка. Да и состав расчета обновился. Шутка ли — сразу четверых хорошо обстрелянных бойцов утеряти.

Случилось это совсем недавно, у села, что на карте значилось Мирным.

На месте Мирного стоят яблони с порыжевшими кронами, а между ними развалины да закопченные трубы печей.

Казалось, ни одной живой души нет. Но едва пехота, а вместе с нею сорокапятчики приблизились к Мирному, как с обоих флангов ударили пулеметы и минометы. Снаряды ложились рядом. Надо скорее зарываться в землю. А может, отходить назад, к ложине?

Вон чей-то пехотный взвод уже катится обратно. Нет, обратно нельзя. И тогда не особенно-то внушающая своим видом фигура Каширина встала на пути пехотинцев.

- Не смейте отступать! Сейчас же следом пойдут немцы, и всех в порошок.

Слова артиллериста отрезвляюще подействовали на пехотинцев. Они залегли и стали палить по селу. Работали и орудия. Напряженно, без передышки.

Подносчик на четвереньках подтаскивал ящики со снарядами. Наводчик и заряжающий колдовали у орудия, а Александр Иванович подбадривал солдат.

- Веселее, ребята! Кажется, снаряды не пропадают даром...

Буквально в нескольких шагах ударила мина. Взрывная волна повалила его на землю. Когда пришел в себя, увидел двух убитых ребят. Двое оказались ранеными. Орудие молчало.

Тогда сержант послал наводчика за снарядами, а сам стал у прицела. Впереди пылали два вражеских танка и бронетранспортер. Огонь противника понемногу утихал. Теперь уже наша пехота ринулась в атаку.

Позже вместо выбывших ребят в расчет дали молодых, еще необстрелянных солдат. Как-то оно будет?

Ничего, будет порядок. Вон за тальниками, в ложине, уже вовсю кипит работа. Солдаты несут откуда-то бревна и доски, сколачивают плоты, чинят дырявые лодки, заряжают диски автоматов, поудобнее укладывают в ящики снаряды. А дальше, на пригорке, стоят в ожидании своего часа, задрав кверху стальные хоботы, самоходки, “катушки”, гаубицы...

В заботах незаметно подошла следующая ночь. После солдатского ужина командир батареи сорокапятков собрал взводных и командиров расчетов.

Идем вместе с пехотой. На том берегу разворачиваемся и бьем прямой наводкой. Нас поддержит тяжелая артиллерия...

И вот уже оттолкнулся от берега первый плот. Затем второй, третий... А вскоре речная гладь сплошь запестрела плотами, лодками и прочими предметами, способными держать людей на поверхности воды.

- И ра-а-аз! — негромко командует Каширин весельным. — На-легай!

А кругом тишина. Тревожная тишина. Какого же они черта, немцы-то? Аль не видят? Или хотят подпустить поближе?

- И ра-а-аз!

Не видят? Все видят, черти. Вон с правого берега взметнулась над Днепром ракета. Еще. Еще. Заработали автоматы, пулеметы. Завиз-

жали и начали плюхаться в воду мины. Один снаряд угодил в чей-то плот. Плот вздыбился на волне и расползся на части. Людей как не бывало. А что же наши? Почему молчит наша артиллерия? Ну, давай, артиллерия, давай...

Заработала и артиллерия. Взметнулись языки «катюш». Тот берег сплошь покрылся взрывами снарядов. Давай, артиллерия! Не жалей огня!

Наши пехотинцы поливают берег огнем, спрыгивают на отмелях и по пояс в воде бредут вперед. Чья-то группа уже достигла кустарников. Теперь уже наши ракеты полетели вперед, требуя от тяжелой артиллерии перенести огонь дальше, вглубь.

Спокойно ткнулся в глинистый берег плот Каширина. Все целы? Кажется, все. «Раз, два — взяли!» — тащат сорокапятку следом за пехотой. А когда поднялись на кручу, где еще пять минут назад проходил первый эшелон вражеской обороны, развернулись и начали палить прямой наводкой туда, где на фоне просветлевшего неба обозначились силуэты каких-то машин и фигурки мечущихся людей. Теперь бы только устоять, сдерживать плацдарм, пока саперы не наведут переправу и не прибудут на подмогу основные силы.

- В небе «рама», товарищ сержант! - крикнул один из бойцов.

Каширин взглянул в небо: верно, «рама» — немецкий самолет-разведчик с бронированным брюхом. Значит, засек, значит, жди в гости воздушных стервятников. И точно: вскоре загудели бомбардировщики. На наши позиции посыпались фугаски. Невесть откуда вынырнуло звено краснозвездных ястребков. Завязался воздушный бой. Один ястребок вспыхнул и пошел к земле. Почти одновременно качнулся немецкий бомбардировщик и тоже загорелся. Дальше уже ничего нельзя было понять — самолеты удалились в глубь немецкого тыла.

Что должно последовать дальше, гадать не пришлось. Из-за увала показались танки. Следом — пехота. Танки с ходу вели огонь, снаряды ложились совсем рядом. Сколько их там? Пять? Десять? Двадцать? Выдержат ли нервы у наших солдат? Должны выдержать, иначе — гибель. Позади широкий Днепр.

Начали бить соседи. Пора и его расчету.

- Орудие к бою!

После каждого выстрела орудие лихорадочно подпрыгивает, сошники все глубже впиваются в мягкий чернозем. Выстрел. Еще выстрел. Ага, вон уже один завертелся. Наверное, в гусеницу угодили.

Еще один воткнул свой хобот в землю.

Зато другой «тигр» дошел незамеченным с правого фланга почти до самых окопов нашей пехоты. Сейчас начнет «утожить».

Каширин кусает пересохшие губы. Но внешне как ни в чем не бывало.

- Спокойно, ребята! Без паники. Разворачиваем орудие. — И в полосатый бок, под самые жалюзи. Машина окуталась черным дымом.

- Вот так его, - деловито промолвил сержант. Он еще хотел чем-то подбодрить людей. Но в этот самый миг прямо возле пушки ударил снаряд. Каширина бросило на вытопанное жнивье. Земля качнулась и полетела в пропасть. Очнулся на носилках. Его тащили знакомый бородатый цыган и еще какой-то солдат из другой части.

- Я жив, ребята? Оборона держится?

- Держится...

В госпитальной палате, когда Александр немного оправился после трудной операции, к нему подошел хирург.

- Ну и шлепнуло тебя, Каширин. Десятка два осколков извлек из спины. Один — из шеи. Чуть было сонную артерию не задел.

Каширин попытался пошевелиться, но тугие бинты держали туловище в крепких тисках.

- Как же теперь, доктор? И на передовую не попаду?

- Да, видать, отвоевался...

Лечение давалось трудно. Почти два месяца недвижимо лежал в госпитале. Родным не писал. Зачем беречь сердца? Разве вот только с братом Николаем, что служит в Ленинграде, иногда обменяется письмами.

Однажды, когда Александр стал уже самостоятельно передвигаться, кто-то из друзей по палате принес от почтальона маленький треугольник. Письмо от брата. «Слушай, Саша, - писал Николай. — На днях я прочитал в «Правде» Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении фронтовикам звания Героя Советского Союза. В нем значится и Александр Иванович Каширин. Не ты ли случайно?»

Каширин на всякий случай сходил в библиотеку, нашел нужный номер газеты... «За форсирование Днепра и удержание плацдарма»... Но ведь в форсировании Днепра участвовало много воинских частей. Мог быть и однофамилец. Тогда он еще не знал, что в одном из наградных листов командир 529-го стрелкового полка подполковник Шершнев написал такие слова: «За проявленную смелость, решитель-

ность и героизм в боях с немецкими захватчиками тов. Каширин А.И. представляется к званию Героя Советского Союза».

Вскоре после выписки из госпиталя его пригласили в Москву, в Кремль. Награду от имени Президиума Верховного Совета СССР вручал О.В. Куусинен.

Пришло время, и Каширина комиссовали. Собрал вещи, вновь подался на Дальний Восток.

Работал на Сахалине. Когда встретился с Марией Сергеевной, ставшей женой, перебрался в поселок Известковый и несколько лет кряду бродил с геологами по таежным дебрям.

КРАПЛЕНАЯ КАРТА

Хотя Николай Климов и в досталь хлебнул фронтового лиха, одолел, так сказать, самый суровый университет, в сущности своей оставался довольно наивным парнем. Мудрость возрасту покорна. А двадцатилетнему солдату так не казалось. Потому как молодость самоуверенна. И любознательна к тому же. Это потом, с годами, начнет разбираться в переплетениях человеческого бытия.

Недавно вот услышал от кого-то фразу: «Человек – хозяин собственной судьбы». Николай, как, впрочем, и многие его сверстники, особенно не задумывался над выбором пути. Всегда знал, что ему нужно. Его дороги были ухабистыми, с лихими виражами, рискованными. Но он и мысли не допустил, чтобы сойти на обочину. Ни разу не пожалел о выборе. В ту пору рано мужали.

Начало всему, пожалуй, можно отнести к комсомольскому призыву, обращенному к старшеклассникам в первые дни фашистского нашествия. «Юноши и девушки, - тревожно звучали его слова, - вливайтесь в ряды рабочего класса! Заменяем отцов и старших братьев, ушедших на фронт! Родине так нужны сегодня ваши руки и ваш задор». В своем 9 «а» Климов первым открыл список желающих. За ним последовали еще десяток ребят. Конечно, Николай рассчитывал на солидное предприятие. Никогда раньше он не бывал в городе.

Сызмальства почему-то тянуло туда. Но их, деревенских парней, послали на Кивдинские копи, в закрытые угольные шахты вблизи Райчихинска. Ладно, смирился. В конце концов, уголь тоже нужен стране для победы. Дни изнурительной работы в сырых и промерз-

лых забоях и лавах с пустым желудком и постоянными спутниками — кайлом и подборной лопатой, да еще «вольфой» — шахтерским керосинным фонарем. К концу смены тело превращается в камень. Передвигаться невмочь. Сил хватает лишь забраться на груженную углем вагонетку электровоза и во время движения удержаться на ней. С эстакады, где идет выгрузка, бредешь в столовую, получаешь положенные тебе чашку супа из соленой горбуши и кусок черствого ржаного хлеба. В считанные минуты проглатываешь все и скорей в общезжитие, к желанному топчану. Падаешь прямо в одежду, даже не умывшись. И — в забытьи. До новой смены. Случалось и так, что какой-либо топчан оставался пустым — его хозяин погибал в шахте или получал тяжелую травму.

Там, под землей, беда подстерегала на каждом шагу. Не обошла она стороной и Николая. Однажды, когда Климов работал в забое в паре с одним таким же, как и сам, безусым пареньком, крепежные перекладины не выдержали тяжести, и огромная глыба породы рухнула вниз. Николай сумел отскочить в сторону, и основная масса припала на пустую середину забоя. Все же его основательно задело. Он получил перелом руки и сильный ушиб бедра. Напарник находился поодаль. Остался целым. Он затащил пострадавшего на вагонетку, привез на эстакаду, а уже оттуда его переправили в больницу. Вот тебе и хозяин судьбы!

Через неделю в Кивду приехал отец, забрал Николая домой. Мать долго отхаживала сына настоями из разных трав, откармливала. Приводила деревенскую ворожейку и предсказательницу — тетю Ульяну. К осени поправился. Негоже молодому человеку в такую лютую годину в холодке без дела отсиживаться. Конечно, больно глядеть на мать. Убивается. Со слезами умоляет:

- Не торопись, сынок. Побудь дома. А то, не дай Бог, вслед за Максимом...

Максим, сводный брат, слыл на деревне силачом и красавцем. Первая волна призыва увела. А уже в ноябре сорок первого — похоронка из-под Москвы.

Между тем мысли самого Николая направлены в иную сторону. Где на сей раз найти для себя достойное применение? Услышал, что председатель местного колхоза комплектует бригаду для отправки в леспромхоз. В ту пору участие сельчан в заготовках леса для государства было обычным. Пошел в контору. Как же! Древесина тоже не последнее дело. Как порох, нужна фронту.

Нужна — да. Только не каждому посильна. Потому председатель таким испытывающим взглядом встретил Николая.

- С тебя же, Колька, гипс сняли совсем недавно...

- Выдержу. Остальные не здоровее. Одни пацаны да девчонки...

Лесозаготовки для Николая Климова и впрямь оказались ничуть не легче угольной шахты. Уже с первых дней тайга стала приносить сюрприз за сюрпризом. Начать с того, что начальство взяло да и назначило Николая на должность бригадира. Ничего, мол, парень ты рослый, глотка луженая, грамотный. Потянешь... А в бригаде — Бог ты мой! — три старичка да шесть десятков желторотиков — вчерашних школьников да школьниц. Попробуй управься с такой вот оравой, научись всему. Одна обутка чего стоит.

Усадил за стол двух понятливых в этом деле старичков. Давайте, родимые, выручайте. А то без ног ребяшня останется. Ну, и сам в подмогу. До полуночи перед коптилкой. Стягивает дратвой, а то и проволокой расползшиеся подошвы. Вот так: нужда заставила — и враз овладел ремеслом. Как, впрочем, и многим другим. Там, в таежной глухомани, звякнула стрункой и первая любовь.

...Обычным был тот день. К вечеру уморившаяся бригада расплзлась по кострам. Сейчас, к сумеркам, костры догорят, люди отдохнут — и к баракам. Здравствуй, покой и крепкий сон! Конечно, как всегда, далеко не все успели доделать. Чуть в сторонке девчата пилили огромный, в несколько обхватов, кедр. Пилу наглухо зажало. Надо было что-то предпринимать.

- Что делать, Коля? — спрашивают они у бригадира.

Климов чешет затылок.

- А, утро вечера мудреней. Завтра вгоню клин — и завалим родимую.

И как раз в это самое время в морозной тишине что-то вдруг произошло. То ли ветерок налетел, то ли в чреве подрезанного пилой таежного великана проснулась дремавшая доселе какая-то сила. Дерево тревожно затрещало и направилось своими роскошными кронами к костру, облепленному девчатами.

Николай заорал во все горло. Девчонки бросились врассыпную. И все же двоих из них накрыли ветви. Пострадала Ленка Приходько — щупленькая и очень скромная девчонка из соседней с ним деревни. Пробило голову. И еще изрядный сучок впился ниже лопатки в худенькое тело. Дорогой, так и не приходя в сознание, Ленка скончалась. А еще не повезло Галке Гордеевой — его односельчанке. Но уже

не в такой степени. Сломало ногу.

Галку отправили в районную больницу, а Ленку схоронили на кладбище у леспромхозовского поселка.

С того дня жизнь повернулась к Николаю самой отвратительной стороной. С бригадиров сняли. Поставили на трелевку бревен. Из районной прокуратуры приехали люди, стали за грудки хватать. Как, мол, такое могло случиться. На полном серьезе в каталажку собрали. Оставили в покое, наверное, только потому, что годами ещё не вышел. Карьера, понятное дело, вверх тормашками. Для трелевки дали истощенную и неповоротливую лошаденку.

Так вот, спускается однажды на той кляче с крутой сопки с бревном. Под тяжестью груза сани занесло в сторону. Коня перевернуло и прижало к толстеному дереву. Охрипшим голосом стал звать на помощь. Прибежали два работавшие рядом мужичка. Освободили беднягу от упряжи. А лошадь корчится на снегу, никак не может подняться на ноги. Тогда-то Николай и осознает: да ведь у животного сломаны обе передние ноги. Людям ничего не оставалось, как добить несчастное животное, освежевать и отправить в столовую на мясо. Ну, а его самого после того случая в распиловщики определили.

... Возвратясь в родное село, Николай отоспался внаглую. Теперь и погулять бы не грех. Спустить с привязи проснувшуюся молодую силушку. Но нет. Сегодня не для него эта затерявшаяся в приамурских раздольях уютная деревенька с развесистыми черемухами и голосистыми девчатами. Сегодня его место там, где беснуется война. Одна беда — годами недотянул. Лишь семнадцать скоро стукнет. А берут с восемнадцати. Как быть? А, попытка — не пытка, сказал себе и укладкой, так, чтобы мать не догадалась, подался в райцентр, в военкомат. Там, естественно, потребовали документы. Николай прикинулся таким простачком.

- Понимаете, сгорели, когда в шахтах работал... А вообще-то, срок мой уже подоспел. Я в двадцать пятом родился.

Военкоматовцы посовещались за закрытой дверью. Потом вышел лейтенант с желтыми от табачного дыма пальцами.

- Значит, так, Климов. Через два дня явиться с трехдневным запасом еды и комплектом нижнего белья.

С собой он прихватил в военкомат еще двоих, таких же, как сам, односельчан. Военкоматовцы и на них “клонули”.

Теперь с Богом — в путь! А путь тот оказался длинным и тернистым. С загадочными лабиринтами и крутыми поворотами. Неждан-

но-негаданно его в числе других новобранцев забросили на удмуртскую землю, в маленький городишко Глазов. Там — эвакуированное 2-е Ленинградское военно-пехотное училище. Несколько месяцев муштры, и с лейтенантскими звездочками — на передовую!

Увы, до лейтенантских погон не дотянул. В один из знойных дней лета сорок третьего училище построили на плацу, и его начальник объявил, что все курсанты, за исключением выпускного курса, по приказу Верховного отправляются в действующую армию пополнять потрепанные части. Климов угодил под Курск, в запасной батальон 3-й Гвардейской танковой армии.

Известное на весь мир сражение уже отгромыхало. Войска — далеко в направлении Днепра. Ну, а здесь остались изуродованная земля, искореженная техника... Да тыловые подразделения, в том числе и этот запасной батальон.

Тыловики отличались от тех, что на передовой. В приличном обмундировании, не заморены, как те, голодом, бессонницей и непосильным трудом. Поглядите на их комбата, молодого капитана по фамилии Кузнецов. Стройный, упитанный, в мундире с иголки. Пара новеньких орденов на груди. Хоть сейчас на парад или званый обед.

Впрочем, вскоре и истинная натура капитана стала понятной. Николай увидел настоящего Кузнецова, когда батальону приказали заняться разгрузкой временных складов с продовольствием и другим имуществом, прибывающими из тыла на «студебеккерах». Капитан отобрал нескольких дюжих парней, в том числе и Климова, вручил им «виллис» и велел везти из временных палаточных складов в штабной блиндаж колбасу, шпик, сухофрукты, шоколад, шнапс — словом, всё, что только можно было урвать. За это он обещал обеспечить службу.

Вечером штабники шумно веселились в компании каких-то девиц. Кому война, а кому и...

На следующий день Николай пришел в штаб, к комбату. Думал, прогонит. Нет, не прогнал, протер красные от бессонницы и глубоко похмелья глаза, кивнул: чего, мол, надо?

- Я огневик, товарищ капитан. Отправьте на передовую, - неуверенным голосом произнес Николай. В ответ капитан что-то непонятное буркнул, затем шумнул писарю:

- Включи этого дурачка... Как тебя? Да, Климова, в маршевую команду. Пускай на передовой поищет счастья...

Свое первое ранение Николай получил под Киевом. Осколком перебило два пальца на правой руке. От госпиталя отказался. Лечился, не уходя с передовой.

Каждый фронтовик в отдельности — это нераскрытая книга, каждый день пребывания на войне — тоже большая книга. Сколько бы таких книг уместилось во фронтовые дороги, пройденные Николаем Климовым за год с лишним?! Конечно, память не смогла всего сбересть. Вспоминаются лишь исковерканная разрывами снарядов и гусеницами танков земля, сожженные дотла города и села, минуты расставания с уходящими в эту землю друзьями-товарищами, удачи и горькие поражения. Никогда ему не позабыть мартовские дни сорок четвертого на подступах к городу Проскурову. Снег и солнце так расквасили землю, что почти вся техника останавливалась. А время поджимало. Надо было быстрее обходить город с флангов. Вперед пошла одна пехота да поддерживающие ее минометчики. Танки, артиллерия — позади. И неизвестно, когда подоспеют. Вот немцы и воспользовались обстановкой, отсекали врезавшийся в их оборону клин нашей пехоты и на открытом поле гусеницами смешали стрелковые цепи с черноземом. Николаю повезло. Получил лишь несколько легких ранений. Он до ночи пролежал среди трупов своих однополчан, затем стал выползать. Куда, и сам того не понимал. Полз час-другой. Потом поднялся и двинулся уже во весь рост, сжимая вспотевшую рукоять пистолета, вынутаго из кобуры убитого нашего офицера.

Так вот и ушел... в тыл к немцам. Каждую ночь, голодный, оборванный, промокший, делал попытки выбраться к своим. Но всякий раз натывался на немцев. И неизвестно, чем бы все это для него кончилось, не подоспей механизированные подразделения. Они с ходу прорвали оборону и, не останавливаясь, пошли вперед. Климов отыскал своих минометчиков, которые, к счастью, были поодаль от пехоты и смогли отойти почти без потерь. Никто его не узнал. Так изменили облик человека четверо суток скитаний во вражеском тылу! Потом ребята ошарашат его известием: «На тебя, Климов, похоронка ушла».

Где-то, уже у польско-германской границы, из числа уцелевших бывших курсантов скомплектовали группу для нуждающихся в пополнении военных училищ. В нее и Николай угодил. Зачислили в Рязанское пехотное. Здесь и победу встретил. А потом и долгожданный приказ Верховного: всем фронтовикам предоставить отпуск.

И вот позади дорога. Со станции в родную деревню, что в десятке

верст в стороне от Амура, везет его на тощей лошаденке старинный дружок отца. Возница гундосил какие-то одному ему понятные песни, а он, Николай, с щемящим в сердце чувством вглядывался в родную землю.

...Мать не отходит от сына. Все рядышком. Вот и сейчас, когда накрыли в холодке под черемухой стол, она примостилась на скамеечке возле него и гладит, гладит упрямый русский чубчик. Николай украдкой поглядывает на мать. На ней заметный отпечаток лихолетья. Волосы густо посеребрились. Лицо избородили морщинки. В выцветших глазах – печаль.

Встретить солдата пришли многие сельчане. В том числе и гадалка-ворожейка тетка Ульяна. Расспрашивает, что да как. Она, оказалось, не раз на него гадала. И всё с добрым исходом.

- Молодчина, Уля. Ох, молодчина. Истинную правду предсказала, - одаривает Ульяну добрыми словами мать.

Та скромно отмахивается:

- А, чё там... Люди свои...

Николай снисходительно улыбается, кладет здоровую руку на Ульянино плечо.

- И как это у тебя все так легко угадывается? Может, секретами поделишься?..

Ульяна тоже в настроении. Смеется во весь рот, обнажив шерба-тые зубы.

- А у меня крапленая карта...

- Как у шулеров?

- Ага. Как у шулеров... - и, облегченно вздохнув, сказала:

- Ладно. Так и быть. Война кончилась, можно и раскрыться.

И Ульяна поведала, как “обслуживала” своих клиентов.

- Ну вот, Коля, пришла твоя мама. Так что, я должна сказать такое, чтобы и ее убить наповал? Карта ведь дура. Она все может показать. Но у меня под рукою крапленка. Нашупаю пальцами. Переворачиваю: «Жив твой Колька!» Ну, а если бы по-другому обернулось, то нашла бы способ потихоньку подготовить к худому...

Николай норовит овладеть ролью умного и опытного человека. Как бы невзначай роняет услышанную где-то фразу:

- Святая неправда...

- За это Господь не наказывает, - ответила Ульяна.

У Николая почему-то ни с того ни с сего завертелись в голове слова «крапленая карта». Как клок соломы в приемном барабане мо-

лотильни. Как жизнь человека - вся в разноцветных крапинках, нанесенных самим собою и какой-то неведомой силой извне, думалось ему. Если собрать их в кучу и спрессовать, то и получится судьба человека.

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Наивность и неподдельная искренность ходят в обнимку. Разумеется, в те далекие годы Сашке Костенко, так сказать, до лампочки была эта истина. Он ни над чем особо не задумывался. Просто жил, как и все его сверстники, обычной пацаньей жизнью, заполненной легкокрылыми мечтами да разными историями дворовой значимости. Легко преодолевал невзгоды и обиды. Вот только эту не мог угасить.

Но тут, пожалуй, случай особый. Сашке отказали в приеме в пионеры! На сборе сказали: надо «тройку» по русскому языку исправить да четко уяснить, за что борется юный пионер. Тогда, мол, и примем. А разве он никчемней других? В любом деле кому хошь нос утрет.

Была ещё закавыка: его родного отца целую неделю в энкавэдэ продержали.

Но ведь отпустили. Конечно же, потому что чист и никакой он не враг народа... Не исключено, кто-то из большого начальства сжалился. Как-никак двенадцать душ в хате. Без кормильца детишки по миру пойдут. Или попросту следователям не за что было зацепиться. Биографии-то отцовской можно позавидовать. В первую империалистическую до офицерского чина дослужился. А грянула революция — сорвал с плеч погоны, стал верой и правдой служить Советской власти. Не жалея живота, защищал ее от врагов. Работает исправно. Люди уважают.

Короче говоря, взял он лист бумаги и написал письмо. И не куда-нибудь, а в Кремль — самому товарищу Сталину. Мол, знайте наших!

Наверное, и тут не обошлось без грамматических ошибок. Но суть не в том. Суть в другом. И она непременно затронет сердце вождя народов. «Дорогой товарищ Сталин, - писал Сашка позаимствованными из районной газеты словами. — Меня незаслуженно лишили возможности носить пионерский галстук, с которым я готов был строить коммунизм и бить врагов Советской власти. Пожалуйста, товарищ Сталин, помогите...»

Вряд ли кто читал это письмо. Тем не менее, через некоторое

время его и впрямь приняли в пионеры. В торжественной обстановке захомутали тощую пацанью шею алым, так терпко пахнувшим хлопком и какой-то краской галстуком. Вот что значит слово вождя! Не гадал — не ведал глупыш того, что поторопились принять по простой причине: в школу позвонили из райкома комсомола и попросили зачем-то ускорить рост пионерской организации.

С тех пор он не расставался с алым галстуком — ни в дни невзгод, ни в дни счастливые.

А сколько ж их выпало на его долю, счастливых-то дней? Не так много. Если напрячь память, можно перечесать.

В то безоблачное утро Сашка с рассветом вскочил на ноги. Освежился студеной водой, собрал удочки, кусок хлеба — в карман.

- Ма! Я — на Азов. На Рыбью Косу. К обеду ждите с уловом!

К тому времени семья Костенко жила уже без кормильца: отец скончался от ран, полученных в гражданскую. Старших братьев, за исключением обмороженного на финской Василия, призвали в армию. Так что еду в основном приходилось добывать ему, Александру.

Идет Сашка босиком по росистой траве, напевая: «Наш паровоз вперед летит! В коммуне остановка...» Вдыхает на полную грудь насыщенный терпким ароматом морских водорослей и подвяленных луговых трав воздух. Вдруг слышит надрывный треск мотоциклов. Все ближе, отчетливей. И вот уже в дымке тумана вырисовывается силуэт тяжелого, с коляской, мотоцикла с тремя седоками в касках и автоматами за плечами.

- Красноармейцы! — обрадовался Сашка. — Откуда и куда?

Впрочем, стоп. Как бы не так — красноармейцы. Мотоциклов таких сроду не видал. Огромные, неуклюжие. Люди тоже не те. В зеленых мундирах, в касках, сжатых и обрубленных.

Один машет рукой. Обращается на ломаном русском языке:

- Мальчик, иди сюда. Ты из Геническа? Там русские солдаты? Много?

Вот тебе и порыбачил! Немцы ведь. И как же они так тихо и незаметно подкрались к городку? Их уверяли: фашисты дальше границы с Польшей не пройдут. Отсюда до границы — сотни километров, а немцы тут...

Сашка пожимает плечами.

- В Геническе нету...

И это была правда. Наши войска не заходили сюда. Они откатывались на восток дальними шляхами. Мало кто из здешних жителей

мог предположить, что наши отступают. Но это было так. Если кто из военных и остался в городе, так это военком Дымокуров. Он засиделся над какими-то делами до самого утра. Когда Сашка проходил мимо, видел его через окошко.

- Нет. Никого нету...

А сам сдернул с шеи галстук, с которым нигде не расставался. Сколько есть мочи — обратно в городок. Забежал в военкомат:

- Дядя, там немцы!

Убедившись в достоверности такой вот новости, военком с двумя своими помощниками в машину. Скорее за город! Может, удастся проскочить. Но было поздно. По большаку уже двигались колонны танков, грузовики с пехотой. Завязался неравный бой. Вся группа, в том числе и Дымокуров, погибла!

С приходом немцев жизнь в приморском городке преобразилась в одночасье. Вечером не выйдешь на улицу погулять — живо подберут полицаи. На стенах домов и заборах — грозные приказы главного полицая Шенкеля — здешнего немецкого колониста и до недавнего времени председателя потребкооперации. Они требовали немедленной сдачи оружия, радиоаппаратуры, советских нагрудных наград, регистрации коммунистов и комсомольцев, а также евреев. За неповиновение — кара.

Несколькими днями позже появился еще приказ: ввиду того, что город находится в прифронтовой зоне, его жителям в двенадцатичасовой срок убраться за пределы города. Что тут было! Давка, крики людей, рев животных, плач, слезы.

Костенки захватили с собой самое необходимое — буренку-кормилицу, оклунок муки, немного картошки да кое-что из одежки. Пристроились к людской веренице, потащились куда-то на север. Мать сказала: там, в одной из деревень — родственники. У них можно будет остановиться...

На ночлег расположились в поле, у скирды соломы. Мать опорожнила ведро:

- Возьми, Саша, корову за поводок, своди вон в тот хутор. Напоишь ее и с собой ведро водицы захватишь...

Пошел напрямик - по стерне, через огороды к качающемуся на ветру «журавлю». Буренка опорожнила ведро немного солоноватой, с морской примесью, воды. Довольный побрел обратно. Сейчас он принесет воду, зароется в копну, расправит уставшее тело и погрузится в сон. Ему всегда хорошо спится под открытым небом.

Но едва успел об этом подумать, как откуда-то со стороны Сиваша появился «мессершмитт». Он сделал круг и пошел в пике прямо на него. И вот уже хлестанула очередь крупнокалиберных. Пули прошли совсем рядом, поднимая на высохшем черноземе фонтанчики пыли. Потом чернокрестный разворачивался еще и еще. Летчик стрелял, забавляясь, по нему и корове. Он видел, как буренка припала на передние ноги, жалобно заревела, выпучив обезумевшие глаза, затем повалилась на землю. Прощай, кормилица! Ну, сволочи! Ну, не люди!

А самолет знай себе кружит и все ниже опускается к земле. Вот он уж чуть ли не брюхом касается верхушек деревьев и копен соломы. Нет, что бы там ни говорили, а немцы умеют летать. И отваги не занимать. А, чтоб тебе ни дна ни покрывки, фашист проклятый!..

И надо же, услышал-таки Всевышний Сашкины мольбы. Ближе к большаку «мессер» настолько низко опустился к земле, что и впрямь зацепился не то за телеграфные провода, не то за дремлющую на пригорке иву. Машина несколько раз перевернулась и окуталась черным дымом. Ага, так тебе и надо!

На дороге скрипнул тормозами грузовик. Тут же подкатили два мотоцикла. Немцы побежали к пылающему самолету, а вслед за ними и Сашка. Но в эти секунды в самолете начали рваться снаряды, угрожающе разбрасывая искрящиеся фейерверки. Солдаты отпрянули прочь. Сашка тоже.

И как раз в это мгновение он привлек внимание одного из немцев. Показывая в Сашкину сторону рукой, тот закричал что-то на чужом языке. А сам Сашка, гонимый инстинктом самосохранения, во весь дух ринулся прочь. Следом в его сторону полетела граната. Ее швырнул один из немцев просто так, потехи ради.

Граната была небольшой, осколки мелкие, жестяные. Но много ли пацану надо! Граната шарахнула шагах в десяти, отшвырнула его в сторону, впилась множеством металлических кусочков в голову, ноги, туловище. Сашка немного прополз по стерне, но силы постепенно покидали, и он лег на спину, широко открыв глаза. В голубом небе, где только что бесновался немецкий стервятник, медленно плыли со стороны моря барашки облаков. А навстречу им гордо парил, распластав крылья, орел. Потом все вокруг стало меркнуть. Небо пошатнулось и перевернулось, а сам он полетел в какую-то бездну.

Через несколько часов Сашку отыскали брат Василий с сестрой Клавой. Принесли, положили на солому. Нет, не жилец. Бледный. Не шевелится.

Бьется в рыдании бедная мать. И за что над нею так судьба насмеяется? Вася весь обгоревший вернулся с финской. Хозяин от ран скончался. Четверо сыновей где-то воюют. Неровен час, сгнули где-то. Теперь вот самому младшему – Сашеньке – очередь подошла. Господи, сжапись над душой грешной!

- Сашенька, вот в бутылочке молочка осталось немножко. Хлебни малость...

А Сашка возьми да и открой глаза.

- Ма, а где мой галстук?

- Да на тебе он. На тебе. Только замурзанный больно.

- Может, за него и убить меня хотели, - шептали пересохшие губы.

- Фашистам все равно, кого убивать. Лишь бы убивать, - сказал Василий.

Через несколько суток фронт отодвинулся дальше на восток, и они вернулись в город. Правда, дом оказался разрушенным. Приютили добрые люди. Сашу выхаживали долго – до самой поздней осени. И, между прочим, немаловажную помощь в его лечении оказала жена начальника полиции Шенкеля, тоже из местных немцев, фельдшер по образованию. Конечно, помогала тайно - так, чтобы никто не знал. Добрая была женщина.

Зато сам Шенкель был человеком иного нрава. Он люто ненавидел все русское и ни во что не ставил человеческую жизнь. По его милости не одного на тот свет отправили.

Однажды повстречался с ним Сашка.

- Ты чей будешь? - спрашивает. - Костенко, да?

- Ага.

- Ну, так я твоего отца знал. Хочешь на хлеб зарабатывать?

Сашка пожал плечами.

- А че делать?

- Приказы, распоряжения расклеивать. Посыльным...

А Сашка Костенко, между прочим, уже имел такое поручение. Только от других людей. И речь идет не о каких-то приказах, а о листовках керченского подполья. А вовлек его в эту работу один одноклассник, что живет где-то на окраине городка.

Отказываться не стал. Да, может быть, это и к лучшему – совмещать. Все-таки меньше подозрений...

Иногда он бегал с какими-то поручениями от директора местной школы в соседний поселок.

Конечно, о самом подполье Сашка в ту пору решительно ничего не знал. Да и какой умишко был у паренька? По-взрослому начал осмысливать то, что происходит, лишь после того, как увидел на площади висящих в петлях директора школы Патамана, а вместе с ним — заведующего больницей Тарасова, мельника Хлызенко и председателя пригородного колхоза Гайдамако... Кто-то их предал.

Да и сам он тоже на острие лезвия. Малейшее неосторожное движение — и может сорваться. А тут еще Колька Гричановский — сын одного из здешних полицаев. Встречает как-то на улице — руку в салюте. А у самого морда скривлена:

- Будь готов, юный ленинец!

- Пошел от меня, немецкий прихвостень!

Колька был с карабином. Но применять не стал.

Как-то умело развернулся, подставил подножку и бросил Сашку на землю. Нестерпимо заныла раненая нога. Поднимаясь, он нащупал рукой увесистый бульжник и со всего маху ударил им обидчика в висок. Тот повалился под забор. Карабин полетел в огород, а самому — дай Бог ноги.

Теперь в город нельзя. Теперь надо подальше от него. Иначе повторится участь тех четырех. Не поглядят, что мал годами.

И опять же на выручку пришла жена Шенкеля. Справку дала фальшивую — на имя Григоренко. Так под этой фамилией и скитался по родственникам, знакомым в окрестных селах. То по найму на огородах работал, то коров пас. Облавы перед отправкой в Германию переживал в клунях. Сам спасся, а сестренку так и угнали.

Когда, казалось, жизнь немного вошла в свое русло, возвратился в город. И сразу же напоролся на полицаев. Оказывается, давно ищут. Норовят за Кольку Гричановского отомстить. Оклемався, стервец, и, конечно же, рассказал обо всем. Ну, а наказание — известно какое. Вместе с какими-то людьми — может, с евреями, может, с партизанами — повели за город. Там, говорят, уж и ров готов. Прощайте, мама, братья и сестры. Прощай, белый свет!

И надо же, Сашке вновь повезло! Когда проходили мимо станции, где стояли вагоны с румынскими солдатами, в вечернем небе объявился «кукурузник». Совсем рядом завизжали бомбы. И вот уже они взрываются, руша все под собою, наполняя вечерний воздух удушливым дымом. Ну, теперь-то дай, природа-мать, побольше силушки.

Он нырнул в толпу орущей солдатни, потом — под вагоны, на противоположную сторону линии, по притихшим улицам, подальше

за город. Те, оставшиеся, тоже врассыпную. И, как потом Сашка узнает, большинству из них удалось спастись.

То было время, когда пионерский возраст сменялся на более зрелый, но с алым галстуком он почему-то не расставался. Может быть, теперь уже берег как горькую память.

Потом, когда наши войска подошли почти вплотную к Сивашу, было паническое отступление гитлеровцев. Они жгли и рушили все, что могли, гнали с собою массу мирного населения. Но 263-я стрелковая дивизия, которая здесь действовала, сумела нанести такой удар, что немцам не удалось уйти далеко. Чем мог, помогал нашим солдатам.

Сашке в ту пору довелось познакомиться с одним из бойцов дивизии – санитаром по имени Боря. Он, по его рассказу, биробиджанский житель. Может быть, здравствует до сего дня и отзовется...

Александр Иванович Костенко – единственный из десятирех детей в семье, оставшийся в живых. Многие года работал на Сахалине – в качестве шахтера, и в Бабстовском совхозе – в качестве бригадира фермы, откуда и вышел на пенсию.

КРОВАВЫЙ СНЕГ

Надо же, человек вроде бы и не успел пожить на свете всласть, а уж к закату потянуло. Значит, приспела пора и назад оглянуться, измерить пройденный путь, оценить то, что довелось приобрести и безвозвратно утратить.

Впрочем, что касается Тимофеича, а точнее Василия Тимофеевича Борченко, то жил он обыкновенной жизнью своих сограждан. На превратности судьбы не роптал. Преподносимые ею сюрпризы принимал как должное. Да и планов для себя особых не строил. Не то что, скажем, младший братишка Коля.

О, Николай оказался парнем расчетливым и напористым. Сызмальства нужный разбег взял. После института в науку ударился. Степень кандидата получил. Потом дюжину солидных руководящих должностей сменил. Достиг кресла высокого госчиновника.

Помнится, однажды, будучи в командировке на Дальнем Востоке, Николай зарулил в Биробиджан – были тут какие-то дела. Да и с Василием и его семьей давно не виделся. Понятно, по рюмке-другой пропустили. До глубокой ночи о житье-бытье толковали, далекие

юношеские годы вспоминали.

Три хлопца и одна девчонка росли в их семье. Старший – Василий – появился на свет под Курском, младшие, в том числе и Николай, здесь, в неказистом селе Димитрово, что оседлало одну из релок в направлении урочища Таймень. Туда переселилась семья в поисках счастливой доли.

Николай спросил:

- Может, есть желание, Вася, наведаться в Димитрово – посмотреть, что стало с отчим домом?

Василий ответил уклончиво, с полушуткой:

- Несподручно мне как-то... Ты ведь для нашего городишки персона ого-го! Свита разного начальства потянется. Не поговоришь, о чем захочется...

- Не прибедняйся, Вася. Ты ведь тоже не лыком шит. Судья! Это немало...

Короче, Николай без Василия отправился в родное село. А по возвращении долго чертыхался: «Надо же, до чего деревню довели! Хаты обветшали. Сады повырубили, кругом бурьян... Наш домишко превращен в склад для упряжи...»

Тогда-то младший и предложил старшему:

- Знаешь, брат, бросай ты Приамурье и перебирайся в Подмоскowie. Там, понимаешь, столько родичей образовалось.

В ответ Василий ничего определенного не сказал. За время многолетней судебной практики научился рассудительности, сдержанности. Да и дело такое... С кондачка нельзя. И все же после отъезда брата он вроде бы задумался над его словами: «А что, пожалуй, и впрямь в них есть резон. Там, в центре страны, жизнь полегче... Не может быть, чтобы не отпустили с работы... Инвалид войны... Не станут чинить препятствия...»

Дождавшись очередного отпуска, он и впрямь махнул в Москву, чтобы прозондировать почву. Объездил компетентные учреждения, встретился со многими московскими коллегами. Оказывается, в столице никаких проблем с трудоустройством. Скоро вот начнутся выборы, подыщут район, рекомендуют к избранию – и все в порядке. Работниками с таким стажем не разбрасываются. Правда, с жильем, как и везде, туговато. Но со временем решится...

Здесь, в златоглавой, он невероятно устал. К вечеру ноги не могли держать. В голове – гул. Возвращался в квартиру брата, плюхался в кресло, закрывал глаза и старался прийти в себя, ни о чем не

думая. А мысли — что листья в сентябрьской роще. Летят, кружатся, вихрятся, купаясь в стылом воздухе и самых причудливых красках. Они безудержно уносят в родные края, в детство и юность, к самым истокам его бытия.

Возвратившись вечером домой, Николай спросил:

- Как настроение, братень?

Василий неопределенно пожал худыми плечами.

- Да так, ничего вроде.

И, помолчав, добавил:

- Понимаешь, давно подмечаю: в гостях хорошо, а дома лучше...

Ему и впрямь казалось: там, на востоке, в маленьком городке на берегу стремительной таежной реки, и дышится легче, и раненая нога не так ноет, и как человека тебя ценят во сто крат выше. А сколько вокруг людей, на судьбах которых его собственные незримые отпечатки! Со счету собьешься. Ведь за сорок с лишним лет судейства не десятки — сотни их прошли через его рассудок и сердце по самым различным делам.

А когда-то, давным-давно, он еще и учительствовал. Оставшиеся в живых бывшие воспитанники теперь уж в дедах и бабках. Тоже не забывают, приветствуют при встречах.

Конечно, если по нынешним меркам, учителем он был не ахти каким. Да и много ли могли ему дать сельская семилетка да занятия по сокращенной программе в педучилище? Иной раз до конфуза доходило. Василий Тимофеевич и сегодня не без иронии вспоминает случай из своей довоенной педагогической практики. Нагрянула однажды к нему в школу в село Квашнино, где он работал, с проверкой инспектор районо. Первым урокам третьеклашек Василия она дала положительную оценку. Хотя он только сам знал, во что это ему обошлось. Рубашку хоть выжимай от пота. В горле першило. Слова с трудом выдавливал.

А впереди, как назло, самый скверный для него урок пения. Медведь на ухо наступил — никакого музыкального слуха. И голос осип. Но и опростоволоситься ой как не хочется.

И вот прозвенел звонок. Василий Тимофеевич откашлялся в кулак, стараясь подбодрить себя изнутри:

- Сегодня, дети, мы разучим очень популярную песню «Орленок».

Рассказал о содержании ее, о том, что в песне поется о юном герое гражданской войны, которого в отряде ласково называют «орленком», а враги называют «орлом».

Дальше он должен был показать детям, как именно поется песня. И тут вновь с какой-то невидимой стороны подкралась робость. Переступает у доски с ноги на ногу, откашливается и все не решается начать.

Инспектор — такая симпатичная, такая глазастая дивчина — не отводит от него взгляда. В том взгляде Василий прочел слова укоризны. Ну, давай, учитель, не тяни. С детьми нельзя расслабляться. Нельзя проявлять слабость.

И Василий запел хриплым, выстраданным голосом, напрочь исковеркав мотив.

Инспектор наклонилась к парте, прикрыв ладонями лицо. Ну а ребята зашевелились, зашумели. И тут одна девочка подняла руку:

- Василий Тимофеевич, можно, я спою?

Он облегченно вздохнул, будто с плеча свалилась каменная глыба.

- Ну, конечно, спой, спой. А потом и все ребята вместе с тобою споют, - нашелся Василий.

Молодец девочка! Вызволила из беды учителя. Но в душе все равно горький осадок. Видать, надо кончать с карьерой учителя.

Да оно так и получилось. Только уже не по собственной воле. Призвали в армию. Нежданно-негаданно жизнь круто повернула в другую сторону.

Солдатом Василий оказался неплохим. Исполнительным, сообразительным. Не зря же вскоре после приема присяги определили в Белогорск в школу младших командиров. А через некоторое время в числе других направили в город Чкалов, в зенитно-артиллерийское училище.

Там перед самым окончанием и война застала.

Выпустили досрочно. Обули-одели с иголочки, все блестит на лихих лейтенантах. Глянь на голенища сапог — что в зеркале твое отражение. На лицах - самоуверенность, гордость и отвага. Таким молодцам дай волю — с любым врагом расправятся.

От девчат нет отбоя. Многие успели обзавестись семьями. Для Василия Борченко не нашлась подруга по душе. Холостяком остался. Впрочем, может, это и к лучшему. Потому как очень скоро всех их, молодых лейтенантов, бросили на фронт, который уже проглотил огромные территории с их городами и селами, накинуд петлю на Ленинград, до самой Москвы-матушки докатился. Вот и разбили врага «на вражьей земле с малой кровью могучим ударом»! Даже песню об этом перестали петь.

Сначала направили в Канск, где формировался 1269-й полк, которого уже давно ждали на фронте. «Лейтенант Борченко, принимай взвод управления», - сказал командир полка. Едва освоился, новый приказ: «Все к эшелону на погрузку!»

- Куда повезут? — гадают наивный солдат. И тут же чей-то острый язык:

- На кондитерскую фабрику. Шоколад и печенье сортировать...

Эшелон, как и нетрудно было догадаться, помчался на запад, ближе к пеклу. Шла первая военная зима. Что творилось в ту пору на переднем крае, одному Богу было известно. Из уцелевших фронтовиков даже сегодня никто не может вспомнить о тех днях без содрогания. А уж о северо-западном направлении, куда доставили свежее сибирское пополнение, и говорить не приходится. Преисподняя — да и только.

Уж который раз переходит из рук в руки небольшая деревушка. Метровой высоты снег примят гусеницами танков и подошвами солдатских сапог. Пехота, зарытая в промозглую болотную землю. Сожженные дома, машины, танки. И множество трупов. Они разбросаны всюду — у опушки израненного леса, у околицы села и здесь, у самых брустверов огневых точек. Недосуг собирать. Раненых еще кое-как подобрали. Мертвые остались лежать. Подождут! Им теперь ничто не навредит — ни рвущиеся снаряды и визжащие пули, ни зверье, которое умыкнулось прочь, подальше от передовой.

Лейтенант Борченко рассчитывал на командование зенитно-артиллерийским взводом. На худой конец — обыкновенным противотанковым. А матчасти, оказывается, в наличии — по пальцам пересчитать... В штабе поставили такую задачу: получи карту, возьми нескольких солдат — и айда вот по этому маршруту, встречать тыловики. Который уж день ждем от этих крыс продовольствия, боеприпасов. А их где-то черти носят. Отыщите — и немедленно сюда, во-о-он к тому леску! Чтобы, не дай Господь, под обстрел гитлеровцев не попали.

Вместо двух человек взял с собою одного — бойца по фамилии Ткач. Выносливого, бывалого. Вооружились лыжами, карабинами, немного сухариков получили из тощих запасов. В путь!

А путь неизведанный, заснеженный. День и ночь пробирались по маршруту, обозначенному на карте. Под утро набрели на хуторок. Посылает Ткача разведать, нет ли немцев. К счастью, нет. Бои где-то стороной прошли. Машины с продовольствием, боеприпасами? Нет,

жители хутора тоже их не видели. Да и кто из военных скажет, что именно они везут.

- Вам лучше пройти через лесок напрямик до следующей деревушки. Там проходит дорога. Скорее всего, по ней передвигаются те, кого ищете, - посоветовали в хуторе.

Вздremнули часок у деда-бобыля, что жил в покосившейся избе на краю хуторка, угостились картошкой и снова в дорогу.

К полудню набрали на нужную деревушку. Там-то и узнали, что вереница машин – «полупуторок» и «ЗИСов» – прошла несколько часов назад и что совсем недавно сюда навевывались немцы.

Ну а дальше как быть? Возвращаться прежним путем? Но что он тогда доложит начальству? Нет, надо спешить по предполагаемому следу. Далеко не должны уйти. Некуда. Передний край. Немцы наверняка просочились с правого фланга.

Так что не мешкай, лейтенант Борченко. Не мешкай, солдат Ткач!

Пошли наперерез через огороды в направлении проселочной дороги. И едва оказались на открытом месте, как над головами просвистели пули.

- Ткач, ложись! – кричит Василий. – Ползком к оврагу! К оврагу!..

Пронесло! К вечеру настигли автомашины с продовольствием и боеприпасами. Остановились тыловики, чтобы отдохнуть и выяснить обстановку. Они теперь настороже. Тоже ведь довелось вдоволь хлебнуть гитлеровского угощения. Не однажды набрасывались на колонну «мессершмитты». Утерали нескольких бойцов. Два грузовика сгорело. Как бы на большую беду не напоротся.

Но и время терять грешно. Там, на переднем крае, истекают кровью, ждут не дождутся боеприпасов и еды.

Василий занял место рядом с водителем одной из машин – повел несколько «полупуторок» к обозначенному месту, ближе к линии обороны. И вдруг вновь проклятые «мессершмитты». Они неожиданно вынырнули откуда-то со стороны после того, как машины выползли из леса на открытое место. Гитлеровские асы просто-таки забавлялись в воздухе. То коршунами падали вниз, чуть ли не задевая кабины машин фюзеляжами, то уходили в крутом вираже на разворот, то взмывали вверх. И все осыпали очередями из крупнокалиберных пулеметов. До тех пор глумились, пока машины вновь не укрылись под кронами озябших деревьев.

Только теперь поняли, насколько близка была беда. Машины

сплошь изрешечены пулями. Да и на самом Василии остались следы. В тот день виски его тронула седина. Но груз, к счастью, доставили.

Но это были цветочки. Ягодки ждали впереди. Чего уж тут: война есть война. Беда постоянно витает над тобой. В любую минуту может за счет тебя самого прибавиться и так несметное число тех, что валяются в самых невероятных позах на заснеженных подступах к Тихвину, Волхову, другим городам.

Штабное начальство похвалило лейтенанта. Но что из того? Вы дайте возможность повоевать по-настоящему. Огневой взвод дайте.

Принял-таки артвзвод. С людьми вдвое старше его самого. Получалось не хуже других. Во всяком случае, его пушки били, кажись, без промаха.

Но вот штабной посыльный вновь явился по его душу: «К командиру полка, лейтенант Борченко!» Опять за продовольствием и боеприпасами. Ну и везет, черт бы побрал.

Но то, что услышал от командира, оглушило окончательно:

- Мы окружены. Остался небольшой «коридор» в лесу. В лес они боятся заходить. Так вот, бери в свое распоряжение десятерых, мастерите волокуши — и айда по «коридору» к передвижным складам. Иначе погибель!..

На войне подчиненный не смеет ослушаться. Приказано — выполняй без разговора. Какую бы цену за это ни платил.

На обратном пути попали под огонь. Стали отстреливаться. Но силы слишком неравные. Хорошо, вблизи оказались несколько «тридцатьчетверок». Выручили танкисты. Тогда-то Василий и получил первое ранение. Рана оказалась не очень опасной, и он не покинул передовую.

Полк пробивался из окружения с боями, с огромными потерями. Шутка ли, из двадцати молодых лейтенантов в живых осталось лишь двое. А сколько полегло рядовых солдат! Снег у окопов краснел от крови.

Василий тоже основательно оросил своей кровью тот кипевший в разрывах снег северо-западного направления: получил второе, более тяжелое ранение. Осколком раздробило голень.

Наверное, лежать бы ему вечно на подступах к Тихвину, не окажись рядом две девчонки-санитарки. Напоили водкой, уложили на плащ-палатку, уволокли в медсанбат. Потом был госпиталь. Тут-то через несколько месяцев и нашла его награда — орден Красной Звезды.

Получая орден из рук местного военкома, он не испытывал особой радости. Лучше бы нога осталась целой. Лучше бы перестал вращаться этот гигантский молох, превращающий в прах города и села и людей. Сотнями, миллионами.

Да и, если на то пошло, много ли получил от него фронт? Мизер! Ну, старался исполнить приказы, старался помочь тыловикам поскорее доставить на передний край продовольствие и боеприпасы. Так что с того? Впрочем, каждый солдат на войне выполняет свою работу. Вклад каждого и образует основу победы.

Комиссовался до окончания войны. Возвратился в родной край. Услышал: Хабаровская юридическая школа набирает на учебу инвалидов Великой Отечественной. Поступил. Позже был институт. И десятки лет судейской работы в Биробиджане.

БЕРЕГИТЕ СОЛДАТА РОССИИ

Я встретился с фронтовиком, артиллеристом, полковником в отставке, покойным ныне Георгием Михайловичем Погудиным. Думаю, рассказ его будет по-своему интересен читателям.

Не сделаю открытия, сказав: победа в Великой Отечественной ковалась в боевом взаимодействии всех родов войск: матушки-пехоты, танкистов, ракетчиков, авиации, морского и речного флотов... И все же рискну заявить: главная роль отводилась артиллерии. Не случайно ее называли “Богом войны”. Ни одна сколько-нибудь значительная боевая операция – оборонительная или наступательная – не обходилась без ее участия.

Многие считают артиллерию, и, на мой взгляд, справедливо, престижным родом войск, хотя служить в ней “не сахар”. Я это испытал на собственной шкуре, прошагав фронтовыми дорогами от полей Подмосковья до городов Германии, куда мы пришли в мае сорок пятого.

Безмятежные довоенные годы кончились как-то внезапно. Нежданно-негаданно на нашу Родину двинулись полчища фашистов. Они разрушали города и села, орошали кровью стариков и детей нашу землю, принесли с собой горе, страдание.

Надо остановить врага, выдворить его прочь из страны. Кому это сделать, как не нам, молодым! И стали осаждать военкоматы целые школьные классы, заводские бригады.

Как сегодня помню мой родной город Ижевск, встревоженный

недоброй вестью. В сторону вокзала по неосвещенным улицам идут и идут люди. Звучат шутки, гармоника, плачут матери, провожающие новобранцев.

Пришел и наш черед, вчерашних десятиклассников. Поскольку был я физически крепким парнем и по тем временам достаточно образованным, меня направили в Смоленское артиллерийское училище, эвакуированное в город Ирбит. Шесть месяцев муштры — и получай лейтенантские погоны, двигай на фронт. Там трудно, там тебя ждут.

А ждали меня, новоиспеченного лейтенанта Погудина, за Москвой, под Сухиничами. Там, на подступах к передовой, базировался полк тяжелых орудий РГК (резерва главного командования). И должность уже определена: заместитель командира батареи.

Начинаю знакомиться со своим “хозяйством”. Пушки — ого-го! 152-миллиметровые. Вес каждой — восемь тонн, снаряд — сорок четыре килограмма! А тягачи... довоенные гусеничные маломощные трактора “ЧТЗ”. С такой техникой при наступлении и за пехотой не поспеешь.

Солдаты все из старослужащих. Все вдвое старше меня. Как я с ними? Зря боялся! На войне быстро крепнет солдатское братство. А что «старика», оказалось, даже к лучшему: многому я учился у них.

Ближе к фронту чаще стали одолевать «мессеры». Вынырнет один неожиданно откуда-то из облаков, прошьет огневые позиции пулеметными очередями, а то швырнет несколько бомб — и был таков.

Помнится, пробивались мы по смоленской земле. Дожди. Тылы отстали. Мы, по существу, остались без боеприпасов, без продовольствия. Голодные. Да кому до этого дело — воюй! Сменил огневую позицию — сразу зарывайся поглубже. А это значит — каждому приходится перевернуть добрый десяток кубометров земли. На пустой-то желудок!

Кто-то из ребят увидел у недалекой роши раненую лошадь. Смотрит на меня: как я? Даю «добро». Не помирать же ребятам с голоду.

Развели солдаты в соседней ложбинке костер, варят в ведре конину. Только не дождалась мы в тот день обеда. Налетели фрицы и давай нас поливать огнем. А укрыться негде: щелей отрыть мы не успели. В один миг недосчитались троих. Градом сыпались фугаски. Они превратили в месиво стылую землю, изуродовали растущее рядом дерево... А котелок с варевом (бывает же!) остался, как ни в чем не бывало, висеть на закопченных деревянных рогульках.

Схоронили мы убитых. Тяжело мне было: первая потеря. Чувствую — и моя вина.

Нет, - говорю, - товарищи бойцы. Так дальше не пойдет. Нечего нам геройствовать, надо в любом случае зарываться в землю. Мы Родине нужны живые...

Сказать легко, сделать труднее. Попробуй смени огневую позицию в штатный срок, как учили: вырой окоп, установи восьмитонную пушку-машину, отрой укрытие для расчетов. Одна операция по установке требует усилий чуть не полбатареи.

Вот я и подумал: надо что-то сообразить, чтобы выполнять эту операцию меньшим количеством людей. Одним расчетом. Говорю своим ребятам: «Попробуем ваги. Одни подваживают станину, другие двигают. Вот тебе экономия сил и времени». Скорость стрельбы увеличили, не стало задержек с подноской снарядов, устройством огневых позиций, блиндажей. Ну, а если уж артподготовка, такой концерт, бывало, устроим, что чертям тошно. А пойдут немецкие танки — расстреливаем прямой наводкой.

Шли дни, месяцы... Фронт все дальше отодвигался на запад. На груди многих моих батарейцев заблестели ордена. Технику новую получили. А я стал полноправным командиром батареи.

На войне быстро ко всему привыкаешь: к неустроенному быту, к тому, что приходилось и голодать, и мерзнуть. Невозможно привыкнуть к одному — потере боевых товарищей. А их полегло немало — на своей и чужой земле. Надеялись, ближе к Германии вражеское сопротивление ослабеет, не тут-то было. Понимая, что уже проиграл войну, враг дрался с отчаянием смертельно раненного зверя.

Помню, это было уже на подступах к Кенигсбергу. Мы остановились перед хорошо укрепленным рубежом обороны противника. Пехота ждала надежной подмоги. А у нас, как на грех, никудышная позиция. Впереди жилые строения, видимости никакой.

Приказываю:

- Орудия — на буксир! Вперед — на противоположную окраину поселка!

Там я приглядел удобное место. Со своим ординарцем кружным путем вышел на пустой огород. Пытаюсь разглядеть в бинокль немецкие позиции. А по нам как дадут фрицевские «Ванюши». Почувствовал удар в спину и ногу. Добравшись до укрытия, понял: ранен. Как смог, забинтовал ногу — и к своим. Как они? Ребята уже выкатили орудия, открыли огонь. А тут подошли и наши «тридцатьчетверки». Не устояли фашисты, отступили, а мы двинулись дальше.

Немало сюрпризов преподносил фронтовой быт. Подчас и курьезных. Помню, стояли мы в обороне на опушке леса в Прибалтике. Пошел один наш солдатик в лесок, извините, по нужде. Вернулся весь белый от страха.

- Там немцы!

Немцы? Откуда им взяться? Вроде наша пехота плотно оседлала пригорок. Дворняжке не проскочить незамеченной. Все же посылаю нескольких бойцов во главе с командиром расчета проверить: что там за незадача. И правда, ведут троих фрицев.

Зову сержанта Мишина, который знал немецкий:

- Поговори с ними...

Выяснилось: солдатики эти родом из ближнего села. Там у них земля, семьи... Вот и отбились нарочно от своей части. Надоело воевать.

Кто-то из бойцов в сердцах сказал:

- Врут, сволочи... В расход их...

- Отставить! — говорю. — Пленных не убивают. Оставим их при батарее, пусть картошку на кухне чистят, окопы рыть помогают...

Так эти трое и протопали с нами до самого дня победы. А весть о победе застала нас на берегах Балтики.

После войны еще многие годы служил я в армии на разных командных должностях. В основном в Дальневосточном военном округе. Был военным советником в Египте.

После увольнения работал военруком в школах и средних специальных учебных заведениях нашего областного центра. Многим сумел привить любовь к службе в армии. Офицерами стали Вайсфельд, Шальнов, Орлов, Григорьев, Туленков... Всех не перечислишь.

Скажу еще вот о чем. Меня, военного человека, для которого армия почти всю сознательную жизнь являлась вторым домом, очень беспокоит нынешнее положение в Вооруженных силах. Оно очень тревожное.

Фактически нарушено оснащение армии новыми образцами вооружения и военной техники. Отсутствует надёжная социальная защита военнослужащих и их семей. Тысячи семей военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, не имеют жилья.

Неудивительно, что и морально-психологическое состояние войск, и дисциплина стали далеко не теми, что были раньше. Когда-то молодые люди службу в армии считали делом чести, теперь она стала для них чем-то пугающим, от чего многие стараются “отмазаться”.

Как ни печально это сознавать, в загоне и военно-патриотическое воспитание молодежи. Уверен: дальше так продолжаться не может. Армия всегда была и остается гарантом стабильности, гарантом мира и процветания государства. Не будет армии - не станет самого государства. Беда армии - это и наша с вами беда. Давайте позаботимся о ней, о солдате России.

БЕЗ ПРАВА НА ПОЧЕСТИ

- Деда, ты воевал с фашистами? Расскажи, как воевал...

А бедный дед отводит в сторону глаза, норовя проглотить подступивший к горлу горький комок. «Боже мой! Что же ответить наивной и простодушной девчонке?»

Он угрюмо молчит. Хотелось в сердцах сказать: «Брось ты, внученька, сыпать соль на незаживающую рану». Но только проворчал:

- Да ну ее к бесу, войну эту...

Вздохнул тяжело и уж в который раз, вопреки воле, стал перелистывать разрыхленной годами памятью страницы прожитой жизни, пытаясь осмыслить коварные сюрпризы собственной судьбы. Сколько их запечатлено на этих страницах! Но главный, конечно же, связан с войной. Вот уж сколько десятков лет не дает он покоя...

А началось все вроде бы легко, безоблачно.

Поскольку Васька оказался смекалистым и работающим парнем, как-то и незаметно мечта его воплотилась в реальность. В восемнадцать годов от роду он стал водить паровоз. Правда, пока что в качестве помощника машиниста и не на большой сибирской магистрали, а по узкоколейке, что, рассекая тайгу, устремилась к нижнему складу одного из леспромхозов в Тындинском районе Амурской области. Но все еще впереди. Будет Васька водить и большегрузные составы по большой дороге. Дай лишь срок.

А пока его поезд стоит в складском тупике в ожидании завершения погрузки. Но вот, кажется, все. Бревна в вагонах скреплены. Можно из-под передней пары убрать тормозные колодки и трогаться. Собственно, сейчас они с машинистом так и сделают. Спускается на землю. Смотрит — навстречу дружок, что работает здесь, на складе. Запыхавшийся. Никак отдышаться не может.

- Вася, ты все из своего паровоза не вылезашь и не знаешь, что война началась... По радио сказали.

Понятное дело, на следующее утро — в военкомат. «Возьмите в армию... Видите, уж призывной возраст подоспел»...

Взяли и повезли в Приморье, а там — на Русский остров, который сплошь морьяками заселен. Тут-то он и узнал впервые цену солдатских щей да каши. В учебе доставалось так, что вечером ни ног, ни рук не чувствовал. После отбоя вмиг проваливался в забытье. Скорее бы туда, на запад, что ли.

Могли бы не докучать начальству. Незаметно пришел и их черед, когда фашисты уже, считай, полстраны оттяпали, а армия наша так разжижилась под ударами немцев.

Потом был Моршанск, от которого фронт — рукой подать.

Здесь — формировка, переформировка, ученья, экипировка. Василий и все его сверстники имели о фронте самое смутное представление, хотя и так старательно вдальблывали командиры в солдатские головы азы военного бытия. Конечно же, винтовки с приткнутыми штыками — наперевес, пальба из орудий и танков и раскатистое «ура!» Да-да, наверное, так оно и будет. И он уже представляет себя бегущим по жнивью навстречу врагу. Чтобы сломить, уничтожить, изгнать с родной земли. Вот только где и когда наступят эти решительные минуты? И что это за порядок такой — никто никогда не покажет солдату заранее дорогу, которую предстоит одолеть? Остается одно: гадать.

Разговоры разные. Одни говорили: бросят под Ленинград вызволять город из блокады. Другие утверждали: направят под Москву, чтобы была у столицы надежная защита. Сибиряки и дальневосточники — народ крепкий, перед любой силой устоят. А повезли в сторону Сталинграда. Враг рвется к Волге, пытается отсечь от центра страны Каспий и Кавказ, обойти нашу столицу с тыла.

Что ж, туда так туда. Только уж скорее бы.

Короче, в одну из ночей погрузили в эшелон танки, пушки, боеприпасы, а их — в «телятники». И в путь!

Даешь Сталинград!

Но и немцы — бойцы неглупые. Держат под прицелом и передний край, и тыл. В случае чего — мощнейший огонь. С наземных точек, с воздуха.

Паровоз, натруженно пыхтя, тащит длиннющую сцепку вагонов с людьми, боевой техникой. На стыках рельсов мерно постукивают колеса вагонов, по сторонам проплывают хлебные нивы, перелески, хутора и деревеньки, окутанные садами. Ничто не предвещает беды. А она, оказывается, совсем рядом.

Едва за вагонными окнами растаял рассвет, как где-то там, посередине состава, душераздирающе завывла сирена. Потом затарахтели стоящие на двух платформах зенитки. Поезд остановился. И началось. Вагоны вздрагивают от взрывов, а иные разлетаются в клочья. В нескольких местах вспыхнул пожар и начали рваться снаряды. Солдаты разбегаются по сторонам, падают, ползают, кричат. Ничто уже не могло защитить. С неба обрушивались все новые порции фугасок. Из самолетов строчат крупнокалиберные пулеметы.

Когда немецкие асы, освободившись от смертоносного груза, убрались восвояси, стали собирать убитых и раненых, вызволять из руин то из боевой техники, что осталось целым после бомбежки. Бездыханных относили ближе к проселочной дороге, укладывали рядком. Стылая земля не могла впитывать кровь, и она вмиг обагрилась ею. Раненых грузили в откуда-то взявшиеся брочки и увозили в неизвестном направлении. А потом построили уцелевших – и шагом марш! Тоже неведомо куда. Это Василий позже наведет справки: вели пополнить части 62-й стрелковой армии.

Потом в составе нового «хозяйства» удерживали оборону, отходили, совершали многоверстные марши, шли в наступление, попадали под гитлеровские танки, хоронили друзей-товарищей. Хоронили не по отдельности, а группами, порою сразу десятками.

Василия Бог миловал. В каких только переделках не бывал, каждый раз выбирался целым и невредимым. Ну, теперь-то уж повоюет.

А фортуна возьми да и обернись другой стороной. У войны нет столбовой дороги.

Что-то изменилось на фронте, и поредевший батальон вновь неожиданно-негаданно – на марше.

Ночь топали без привала и сухого пайка. К утру ноги не держат. Скорее в совхозный амбар. На пол. Но едва погрузились в сон, команда: «Подъем!»

Но почему подъем? Что случилось? Противник с танками, пушками, минометами. Там, за деревней, уже пальба. Пылают дома.

Ротный горланит:

- В цепь! Разворачивайся в цепь!

Куда там! Вон они, в двухстах шагах, покачиваясь, ползут в их направлении. Да так шпарят из пулеметов и пушек. А что они-то? С одними винтовками против брони. Косят наших, как траву в росистое утро.

Попытались пробиться назад. Но и там немцы. Головы не поднять

- Рус, сдавайся! Иначе — капут!

Нет, дудки! Василий посылает в магазин новую и новую обойму. Уж ствол раскалился. А проку-то. Пули наверняка ушли в «молоко». Наконец, патронташ опустел

- Рус, сдавайся! А то — капут...

И настал для Василия миг выбора. Смерть или жизнь? Плен или небытие? Но плен - это еще какая-то надежда. И никуда от него не уйти. Со всех сторон обложены. Но по советским законам - измена. Остался бы хоть один патрончик, может, рассудил по-иному. Пустил бы пулю в собственный лоб. Тяжело поднялся с земли, скрючился знаком вопроса и, часто-часто мигая бессмысленными глазами на землянистом лице, растопырил над головой руки.

И начался кошмарный сон. Длился он долго, с перерывами. Но все же он был жизнью. Хоть многие и совершенно потеряли человеческий облик — превратились в грязные и смердящие скелетообразные существа, - все же о чем-то спорили, вспоминали былые деньки, не теряли веры в будущее.

Если бы Василия попросили сделать описание тех страшных дней, у него все равно ничего не получилось бы. Кроме терпения, слишком много времени, бумаги и чернил потребовалось бы. Разве вот только память фрагментами выхватит из той уже затянувшейся дымкой времени картины. Вот у барака лежит, скрючившись, какое-то подобие человека. Щеки впалые, скулы острые, глазницы черные. Скелет, обтянутый коричневой кожей, - и только. Просит ослабевшим голосом:

- Братцы, переверните меня. Сил никаких...

Подходит Василий, переворачивает. Бог ты мой! На боку загноившаяся рана. Сплошь в червях, сколько еще протянет? Совсем недолго. Но голос еще живой.

- Спасибо, браток. Возьми вот окурок за то, что помог...

Концлагерь был огромный. С газовыми камерами, крематорием. И многонациональный. Колючей проволокой в несколько рядов разделен на секции — русскую, французскую, английскую, польскую... Иностранцам тоже несладко жилось. И все же легче, чем русским. Им хоть через Красный Крест что-то перепадало. Нашим — ничегошеньки. Полугнилая брюква — вот и все довольствие.

Случалось, те же французы бросали русским через проволоку сухари, сигареты. Тогда и начиналась давка. Заметят немцы — автоматная очередь без предупреждения. На месте столпотворения останется несколько трупов.

А вообще-то трупы не считали. Десятками умирали ежедневно. От болезни, голода, побоев, от автоматных очередей... Невольники привычно воспринимали повторяющуюся в определенный утренний и вечерний час картину. Здоровенный битюг тащит за собой несколько вместительных вагонеток, заполненных трупами, а сзади неспешно шагает пожилой немец и наигрывает на губной гармошке какой-нибудь мотивчик.

Вызволили из неволи американцы. Подкатили на танках, ударили по вышкам из пулеметов, распахнули ворота. Получай свободу, честной народ! Ну и, конечно, еду привезли. Много разной еды. И шпик, и тушенка, и каша, и хлеб... Ешь, поправляйся! И нагрязнула изголодавшаяся братва, что воронье.

Они, американские парни, конечно, с добрым, открытым сердцем. А о том, видать, и позабыли, что дистрофиков надо постепенно откармливать. Лишь потом спохватились. Так вот сотня-другая и отдали Богу душу...

Ну, а дальше — передача нашим. Фильтр через особый отдел. Кое-кого упрятали. Что до Василия, то его одели в новенькую военную форму, велели дослуживать. Здесь, в поверженной Германии.

После — мирная жизнь. Легкого хлеба не искал. Все с машинами-экскаваторами, подъемными кранами, автомобилями...

Однажды обратился в военкомат. Попросил, чтобы походатайствовали о подтверждении его участия в войне. Послушал майор, руками развел:

- Быть в плену и воевать с оружием в руках — разные вещи...

Поднялся молча и со шемющим сердцем побрел домой. Что тут сказать?

- Не спрашивай про войну, внучка. Будь она проклята, эта война...

Поведав такую историю, Василий Иванович попросил не называть его фамилию.

ПОСМЕРТНОЙ СЛАВЫ НЕ ХОТЕЛИ

Сколько дней и ночей умчало с тех пор быстрокрылое время. Уже и темно-русая шевелюра поредела, поникла под декабрьской порошей, а некогда молодое добродушное лицо опутали паутинки морщин. Да и мир стал казаться не таким, как прежде, загадочным и

безмятежно розовым. Что ни говори, многое успел познать за прожитые годы, многому научился. А вот, поди ж ты, сутью своею Семеныч остался тем, кем был много-много лет назад. Никак не отважится взойти на тот пьедестал, что воздвигла для него судьба солдатская. Будто стыдится, что на его груди сияет золотом Звезда.

Сегодня вот тоже... В очередной раз пригласили школьные ребята. Куда денешься?

Облачился в пиджак с наградами, глотнул чайку. Пошел. За стол усадили. Притихли ребята. А он, будто провинившийся ученик, откашливается в кулак и часто-часто моргает глазами.

Кто-то из детишек спросил:

- Была ли у вас заветная мечта?
- Была, - сказал Семеныч. - Была.
- Сбылась?
- Сбылась, ребята. Сбылась...

Не звонкой, пожалуй, даже весьма скромной была мечта. И заронил ее ненароком в Сашкину душу отец - путевой обходчик, многолетний старожил Волочаевки Семен Панов.

Ранним утром он накидывал на плечи старенький брезентовый дождевик, прихватывал сумку с едой да инструментами и неспешно шагал по железнодорожному полотну в сторону Хабаровска или Ина, временами постукивая молотком по накатанным до блеска рельсам. В летнюю пору, когда не надо в школу, за отцом частенько увязывался Сашка. Панов-старший не противился: пускай сорванец сызмальства приобщается к делу.

Мальчонка помогал отцу приводить в порядок пути, кипятил чай либо обшаривал грибные релки, прилегавшие к железнодорожной насыпи.

Как-то в одной из релок Сашка случайно наткнулся на «трехлинейку» с заржавленным стволом и полуистлевшим прикладом.

Разглядывая находку, отец раздумчиво покачивал головой и заговорил с ней, как с живой.

- О-хо-хо... Может быть, кто-то из твоих владельцев покоится в той братской могиле, что у памятника музея...

Никак не мог он понять, зачем людям оружие? Зачем убивать друг друга... Место оружию в музее. А еще лучше — в мартенах на переплавке. Сколько рельсов можно было бы протянуть по земле-кормилице!

Когда, громяхая, приближался железнодорожный состав, отец под-

нимал зеленый флажок — путь безопасен! Сашка становился рядом: пусть все, кто едет в поезде, знают, что он тоже причастен к ремеслу хозяина путей. Вот так, исподволь, железная дорога и вошла в Сашкино сознание. Именно с нею и решил он связать свою судьбу.

Панов-старший не стал перечить. Совсем не худо быть железнодорожником.

Разумеется, Саша пошел дальше отца. Во-первых, семилетку закончил. Причем довольно неплохо. А батя всего-то пару недель в церковно-приходской проучился. Читал по слогам. Во-вторых, Саша не к какому-то «дяде Пете» за наукой пошел, а поступил в ремесленное училище. В слесарную группу. Так-то! Учился — не ленился. За смекалку хвалили. Прочили завидную рабочую карьеру. Да он и сам мечтал об этом же.

Окончил училище — послали в Красноярск работать, в депо. Новыми друзьями обзавелся. Девчата обстреливали очами. И он сам, кажется, начал влюбляться в одну деповскую дивчину. Что-то будет!

Весна будет. Жаворонки будут. И чудный цветок марьин корень. Много цветов будет. Как там, в краю Приамурском.

Нет, весна не цветы принесла. Слезы матерей, невест и сестер принесла. Вспомнились отцовские слова: «Место оружию — в топках мартенов». Как ты ошибался, отец! Не пришло время.

Тормошит поутру дружок по училищу, хабаровчанин Алешка Горячев.

- Слушай, Сашка! Давай заявления напишем. Может, возьмут? А?

- Вчерась я к начальнику депо ходил. Бронь, говорит, сидите и ждите, говорит.

Война вносила свои коррективы в жизнь и быт страны. Сводки Совинформбюро становились все тревожнее. В блокаде Ленинград. Враг у предместий Москвы... Рвется к Сталинграду... Все больше похоронок... Фронту оружие нужно. Фронт крепко нуждается в пополнении.

Рабочие места парней в депо занимают недавние школьники. Парни же уходят на войну.

Подоспел черед и Саши Панова.

На призывном спросили:

- Специальность?

- Слесарь я, слесарь, - обрадованно заговорил Саша, уверенный в том, что, поскольку он слесарь и имеет касательство к технике, то уж обязательно зачислят его в танковые или, на худой конец, в какие-

либо другие технические войска.

А в ответ - будто обухом по темени:

- Панова - в кавалерию!

Попытался возразить. Но, услышав категоричное и хлесткое: «Прекратить разговоры!», покорно отошел в сторону. Понял: теперь его судьба в чужих руках.

Алешка Горячев попал в другую часть. Буквально через три месяца Саша с горечью узнал из письма родных, что он погиб в первом же бою.

Их кавалерийский корпус, сформированный из молодых ребят, не спешили отправлять на фронт. Но, пожалуй, лучше уж на передовую, чем эти многочасовые учения в пыльную жару — с бросками и форсированием рек, нарядами и караулами, чисткой лошадей и тяжелой работой на заготовке кормов для них, с частыми повторениями «Тяжело в учении — легко в бою».

Да, конечно, очень меткие эти суворовские слова. В них непреложный закон жизни солдатской. Но все же придет время, и рядовой Панов мысленно поспорит с великим полководцем. Да, скажет он себе, без учений не бывает солдата. Но каким бы учение ни было трудным, оно все равно не идет ни в какое сравнение с подлинным боем. За много верст до передовой убедила его в этом суровая реальность.

Догоняли передовую ночами. Днями, укрываясь от вражеской авиации, кавалеристы отсиживались в лесах, оврагах да в подворьях сожженных деревень.

Но ведь и гитлеровцы не такие уж простаки. Крепко усвоили, сукины дети, свое смертоубийственное дело. Закружит вдруг по задымленному небосводу двухфюзеляжный бронированный самолет-разведчик, нареченный фронтовой братвой «рамой», обязательно жди — табуном нагрянут. Хорошо еще, когда зенитчики рядом, прикроют. А если их нет? Если те, на кого атака, с одними автоматами да ручными пулеметами? Попробуй, отбейся. Разъяренными ястребами накинутся в пике крестокрылые штурмовики, окатят крупнокалиберной лавиной и фугасами. А ты не моги. Ты ищи на земле спасительную ямку, коль не успел приготовить окопчик.

А уж первый-то, первый налет! Вспоминать жутко и совестно.

Было это где-то на Брянщине во время очередного привала. Отоспавшись после ночного похода, кавалеристы развлекались разными байками. Панов сидит, опершись на шершавый ствол старого вяза, со

скептическим настроением слушает историю амурных походов гораздо «потравить баланду» лопухого, с приплюснутым носиком и лицом, осыпанным конопушками, солдатика.

Рядом, блаженно раскинув руки в стороны, лежит на спине командир взвода лейтенант Михалев. Ребята гогочут, хоть и смешного в этой байке – ноль без палочки.

Вдруг слышится нарастающий гул моторов. Лейтенант поднялся и без труда определил по звуку: самолеты чужие. Засекли, черти! Не зря «рама» кружила.

- Воздух! - горланит лейтенант.

Откуда-то с восточной стороны донеслись хлопки винтовочных выстрелов, автоматные очереди. Бьют по самолетам ребята. Да только что из этого? Помощнее оружие нужно. Зенитки, зенитки нужны.

Гул усиливается, и вскоре Саша видит над собою темный силуэт самолета. Машина качнулась из стороны в сторону, и в те же секунды от ее брюха отделилось несколько черных предметов.

- Братцы! Летят бомбы! – не своим голосом завопил Панов и бросился в ту сторону, куда шли самолеты. Но взводный осадил его, как пугливого коня. «Стой, мать твою! Назад! Ложись!»

Команду эту Саша счел губительной. Да ведь приказ – куда денешься? Несколько прыжков в обратную сторону, ничком прильнул к пожухлой траве рядом с командиром взвода. Ладно, компанией помирать легче...

А может быть, он уже и помер? Может, уже вошел грешником в ад кромешный? Поди разберись.

Воздух и землю сотрясают огромной силы разрывы. С визгом разлетаются по сторонам осколки, падают на рыжую траву срубленные ветки деревьев, разрывает легкие удушливая тошнотворная гарь.

Потом все стихло. Лишь откуда-то из глубины бора доносятся ржанье лошадей да возбужденные человеческие голоса. Ничего. Обошлось. Появились наши ястребки, погнали немецких штурмовиков куда-то на юго-запад. Там завязался воздушный бой и, кажется, нашим удалось отправить одного крестокрылого к своим предкам. Эскадрон не понес урона. Лишь двое получили ранения. Что до Сашки, то он, конечно, получил травму. Ее нанес Панову лейтенант Михалев своим кинжальным языком.

Отдав взводу очередное распоряжение по поводу предстоящего марша, он подошел к Саше и с такой убийственно-хитровой улыбкой на запекшихся губах сокрушенно покачал головой.

- А ты, Панов, оказывается, совсем не храброго десятка. Чуть выглянули фрицы из-за облаков - и уже зайчишкой прижал хвостик, наутек пустился. Если этак будем воевать, то долго придется идти до Берлина.

Взвод гогочет, а Саша молча переминается с ноги на ногу, готовый провалиться сквозь землю.

Потом лейтенант принялся учить Сашу уму-разуму, а заодно и остальных бойцов.

- Как боец должен действовать при воздушном налете? А? Он немедленно должен уйти в укрытие! А если нет его — рассредоточиться, занять лежачее положение и открыть по самолетам огонь. Когда самолет прямо над тобой сбросил бомбы, как это случилось сегодня, ни в коем случае не беги в сторону его полета. Оставайся на месте. Иначе как раз и угодишь под бомбу: лететь бомба некоторое время продолжает по инерции, приданной скоростью самолета... По траектории то есть... Ясно?

Панов интуитивно понимает: трудно на войне тому, кто не сможет приглушить, загнать в самые потаенные уголки своего бытия проклятое чувство страха. Заклюют! И, может быть, поэтому он испытывает сейчас какое-то чувство раздвоенности в отношении ко взводному. С одной стороны - обида за такую вот бесцеремонную пощечину в присутствии всего взвода, а с другой — и благодарность за науку. А может, даже больше, чем за науку? Может быть, тогда, при бомбежке, лейтенант своим властным окриком отвел от него беду? Ведь именно там, куда кинулся было он, шарахнула первая бомба, с корнем выдернула из земли и швырнула в сторону на добрый десяток сажен разлапистую сосну.

Он чувствует, как по спине бегают мурашки. Да, видать и впрямь хреновый из тебя воин, Александр Панов - сын доброго и очень миролюбивого мужика из легендарной Волочаевки.

Ну да ладно, время исцелит. Надо только укрепиться, ни в коем случае не дать себе расслабиться. Нет уж, впредь Саша ни за что на свете не выкажет страха. Даже перед лицом смерти. Вот поглядите, ребята. Вот поглядишь и ты, лейтенант!

Чудак-человек! Как будто лейтенанту досуг особо приглядываться к Панову. Был бы он один у Михалева. Было бы у лейтенанта поменьше других дел. Чего вон стоят одни занятия немецким языком?! День начинается с учебника и кончается им же. «Впереди Германия, - рассуждает. - Впереди Берлин. Трудно будет без знания немецкого!» А уж когда на передовую пришли, и вовсе дни и ночи смешались в

заботах. Но все же армия остается армией. Хочешь не хочешь, а если ты командир, тем более взводный, должен постоянно держать подчиненных на виду, как на ладони.

Панов быстро и как-то незаметно для постороннего глаза вжился во фронтовое бытие. Он с напускным равнодушием завязанного солдата переносил артобстрелы, атаки гитлеровцев, тяготы маршей, напрашивался на рискованные операции. А иногда и сам придумывал такие операции, за которые, случалось, получал от начальства взбучки.

Были дни, когда по какой-то причине нарушалось снабжение продовольствием. Старшина не мог предложить ничего другого кроме рыжего и неприятного на вид варева из залежалой чечевицы. А когда харч скудный, то, известное дело, и разговоры солдатские в минуты досуга главным образом лишь о нем!

Собрались как-то вечером у окопчика командира первого отделения. Размечтались.

- Варэничков бы, да с чарочкой, - дразня желудки солдат, басит на мове солдат Олешко.

- От жеребятинки жирненькой не отказался б, - это уже голос паренька из Татарии.

Как-то сама по себе рождается идея. Там, на нейтралке, у расколотой снарядом ракиты, - подбитый немецкий автофургон с походной кухней. Видно, незадачливый шофер выехал на опасный участок, и наши не упустили случая ударить. Теперь вот стоит грузовик, нагло оттопырив в нашу сторону заднюю часть кузова и дразня солдат запахами съестного.

- Может, рискнуть? - роняет кто-то из солдат.

- Лейтенант не разрешит, - говорит отделенный.

- Так он же у старшего начальства совещается, - вносит поправку Александр Панов. — К его возвращению успеем навести ревизию.

Отделенный оказался человеком сговорчивым.

- Пойдет кто?

- Я, - вызвался Панов. - Чего не пойти-то?

Напросились еще двое.

Условились так: в случае стычки с фашистами отделение, а раз отделение - то и взвод, а за ним весь передний край обрушат на немцев огонь, и таким образом смельчаки будут вызволены из западни.

К счастью, все обошлось без особых осложнений и довольно-таки

результативно. Кроме мешка с ветчиной ребята приволокли молоденького и очень немощного немца. По какой-то причине тот оказался вблизи фургона в зарослях конопли: не то заблудился, не то нужду пошел справить. Ребята бесшумно сбили его с ног, ремнями скрутили руки и волоком доставили к нашим окопам. Что теперь-то скажет лейтенант?

А лейтенант по-своему среагировал на приготовленный для него сюрприз в виде солидного куска ветчины и плюгавого гитлеровца.

- Кто разрешил отлучаться? — со злостью процедил сквозь зубы Михалев.

Отделенный приготовился было принять удар на себя, но Панов опередил его.

- Это мы, товарищ лейтенант, по собственной инициативе. Так сказать, для общей пользы дела. И для вашей. Потолкуете на немецком с живым фрицем...

Лейтенанту волей-неволей пришлось смириться с такой вот самостоятельностью подчиненных. В штабе полка, куда незамедлительно доставили пленного, получили от него важные сведения, и было велено объявить от лица службы благодарность тем, кто добыл «языка».

Огнедышащим валом катилась война на запад. То невиданных размеров гремучей змеей, то рачьими клешнями оборачиваясь на восток, то вновь выпрямляясь. Она безжалостно рушила, сжигала дотла города и села, пожирала скот и хлебные нивы, рассеивала по исковерканной земле солдатские могилы, из вчерашних мальчишек делала мужчин.

Что касается Александра Панова, то он тоже изрядно изменился. Время как бы впаяло его в войну. Он уже свободно, по звуку летящего снаряда, мог определить, в каком именно месте быть взрыву. Интуитивно угадывал, какой сюрприз может принести готовящийся прорыв вражеской обороны, научился рационально использовать свой, в общем-то скудноватый, запас физических сил. Стал более находчивым в солдатском деле. Теперь у лейтенанта не было оснований в чем-то упрекнуть его. Напротив, Панов не однажды даже выручал командира в трудные минуты, а вместе с ним и весь взвод.

Форсировать Днепр им предстояло в осенний хмурый день. Михалев собрал взвод в зарослях тальника у большущей сырой воронки от бомбы.

Развернув перед собою планшет с картой и, преодолевая волнение, прочитал листовку с приказом командующего фронтом и принялся

ставить боевую задачу:

- Переправляться взводу приказано в направлении вон того безымянного острова и ветряной мельницы, что на том берегу, с помощью подручных средств. Там, у ветряка, зайдем оборону и вместе с другими подразделениями будем держаться до прихода основных сил.

Молчат солдаты с тревожной настороженностью. Понимают солдаты, а вместе с ними и их лейтенант, чем может обернуться для каждого из них переправа. Нарушает молчание один из бойцов второго отделения:

- Товарищ лейтенант, а что за подручные средства?

- Срубим плоты... По одному на отделение... Лошадей пока оставим. До понтонного моста...

Опять же, легко сказать: плоты. А бревна, бревна-то где брать? Был недалеко от берега заброшенный полевой стан с клуней и двумя амбарами. Так их будто корова языком слизала. Осталась одна солома от стрех. Бревна растащили подразделения, что поближе. Надо запрягать в повозки тягловых лошадей и отправляться за семь-восемь верст в деревню. Опять же: где время? В любой час, в любую минуту может взметнуться в небо зеленая ракета, заиграть тысячефольным грохотом артподготовка, а затем и вспорхнуть красная ракета, что будет означать: не мешкай, солдат, скорее отталкивайся от берега, не дай противнику прийти в себя.

- Я бы другой вариант предложил, - по-крестьянски рассудитель-но заговорил Панов.

- Говори, говори, - торопит лейтенант. Такая уж тут ситуация: совсем нелишне послушать совет солдата.

- Я бы попросту набил плащ-палатки соломой, а вниз по паре досок и — плыви по волнам хоть на край света. Плот что? Шарахнет по нему снаряд, и сразу всем отделением с Родиной прощайся... Попробуй, удержишься на воде со всем снаряжением... Да и бревен-то поди достань...

Взводный усмехнулся.

- Дело говоришь, Панов. Дело! А я, признаться, на первых порах полагал, что из тебя путевого солдата не получится...

Эти слова командира уже несколько не обидели Сашу. Понимал: шутит командир, чтобы дух бойцов поддержать. Потому и сам ответил шуткой:

- Да вы, товарищ лейтенант, просто не осведомлены о моих способностях. Вот, если не проглотят днепровские волны, наглядитесь

еще, как с фашистами буду расправляться.

Им было отпущено где-то около полусуток. За это время бойцы соорудили для преодоления многоводной реки нехитрые приспособления. Больных и тех, у кого не зажили раны, начальство отправило приглядывать за лошадьми — до наведения переправы.

Пора подоспела к мгlistому утру. Взлетела в небо зеленая ракета, и в стороне, совсем рядом, дружно запели свою жуткую песню «катуши», выплевывая в сторону правого берега огромные огненные языки. К «катушам» подключились тысячи пушечных, танковых и минометных стволов. Земля задрожала, застонала под страшным грохотом, смешанным с запахом взрывчатки, сгоревшей соляры, осенней прели. Не теряй времени, солдат! Выдвигайся к берегу, вытаскивай на воду свои спасательные кораблики-малютки, жди красную ракету.

Красная вспыхнула через полчаса. Но и через полчаса канонада не утихла. Разве только прицелы орудий изменились, чтобы огонь передвинулся поглубже в сторону противника. Взвод Михалева плыл к острову, заросшему редким красноталом. Там короткий отдых и вперед — на ветряную мельницу, что оседлала одну из правобережных круч. Непосвященный глаз вряд ли угадал бы в этих плещущихся в Днестре темных пятнах войсковое подразделение, готовое в любую минуту ошестиниться автоматами и карабинами, окатить огнем противника.

Фашисты всерьез стали огрызаться, когда взвод Михалева уже оставил позади безымянный остров и напрягал последние усилия, чтобы как можно скорее преодолеть оставшееся до берега небольшое расстояние. Пуляют в небо осветительные ракеты, бьют из-за укрытий минометами. Снаряды падают в Днепр, вспенивая воду и высоко поднимая фонтаны. Кто-то из ребят справа пошел ко дну. Взрывом перевернуло плот с бойцами в соседнем эскадроне.

Что-то больно толкнуло в плечо Александра. Норовя сохранить равновесие, чтобы не опрокинуться, дотянулся до плеча ладонью другой руки. Слава богу, кажется, не ранен. Видно, в плечо угодил обессилевший осколок.

А наши все дубасят и дубасят по правому берегу.

Натруженно гудя, спешат отправить к фашистам угощение эскадрильи «Илов». Рвет горло лейтенант: «Поднажми, поднажми, славяне! Еще рывок - и берег наш!»

Высаживались на берегу также под прикрытием артогня. С боями поднялись на кручу и там окопались. Теперь оставалось одно — дер-

жаться. И они держались. Держались, пока не навели переправу и не подошли главные силы.

Через двое суток земля вновь содрогнулась под артиллерийской канонадой. Пошла пехота, пошли танки. А вслед за ними двинулись в брешь, образовавшуюся в гитлеровской обороне, и конники.

Теперь путь их кавалерийского корпуса проляжет через степи Украины и хуторскую Польшу, через Германию с деревнями с черепичными крышами домов и самой причудливой формы заплатами проснувшейся озими. Много еще придется брать трудных рубежей. Много хороших ребят Александр потеряет на этом пути. Ах, если бы человеческая память способна была запечатлеть и сохранить на годы все то, что пришлось повидать, испытать и вынести солдату!

Как знать, может, это и хорошо, что многое позабылось.

Тянет руку конопатый рыжечубый мальчуган из второго ряда.

- Александр Семенович, а за какой подвиг вам присвоили звание Героя?

- За какой подвиг? — переспрашивает Панов. И вновь, будто бы в оправдание. — Поверьте, ребята, я никогда не задумывался о подвигах. Я просто научился выполнять работу солдата...

А сам мучительно напрягает память, пытается зримо представить те весенние дни сорок пятого. Дни, когда Советская Армия вступила на германскую землю, но когда враг еще не был повержен и сопротивлялся с невиданной яростью. Где ж это было?

Было это в небольшом городке Бранденбурге, от которого по российским понятиям до Берлина рукой подать. Улицы, заваленные кирпичной кладкой, черепицей и разбитым стеклом, растолканные по сторонам и искореженные огнем грузовики и бронетранспортеры, едкий дым, стелющийся по земле, запуганные обитатели города, чай у костра в городском парке... И новое боевое задание взводу лейтенанта Михалева.

Он обвел бойцов испытующим взглядом воспаленных глаз.

- Ночью идем «на охоту». За «языками» идем. — И, помолчав, добавил:

- Задание очень ответственное. Может быть, от нас с вами будет зависеть успех операции по взятию Берлина...

Для выполнения операции взводный отобрал двенадцать бойцов, в том числе Александра Панова, здоровяка-украинца Олешко, пожилого солдата, которого все во взводе звали не иначе как дядей Васей. Задача была такой: перебраться через обмелевший канал в районе

затонувшей баржи, в случае необходимости закрепиться в районе сыроваренного завода, выследить и захватить в плен двух-трех гитлеровцев, затем с добычей скрытно вернуться в свое расположение.

Все было продумано до мельчайших деталей. Да только осуществить операцию, как она планировалась, оказалось делом несбыточным. Александр, находившийся в головном дозоре, неожиданно натолкнулся в палисаднике, что рядом с каналом, на холмик дота и торчащий из-за бруствера пулемет. Продвигаться мимо него было рискованно, и Панов пополз к лейтенанту.

- Давай так, командир... Двое с одного фланга, двое с другого. Свалимся на головы фашистов, как гром среди ясного неба, - шепотом заговорил он.

Бесшумно подкрались к блиндажу Панов и Олешко. А следом за ними и лейтенант с двумя бойцами. Остальные залегли в палисаднике, готовые в любую секунду к схватке. Панов решительно сдергивает одеяло, укрывающее вход в блиндаж, направляет внутрь дуло автомата. Лейтенант приказывает:

- Раус, фриц! Нур руихь, зонет капут! (Выходи, фриц, только спокойно, а не то капут!).

Выползли двое. Один, что подлиннее и потоньше, подняв руки вверх, беззвучно шевелит губами. Второй — поплотнее — неожиданно мотнул Панова в сторону и подхватил со дна окопа шмайсер. Но тут наваливается на него мешковатая фигура Олешко. Олешко нанес немцу тяжеленный удар в живот, а потом для страховки двинул еще кулаком в скулу. Тот обмяк и опустился на дно окопчика... Когда он пришел в себя, взводный довольно продолжительное время допрашивал обоих, делая какие-то пометки на карте.

Где-то через час появились еще двое. Один с котелками в руках, второй с термосом за плечами. Еду принесли, значит. Этих тоже уложили на землю, связали и опустили в окоп.

И вновь лейтенант допрашивал и наносил пометки на карту. А на рассвете буквально рядом с сыроваренным заводом удалось захватить офицера. Но при этом один из бойцов погиб, а командир взвода получил ранение. Кто-то из гитлеровцев обстрелял из окна второго этажа. Решили, не теряя времени, уходить. Панову и еще нескольким бойцам, находившимся у блиндажа, лейтенант приказал прикрывать отход группы. Те, в общем-то, удачно преодолели вброд мутную воду канала. Панов же с ребятами оказался в западне. В направлении сырзавода в разжиженной рассветом дымке вдруг возникли фигуры гит-

леровцев. Один, два, три... десять. Бог ты мой! Да их не менее роты! Идут нестройной цепью, обвешанные шмайсерами. Уходить? В два счета скосят, едва из окопа высунешься. Вступить в единоборство? Есть ли смысл? Их только пятеро. Ну да что делать? Будем надеяться на лучший исход. Там, за каналом, наши. Придут, должны прийти на выручку.

Панов с трофейным пулеметом. Ребята затаились в ожидании, ухватившись за автоматы. Кто-то из них показывает в окоп: здоровяк бунит, наверное, приближение своих чувствует. С пересохших губ Панова срывается короткое:

- В расход!

Сухая, хлесткая очередь — и вновь жуткая тишина, а потом опять голос Панова:

- Огонь по моей команде!

А расстояние между ними и немцами все сокращается. Вот уж слышны цоканье сапог по брусчатке и чужая речь. Вот уж они вышли на открытую площадку. Ну, теперь, пожалуй, пора. А, между прочим, интересно, почему они так открыто, так смело шагают? Не догадываются, что здесь советские бойцы?

И вдруг Панов с ужасом увидел, как впереди, шагах в полусотне, метнулась через улицу женщина, волоча за собой двух перепуганных детишек. Этого еще не хватало.

Высунулся из окопа один наш солдат, кричит женщине:

- Убегай, убегай, фрау! Живей! Живей!

А оттуда вдруг выстрел. И нет солдата. Отвоевался солдат. Но вот, наконец, женщина скрылась за домом.

- Огонь, братья славяне! — кричит Александр и нажимает на гашетку. С лихорадочной дрожью заработал пулемет. Остальные трое помогали автоматами. Темные фигуры немцев металась из стороны в сторону, падали на брусчатку. Послышались ответные очереди шмайсеров. Александр увидел, как еще один из наших бойцов опустился на дно окопа с лицом, залитым кровью. Стиснув зубы, он посылает и посылает очереди в сторону немцев. Причем посылает, на удивление самому себе, с холодной расчетливостью.

- Поэкономней патроны!

Сам он теперь тоже вел стрельбу не беспорядочную. Возникнет фигура — совсем коротенькая очередь, и вот уж зачернела она на сизой брусчатке.

Трижды гитлеровцы поднимались в атаки, и трижды их отбивала

маленькая группа Панова. Двое их в конце осталось: Александр и раненый солдат Олешко. Двое с пустыми пулеметными лентами и магазинами автоматов перед площадью, усеянной вражьиими трупами. Теперь не совестно и с матушкой-Родиной попрощаться...

- Что будем делать, Олешко?

- Не знаю. Ходить не могу...

- Я перевяжу...

- Перевяжи...

А со стороны, чуть поодаль от сырзавода, вновь слышится стрельба. Она все нарастает, нарастает. Что это? Постой, постой, Олешко... Неужто свои? Ну, кто ж еще? Выбирается из окопа, кричит во все горло:

- Давай сюда, братва! На выручку!

Позже Панову объяснили: взвод Михалева, а значит, и он, Панов, в том числе, сделал за эти минувшие сутки столько, сколько не сделать целому батальону. Одни добытые сведения чего стоят! К тому же группа Панова отвлекла на себя солидные вражеские силы, чем немедленно воспользовались наши подразделения на правом фланге и почти беспрепятственно двинулись в центр города, прочищая путь к Берлину.

Через несколько дней будет и Берлин. На стенах рейхстага оставит Александр автограф: «Здесь был солдат Панов из Волочаевки». Потом, когда над землей прогремит Победа, командир корпуса вручит ему в числе других высокие награды Родины. Засияют на груди солдата Александра Панова орден Ленина и Золотая Звезда Героя.

И вернется солдат Александр Панов в родные края. И заменит он на железной дороге своего отца — очень работающего и миролюбивого человека.

Увы, закон природы суров и неумолим. Прошло время, и Александра Панова его земляки — жители Смидовичского района — проводили в последний путь. Только память о бывшем отважном солдате, простом и добром человеке, осталась в сердцах людей.

ОН СЛЫЛ ЛИХИМ МАЙОРОМ

- Дедуля, куда бежите?

- За здоровьем, детки. За здоровьем. — Крякнул с удовольствием, смахнул платком со лба выступившие капли пота и засеменял трус-

пой вдоль берега проснувшейся от зимней спячки Биры, навстречу одурманивающему весенней свежестью ветру. А дети вновь — за игру в классики.

Он бежит неторопливой трусцой, помогая себе взмахами единственной руки и вдыхая всей грудью воздух. Как будто не мог надыхаться за свои восемьдесят с лишним лет.

Зовут этого человека Арон Леонович Гринштейн. И возраст его действительно почтенный — давно уж разменял девятый десяток. Только вот ни за что не дашь ему столько. Как в былые годы, сухопар, подтянут, подвижен. И уж, конечно, дня не проживет, чтобы не принять на себя физическую нагрузку. Откуда только силы берутся? Может быть, жизнь была такой невесомой и легкой, что не расплыл их? Как бы не так! Уж кому-кому, а ему с юности довелось сполна познать, почему фунт лиха.

Война застала его, старшего лейтенанта, в городе Кривой Рог, где он служил командиром артиллерийской батареи 379-го артполка 147-й стрелковой дивизии. Вскоре, после нападения фашистов, полк бросили на Юго-Западный фронт. Огнем батареи сдерживали натиск врага на самых различных направлениях. В том числе и в районе Киева.

В сентябре 41-го Арона назначили командиром артдивизиона 370-й стрелковой дивизии, которая действовала на Северо-Западном фронте. А примерно через год принял командование полком в связи с болезнью штатного командира.

То был трудный период Великой Отечественной. Враг напирал превосходящими силами. Многие наши соединения попадали в окружение и теряли боеспособность. За линией фронта оставалась огромная часть нашей промышленности. Но войска напрочь стояли на пути гитлеровцев, громили их, не дали прорваться в центр страны.

В 43-м чаша весов стала перетягивать с нашей стороны. Враг испытал мощные удары под Москвой, Сталинградом, в других районах. На фронт прибывали все новые и новые оснащенные мощной техникой части. В мае этого года Арон был направлен в 1539-й самоходный артполк на должность заместителя командира полка по строевой части. В его составе сражался на Курско-Орловской дуге. Сколько раз он выдвигал батареи на прямую наводку против армады вражеских танков! Сколько раз завершал операции с победой, а потом хоронил друзей-товарищей!

Себя тоже не уберег. В одном из боев под Курском был тяжело

ранен. В госпитале ампутировали руку.

Между прочим, здесь, в казанском госпитале, обрел верных друзей. Один из них — капитан Сергей Тарасов, который, как и многие, баловался стихами. Арон Леонович сохранил одно из стихотворений, посвященное ему, безрукому майору Гринштейну. Оно не очень грамотное, но настроение того времени передает точно.

Из разных мест страны огромной
Одной дорогой мы с тобой пришли
Туда, где враг коварный, вероломный
Пытается державу удушить.
Исполняя долг перед страной,
Друг друга мы не знали там, в боях.
Но мыслью были связаны одною:
Уничтожать врага в истерзанных краях.
Теперь же койки рядом. С общею мечтою
Мы лечимся, чтобы скорее в строй.
С возобновленной силушкой и злостью
За счастье наше — снова в бой.
Я верю, как и ты, мой друг-товарищ,
За кровь пролитую врагу мы не простим.
За плач ребенка и кошмар пожарищ
Врагу сполна мы воздадим.

28 августа 1943 г.

После демобилизации майор Гринштейн служил райвоенкомом, а затем многие годы работал на Биробиджанском мясокомбинате, в том числе в качестве его директора.

ЛЕЙТЕНАНТ ПОГИБШЕГО ВЗВОДА

Кто в досталь хватил лиха на войне, тот не очень-то горазд на рассказы о ней. Не исключение и он, Анатолий Трофимович Чернецкий. Так что не донимайте его расспросами. Он попросту недовольно отмахнется тяжелой рукой и, опираясь на истертый посох, неуклюже заковыляет прочь. Не сразу удалось мне разговорить Анатолия Трофимовича.

Наш арtpолк, как поется в известной песне, «ломал горло врагу» в синявских болотах при полной блокаде Ленинграда. Но правильнее, пожалуй, сказать: враг ломал нам горло. Гитлеровцам куда легче,

чем нам, было. У них все с немецкой пунктуальностью и расчетливостью. Авиация в нужные минуты – в небе. Боеприпасы и продовольствие – ко времени. А каково нам? Окопы с болотной жижей, считанные-пересчитанные кусочки черных сухариков, постоянная нехватка снарядов да огромный голодный город за спиной. Хоть и обойдет стороной вражеская бомба, мина или пуля, так простуда или дистрофия доконают.

Вот уже когда по достоинству оцениваешь мирную гражданскую жизнь. Она – рай, какой бы неудобной и не была по сравнению с фронтовой.

А призывался я из Биробиджана – в ту пору маленького, только-только начавшего опереться городка. Наша семья из двенадцати душ переселилась сюда из Забайкалья в поисках счастья.

Счастья, конечно, и тут не нашли. Как и на Байкале, отец рыбачил, в тайге промышлял. Мы, повзрослевшие ребяташки, тоже самостоятельную работу обретали. Не беда, что перебивались с хлеба на квас. Зато были у нас молодость, розовые мечты, любовь. Жили надеждами, ожиданием чего-то необыкновенного.

И вот дождалось. Война. Понятно, митинги с горячими речами ораторов, давка на перроне при отправке очередной партии добровольцев. И слезы, слезы...

Первым ушел в армию старший брат Афанасий. А вскоре и до меня очередь дошла.

Ожидал, что на запад повезут. А повезли на восток, в Приморье – в поселок Крискино. Там помуштровали несколько недель и сформировали из таких же, как я, желторотых новобранцев маршевую роту. Мол, сами понимаете, что на фронте творится. Там каждый боец дорог.

Ближе к фронту растолкали кого куда. Мне же выпало Волховское направление, а затем Ленинград, блокированный гитлеровцами. А точнее, артиллерийский полк, входивший в состав 54-й армии.

За плечами была уже десятилетка – грамота в те времена видная. Потому и карьера фронтового солдата оказалась такой. Сначала наводчик 76-миллиметровой пушки-выручалки, затем командир расчета, наконец, присвоили звание лейтенанта, принял взвод. Ну и пошло-поехало...

Война, сами понимаете, не прогулка в тенистом парке. В ней все спрессовано до предела – люди, события, время. Даже об единственном дне фронтовых будней, даже об одном человеке, побы-

вавшем на войне, никогда всего не расскажешь. Разве вот припомнить отдельные моменты, эпизоды... Ну, хотя бы этот... Когда похоронка ушла на меня...

Не помню уж. Кажется, у станции с названием Батецкая-Плюса стояли мы в обороне. Очень невыгодными в тактическом отношении были наши позиции. Вокруг — заболоченная низина. Ни проехать, ни пройти.

Совсем рядом — железнодорожная насыпь, которую во что бы то ни стало надо было удержать. И все это — под обзором и обстрелом немцев, которые закрепились на возвышенности с редкими деревьями.

Командование не однажды принимало попытки рассечь вражеский передний край и оттеснить немцев подальше — к такому же, как и у нас, болоту. Чтобы не им, а нам господствовать на местности. Но всякий раз враг открывал такой шквал огня, что матушка-пехота, поднимавшаяся после жиденькой артподготовки в атаку, поворачивала обратно к своим окопам, усеивая сырую землю множеством тел.

Однажды, с подходом свежих сил и появлением в здешних местах партизанского отряда, нам все же удалось потеснить немцев. Вслед за пехотой, которая успела уже одолеть версты полторы, цепляем тяжелые 76-миллиметровки к искореженным, но еще не утеревшим силу «ЗИСам» и кружной дорогой, вдоль насыпи порасчетно спешим в сторону кромешной пальбы. Мой взвод — впереди. Потому что именно ему приказано первым достичь возвышенности и начать оттуда артиллерийскую поддержку пехоты. Потом, в удобный момент, присоединятся и остальные взводы.

С неимоверным трудом преодолели полторы версты — со сгоревшими грузовиками и танками, с множеством трупов людей и лошадей. Что теперь? Зарываться в землю? Какой там! До лопаты ли! Скорее машины в укрытие, утапливай сошники в землю — и за снаряды. Лупи и лупи не мешкая, прямой наводкой осколочными, бронбойными, зажигательными. В зависимости от потребности. Иначе пехота вновь захлебнется.

Ребята «работают» дружно и слаженно. Взбрыкивают при выстрелах, словно кузнечики, тяжелые 76-миллиметровые пушки. Стволы раскалились. Упадет на металл капля пота — выкипает, рукой не дотронуться. Не перекалить бы! Но и останавливаться нельзя. Надо помогать бедолаге-пехоте. Еще есть в запасе снаряды. Так что можно «поработать». Подоспеют остальные — легче будет.

Подоспеют? Как бы не так! Немцы в одном месте не удержали

оборону. Зато фланги постарались усилить. Получилось что-то вроде мешка. Едва наши вошли в прорыв, со всех сторон начали бить из минометов, пушек, танков, стрелкового оружия.

Через считанные минуты и до нас очередь дошла. Вот уже рывкнул взрыв снаряда шагах в ста впереди. Потом сзади. Пристреливаются. И едва об этом подумал, как мина рванула на огневой точке первого расчета. Кто-то закричал. Вослед градом посыпались снаряды. От двух расчетов и следа не осталось. Уцелевшим приказываю вытаскивать раненых. У «живого» орудия остались лишь я да шофер по фамилии Малахов.

Пальнули несколько раз по немцам. Да разве ж с одной пушкой навоюешь. Подмоги не жди. Путь отрезан. Выход один: спасти пушку и раненых. Спасаться самим.

Тужась, волочим пушку с пригорка к грузовику в укрытие.

- Малахов, дорогой, - как-то совсем не по-военному выдавливаю из пересохшего горла. — Давай за баранку...

Машина тронулась, обдавая меня выхлопными газами. Но в то же мгновение совсем рядом лег снаряд, вздыбивший землю и развесистую березу, с ожесточением шарохнул по машине кучей осколков.

- Давай, Малахов, - ору, - давай задний ход...

Никакой реакции. Оглушило, наверное. Бросаюсь к машине, распахиваю изуродованную дверцу. Гляжу, приник шофер землистым лицом к баранке. Рубашка окровавлена.

Потом выяснилось: осколок угодил в грудь, прямо в сердце. Что же теперь? Бежать прочь, пока еще силы в теле теплятся. Одному-единешенькому командиру погибшего взвода с надеждой остаться живым? Э, нет. Не быть такому!

Уже не прислушиваюсь к разыгравшейся канонаде, напрягаю последние силы, чтобы сократить расстояние между машиной и пушкой, пытаюсь состыковать их и сцепить, с надеждой самому сесть за руль, оттащить орудие к насыпи и уж оттуда, с уцелевшими ребятами, снова открыть огонь. Пушка не повинуется. Колеса отказываются катиться по исковерканной земле. Кожу содрал от натуги с ладоней, сердце загнал куда-то в самый угол груди. Оно ошалело бьется, норovit выпрыгнуть наружу, дышать не дает. А орудие хотя бы чуть-чуть, хотя бы на дюйм подалось вперед.

Ну, давай, лейтенант умершего взвода, еще одна, последняя попытка, а затем ори от бессилия во все пересохшее горло. И — о радость! — услышал, видать, всевышний мольбы: правое колесо пере-

катилось через оказавшуюся на пути маленькую полустгнившую валежину, а вслед за ним продвинулось вперед и левое. Удалось, наконец, взять оружие на прицеп.

Отодвигаю скрючившегося и окровавленного Малахова к противоположной стенке кабины. Включаю скорость. Ну, выручай, «Захарка», выручай, милый. Теперь надежда только на тебя, на твои колеса. Но когда отъехал от этого злополучного места шагов на полтора, вновь взрыв. Меня будто чем-то ударило по ногам и спине, окутало удушливым дымом сгоревшего тола. Не знаю уж, какая сила, скорее всего инстинкт самосохранения, а может, и навык солдата бросил меня на землю. На земле безопасней. Она всегда готова защитить.

Вон и пехота. Тоже залегла в стороне, зарывается в болото. Теперь надо ползти. Подальше от машины, которая в любое мгновение может вспыхнуть черным пламенем. Тогда уж верный конец. Поближе к своим, а значит, и к Ленинграду, стонущему от голода, холода и тяжелых вражеских фугасок.

Но и ползти не способен, потому что одна нога превратилась в плеть и не повинуется. Штанина в крови, в сапоге кровь. Гимнастерка тоже мокрая от крови. Передвигаю тело с помощью рук и одной ноги. Припаду ниц к сырой земле на минуту-другую и снова делаю мучительную попытку отползти подальше от небытия.

Не знаю, сколько уж все это продолжалось. Наверное, совсем мало времени. Но я многое успел увидеть памятью. Город на берегах струистой реки. Мать с отцом. Сестренки и братишки. Уха из свежих ленков. Школа. Проводы на войну первых добровольцев. Первая любовь... Много прекрасных кадров прокрутила память.

Потом потянуло на сон. Земля перевернулась, небо помутнело, и меня понесло в бездонный холодный космос...

В себя пришел на койке армейского госпиталя. Открыл глаза и никак не могу сообразить, где же нахожусь. Вроде бы школьный класс. Доска, прибитая к стене. На стенах — портреты ученых, писателей. Множество коек с людьми в повязках. Надо мною — стеклянная колба с какой-то коричневой жидкостью, а от нее тянется вниз тоненький белый шланг. Глазастая бледнолицая девушка шелестит страницами какой-то книги.

Увидев, что я проснулся, вскинула бровь:

- Ну что, браток, жить будем?..

Я попытался что-то сказать, а сумел лишь только пошевелить губами.

Потом, когда через пару недель пришел в себя, мне рассказали, что было со мною дальше. От потери крови затмило сознание. Что наступает следом за этим, известно. И лежать бы мне где-то под Ленинградом в братской могиле, не появившись случайно на этом месте минометчики из другой части, подоспевшей на помощь попавшим в беду наступавшим. Кто-то из них наткнулся на меня, еще подававшего признаки жизни. Подобрали, вместе с другими ранеными, отправили в госпиталь. Здесь подзарядили донорской кровью, сделали обработку ран. Вот я и очухался, вроде бы сызнова белый свет увидел.

Как-то в палату привели новичка. Оказался знакомым — из нашего дивизиона. Встретив меня, не на шутку удивился:

- Так ты, оказывается, жив, Чернецкий?
- Как видишь... Но, можно сказать, с того света...
- А на тебя ведь похоронка ушла... Зачитывали на проверке...

Позже уточнил: извещение о «героической смерти лейтенанта-артиллериста Анатолия Трофимовича Чернецкого» и впрямь ушло из штаба дивизии в далекий город на Бире, к родителям. Да и немудрено: «Захарка», перевозивший один из расчетов, сгорел дотла. Те из ребят, кто уцелел, видели, что я оставался с машиной. Значит, тоже сгорел вместе с «ЗИСом».

Я рассказал лишь об одном эпизоде обыденного фронтового быта. А сколько их было еще — не счесть! Война есть война. В ней все подчинено с обеих враждующих сторон гигантской охоте на людей. Кто больше уложит, у того большая вероятность победить.

На мою долю выпала длинная и трудная фронтовая дорога. Был не однажды ранен. Но Бог смилостивился — выжил. А сколько их осталось там — и на родной, и на чужой земле! Не счесть! Вот и старший брат Афанасий не вернулся. Уже перед самой победой в Германии сложил голову.

Анатолий Трофимович о героических моментах фронтовой биографии умолчал. Может, из-за скромности, а может быть, потому, что понимает: все солдаты того лихолетья делали общую рутинную работу с одной-единственной целью: скорее прогнать и разгромить врага. Каждый занимался своим делом. В меру сил и возможностей.

Остается лишь добавить: грудь бывшего воина украшали орден Красного Знамени, орден Славы 3-й степени, два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й степени, множество медалей.

ПОГОСТ

Если бы погост умел говорить, сколько б поведал он горьких, порой самых невероятных историй о судьбах людских. Но он безъязычен и нем. Молчит погост. Застыли в утрюмом молчании почерневшие от времени кресты и надгробные тумбы с поблекшими фотографиями.

Знать, дряхлеет, умирает погост, впитав в себя были и небыли минувших времен. Теперь, по прошествии стольких лет, гляжу на него и думаю: скольких же ты принял в свои объятия за вековую службу! Наверняка вдесятеро больше, чем осталось сегодня в Песчанке — этой неказистой деревеньке, из которой давным-давно нас разбросала по свету война.

Да, дряхлеет, умирает погост. Зато растительность прет, что на опаре. Вон какие вымахали березы, осины, сосны, дубы! Сплелись кронами. Судачат о чем-то под слабый ветерок, не ведая горя-печали. Где-то рядом и тот самый дуб. Пожалуй, вон тот. Уж как знакома рогатина, продолжившая метрах в трех от земли шершавый, с засохшими сучьями и чуть склонившийся к югу объемистый ствол. Когда-то дуб этот был молодым и гибким. И стоял в одиночестве, опутанный хмелем, шагах в десяти от кладбищенских ворот. За годы могилки потеснили оградку. Вот так дубок и за нее перешагнул. Его побронзовевшая от первого морозца листва беспечно шуршит. Видно, позабылась дубу беда, что когда-то приключилась здесь.

...Отогревалась под солнцем, приходила в себя изголодавшаяся и обносившаяся за годы войны Песчанка. Вдосталь хватало лиха. Бабы ждали возвращения тех, кого пощадила война. И тех, кого не пощадила... Ждала и Варвара Бережная — высохшая, с нервными и постоянно чего-то ищущими глазами, распущенными седыми космами, с лицом в грубых складках. Речь ее была неразборчивой. Не каждый поймет, о чем говорит эта женщина.

Но село-то помнит Варвару другой. Гордой, красивой, бесшабашной в застолье, лихой в работе. В крещенские морозы, бывало, полоскала белье в обледеневшем корыте у колодца-журавля, источая покрасневшим телом белый пар.

Варваре и ее мужу — колхозному бригадиру Василию Бережному — Бог послал пятерых сыновей. Удались ребята. Здоровые, красивые, работающие. Старшие — Петька и Степа — трактористами стали. Средний — Гриша — на агронома выучился. Младшие — близнецы Володя

и Саша — ходили в соседнее село в семилетнюю школу.

Свое главное бабье предназначение она видела в пестовании своих мужичков. Успевала присмотреть за каждым, хотя на ее плечах был чуть ли не гектарный огород. Да еще скотина и птица. Втайне ждала внучат. Тем и была счастлива. Да и много ль было надо ей, крестьянке, которую девчонкой привезли сюда во времена Столыпина? Ничего, кроме Песчанки, по существу, и не видела.

И уж не ждала, не гадала Варвара, что совсем скоро ее счастье разломается на кусочки.

Началось с той летней ночи. К усадьбе Бережных подкатила полуторка, крытая брезентом. В избу вошли двое в длинных шинелях и председатель сельсовета безрукий Василий Зайцев. Велели Бережному собираться. Куда? Зачем?

- В район. Там объяснят...

Варвара заголосила. Василий рассердился:

- Уймись. Приедем в район, все образуется...

В районном НКВД назвали Бережного «недобитой контрой» и отправили этапом в областной центр для следствия. Там и сгинул.

До сельчан доходили слухи, что будто бы Бережной вместе с директором соседнего совхоза Пикуновым и местным учителем Максимом Анисимовичем Остапенко, увезенными в ту же ночь, сговорились с японскими шпионами и тайно готовили для самураев хлебные запасы. И что он вместе с другими врагами народа повинен в голоде тридцать третьего года.

В лето тридцать седьмого добрый десяток песчанских мужиков увезли «вороны» в районный центр. Знать, не один ее муженек заперти. Ничего. Советская власть — справедливая, умная власть. Разберется, что ее Василий — человек совестливый, ни в чем не повинен. Он такой: скорее свою рубашку скинет и отдаст другому, чем чужое возьмет. Варвара-то знает. Вернется! Иначе как же? Одной не управиться с этакой оравой.

Напрасно ждала. Напрасно. Ни скрипа калитки, ни привычного стука в низенькое окошко. Не возвращался Василий...

Понятное дело, беда не ходит в одиночку. На следующий год, вскоре после того, как село справило пасху, а следом Первомай, и когда земля после зимы стряхнула с себя сонливость, Варваре выпало схоронить одного из младшеньких — Володо. Погиб мальчонка нелепо, неожиданно. Будто пронесшийся шальной весенний вихрь вырвал с корешком из земли взлелеянный добрыми руками цветочек.

В выходной, свободный от школы день Володька, как всегда, с утра топтался на бригадном базу. Ужас, как к лошадям прирастался. И уж как обрадовался, когда конюх, дед Овсей, попросил помочь отогнать табун жеребят на ближнюю заимку, к выпасам.

Оседлал Володька Воронка. Айда, дед Овсей!

Бежал его Воронок сзади табуна одурманенных первой свободой жеребят, когда из-за бани, что схоронилась в зарослях прошлогодней конопли, выскочили два огромных рябых пса и бросились наперерез табуну. Табун вздрогнул, круто свернул с дороги. Отбрасывая копытами комья земли и поднимая пыль, преследуемые собаками, скакали они в направлении озера. Володька хоть и мал, а понимает, чем это грозит. Берега топкие. Неровен час, глупое животное попадет туда. Погибнуть может. Поддает под бока Воронку, несется по закоряченному лугу сторонкой, чтобы отогнать от озера. И вдруг конь споткнулся. Упал на передние ноги, Володьку со всего маху шмякнуло на мокрую землю. Довершил все рыжий жеребенок по кличке Дружок. Напуганный собаками, не заметил, видно, лежащего маленького человечка, чиркнул копытом по Володькиному виску. Пока дед Овсей обмывал водой из лужицы окровавленную голову мальчонки, тело его обмякло, глаза потускнели. Угас майский день.

Вскоре после того, как Варвара справила сорокадневные поминки по Володе, репродуктор прокричал: война! Ушли на солдатскую службу старшие сыновья. А под рождество, в морозное бескормье, Варвара проводила в армию и средненького — энтээсовского агронома Гришу Бережного. Осталась в одичавшем подворье одна с меньшеньким — Шуриком.

В село часто приходили похоронки, и она робела при встречах с почтальоном. В молитвах заклинала Всевышнего увести сыновей от погибели.

Воевали ребята храбро. Старшенький от самого товарища Сталина получил благодарность. Прислал ее Петя бандеролькой с фронта. «Берегите, маманя. Это за Сталинградскую битву».

Варвара берегла. Завернула в платочек, всегда с собой. И уж, бывало, не упустит случая, чтобы не показать человеку и не похвалиться: вот как воюют сыночки! Как бы хозяин порадовался! Понятно, к худшему не готовилась.

Между тем беды вновь пошли одна за другой. Сперва получила извещение о гибели среднего — Григория. А еще спустя три-четыре месяца почтальон принес похоронки на танкистов — сержанта Петра Бережного и рядового Степана Бережного...

Война то и дело обрушивала удары чуть ли не на каждый дом, каждую семью. Но чтоб так сразу, и всё ей одной...

Варвара осунулась, поседела, стала пугливой. Что-то не то стало с памятью. Когда с нею заговаривали, она качала головой и бормотала непонятное. Работала в поле в стороне от подруг. Молча, исступленно. Пока не иссякали силы. Теперь вся ее забота и любовь сфокусировались на единственном из оставшихся — Саше.

Саша, как и большинство его одногодков, недоучка. Бросил школу, чтобы быть рядом с матерью и работать по-взрослому. Хоть по натуре своей скромный и стеснительный, уроки, которые ему преподавала жизнь, усваивал легко. Помогала природная струнка. Уже подростком набросил на себя крестьянскую лямку.

Работать председатель колхоза послал на ферму. «Будешь, Сашко, один в трех лицах — скотником, пастухом, сторожем».

По ночам, когда оставался на ферме один, думалось об отце, старших братьях. «Неужто тятя и впрямь — враг народа? Зачем тогда ему было воевать в гражданскую с японцами и белогвардейцами? Зачем первым в деревне повел коня на колхозный баз? А братья-то, братья! За Советскую власть головы сложили...»

Эх, Саша, Саша. Не мог ты, конечно, представить, что где-то там, наверху, неведомые люди запустили маховик с огромными лопастями. Он дал ход тяжелым жерновам. И теперь вот ревут, скрежещут они, перемалывая судьбы людские. А в стороне усатый человек, одетый в шинель и в шевровые сапоги, попыхивает трубкой, глядит прищуренными глазами на этот страшный молох. И некому застопорить чудовищный молох. Нет такой силы.

Саша зажег «летучую мышь», обошел коровник, подкинул в кормушки сенца. Присел отдохнуть. И не заметил, как подкрался сон. Спящим нечаянно свалил ногою горящий фонарь...

Разбудила мать, когда в коровнике бушевало пламя. Прибежала. Почувствовала беду. Сыночка вызволила, людей на помощь кликнула.

Люди уняли пожар. Но он наделал бед. Семь обгоревших коров пришлось дорезать. В уголья превратилось полкоровника.

Понятное дело, люди из НКВД. Сашу — в сельсовет. Разбирательство. И тут он вдруг такое услышал, что зубами заскрежетал. Вражым сынком обозвал его следователь.

Саша стерпел. Ничего не сказал в ответ. Лишь до боли прикусил губы.

Утром Варвара, как всегда, проводила сына на работу. Но там его

не оказалось. Только через трое суток обнаружили в зарослях хмеля, у дуба с рогатиной. Саша полулежал, уткнувшись ничком в землю. А перед ним, стволом вниз - прикрученное к дереву его ружьишко.

Схоронили рядом с дубом. А вскоре зарыли тут и Варвару. До последнего дня ждала, кликала домой своих сыновей.

...Шепчутся листвой кладбищенские деревья. Застыли в угрюмом безмолвии почерневшие от времени кресты и надгробные тумбы. Дряхлеет, умирает погост, унося с собой судьбы людские.

А жизнь остается... Она вечна.

ВОЙНА КРЫЛОМ ЗАДЕЛА

Всякий раз, когда наступает утро девятого мая, Криков облачается в парадный мундир общевоинского капитана и совсем не похожий на вчерашнего гражданского человека – стройный, подтянутый, помолодевший – отправляется к месту сбора ветеранов. Потом под трубные звуки маршей вместе с фронтовиками шагает к скверу Победы, где по традиции проходят праздничные торжества. Только шагает не в самой колонне, а так, в хвосте. В толчее вездесущей пацанвы.

Понятно, к нему с вопросами: вы тоже воевали, дядя?

В ответ качает головой.

- Какой там! В ту пору я, считай, под стол пешком ходил.

Но войну он повидал. Ох, повидал... Она никого не обошла. Но коснулась по-разному. Одних едва зацепила своим крылом, других заживо проглотила ее ненасытная пасть, третьи побывали в страшных когтях и каким-то чудом вырвались. Память и поныне хранит черные дни того лихолетья.

Николай Кронидович Криков не особенно-то распространяется по поводу пережитого. Зачем лишний раз расшевеливать зарубцевавшиеся в душе язвы? Разве один он оказался в ту пору в таком вот положении? И все же однажды мне довелось послушать его рассказ. Говорит Криков глухо и не очень складно. Часто умолкает в поисках подходящих слов. Но почему-то фразы, словно мазки под рукой художника, ложатся на полотно, вырисовывая волнующую картину той далекой поры.

Хорошо ли жили? Не очень. Штанишки сплошь в заплатках. Белый хлебушек лишь по праздникам. Счастливы ли были? Не задумывались над этим. А коли так, значит, счастье не разлучалось с ними.

Одно слово — детство.

Представьте себе предместье Ленинграда. Петергоф со сказочными дворцами и фонтанами. Финский залив с множеством огромных кораблей. Грибной лес. И на редкость солнечное небо. День-деньской на воле. Загорелые, окрепшие, отчаянные. Радужные планы. «Стану сталинским соколом. В небо полечу». — «А я, как челюскинцы, буду бороздить моря-океаны».

А уж это и присниться не могло. Взаправдашняя война!

Мальчишеский ум, естественно, не способен был вместить в это слово весь тот смысл, что вбирает оно. Да и войны пока не видно. По-прежнему солнце в синем небе, деревья на ветру шумят, воронье ведет перебранку. Разве вот только армады самолетов, что проплывают над Финским заливом в сторону Ленинграда, откуда десятки минут спустя доносятся глухие громовые раскаты, оживившееся движение на трассе да появление в поселке множества красноармейцев могли о чем-то сказать.

Но через день-два приметы войны стали ощутимы. С юго-запада потянулись обозы с тяжелоранеными. Здоровых мужчин призвали в армию, а женщин, подростков и стариков — на строительство оборонительных сооружений. Мать (известный на всю округу парикмахер) ушла копать противотанковые рвы.

Тогда-то и постучался в окошко голод. Где взять-то ее, еду? Отец, питерский рабочий, все не наведывается. Ну, а мать — там, у окопов. Бегают все трое - Колька, брат Владик и сестренка — на нескошенное ржаное поле, набивают сумки колосками, вылушивают зерно и варят в чугуне что-то вроде кутьи.

...Лупят по небу зенитки, зарытые вчера у опушки рощи. Но вражки самолеты умело уходят от огня и благополучно добираются до города, где и сбрасывают фугаски на многие версты вокруг, сотрясая землю.

Однажды зенитчикам чертовски повезло: сбили «раму» - двухфюзеляжный бронированный самолет-разведчик. Экипаж — в нем было четверо — спустился на парашютах. Сам самолет плюхнулся на поле и сгорел. Всех четверых удалось пленить.

Колька с Владиком — туда, к зенитчикам. А там уж посадили немцев в кузов грузовика. Окружили охраной. Боже мой! Да они такие же, как и мы — белобрысые, ясноглазые. И чего это им воевать-то вздумалось?

Нагрянул отец из Ленинграда.

- Ты вот что, мать. Собери в дорогу самое необходимое и завтра же с утра — на станцию. В эвакуацию. А я — на призывной пункт. Береги детишек...

Мать в слезы. К Всевышнему руки вознесла: «Боже праведный, спаси рабов своих грешных от гибели в краях чужих. Не отними у деток молодые жизни. Всегда буду служить тебе за это верой и правдой»...

Отец гостил всего несколько часов. С рассветом отправился в Ленинград. Вслед за ним, только не в этот огромный город, а на ближнюю станцию, откуда «пятьсот веселый» должен умчаться в глубь России, и они заспешили.

На станции скопилась огромная масса народа. Одни уже начали обживать в теплушках, другие только с подвод разгружаются, третьи о чем-то оживленно переговариваются между собой.

Подали паровоз. Какой-то старикашка кричит во всю хриплую глотку: «По вагонам!» А с другой, с хвостовой стороны состава, другой, куда тревожнее, голос: «Воздух! Самолеты! Немцы!»

Люди с ужасом бросаются врассыпную. Рев моторов, ржание лошадей, вопли людей. Мать подхватывает узелки со скарбом, согнувшись под их тяжестью, семенит по взлохмаченной колесами и гусеницами земле в сторону церквушки, увлекая за собой пацанов. Не отставайте, дети! «Господи Иисусе, спаси нас грешных»...

Между тем черные самолеты, не встревоженные ни единым выстрелом зениток, разворачиваясь, идут в пике. Будто коршуны на цыплят. Загрохотало. Земля заколотилась, как в предсмертных судорогах. Вздрыбилось, разлетается по сторонам все живое и неживое — дома, вагоны, шпалы, люди, лошади, машины. Рыдания. Зов к помощи. Заклинания. Если и существует преисподняя, так вот она. Опустили ее на землю крестокрылые.

Мать уложила ребятишек в канавку, сама наседкой сверху. Причитает, обращаясь к той же милости божьей.

Потом собирали раненых и хоронили убитых. Гадали, на чем теперь увезут в тыл оставшихся в живых. Кто-то дал команду: «Собратесь у пристани. У Финского залива!» Там-де посадят на пароход и отправят через Ленинград.

Отправят. Как бы не так! Теперь все окрест под оком фашистов. Чуть скопился народ — бьют напрапалую. И точно, едва прибыли на пристань, невесть откуда вынырнула стая самолетов. Да так «поработали», что все оказалось смешанным с землей. Хорошо, что ребята

попросились искупнуться. Удобное место выбрали — в стороне от пристани. То и спасло.

И тогда мать сказала:

- А будь что будет! Идемте, дети, до хаты.

Почти у самого дома несколько маленьких пушек — «сорокапятки», как потом узнает Николай. Возле них хлопочут бойцы. Уставшие, оборванные.

- Всем гражданским — в укрытие! — распорядился их командир. — Будем принимать бой.

Через час-другой батарея и впрямь открыла огонь. Выстрелы, что хлопки пастуха яловым кнутом в утреннюю тишину. Только погромче. Хлесть! Хлесть! А в ответ — ба-бах! И сорокапятка — вверх тор-машкой. Упали на сырую землю два бойца.

Потом на поселок накатилась тишина. Сменили ее лязг танков, треск мотоциклов, чужая речь. С опаской выбрались из щели. Вон они, благодетели! В темно-зеленых мундирах. Гуськом у походной кухни. Один, увидев пацанов, поманил пальцем: «Ком, русс!» Когда Колька приблизился, немец протянул ему кусок черствого хлеба со шпиком. И никак он теперь не мог понять: плакать или радоваться приходу этих людей.

Экий ты наивный, пацан Колька! Погоди, придет время — раску-сишь. На собственной шкуре испытаешь, что к чему. Тому голод поможет.

В доме, конечно, шаром покати. Ни крупинки, ни жиринки. Единственная надежда — поле, где остались необработанные посе-вы ржи, картофеля и овощей. Но ведь в поселке не одна семья Криковых. Очень скоро поля истощились. А есть так хочется. И вот однажды Колька решается на отчаянный шаг. Проследил, когда немецкий кашевар отлучится от кухни, и с двумя друзьями туда. Хватить пару буханок хлеба, и дай Бог ноги. К дому!

Вскоре явились два немца. В то самое время, когда компания изголодавшейся ребятни уплетала черствый, совсем не похожий по вкусу на наш, немецкий хлеб. Всех троих за шиворот. Потасили туда, к кухне. Теперь несдобровать. Немцы не прощают воровства.

Посоветовавшись о чем-то между собой, поскалили зубы, покачали головами. Приказывают: шагом марш туда, к стенке амбара. Сейчас вас, воришек, на тот свет отправлять будем...

- Дяденьки, мы больше не будем...

- Шнель, шнель!

Прибежала взволнованная мать — почуяло сердце неладное. Упала перед немцами на колени. Поклоны. «Будьте милостивы. Будьте перед Богом чистыми. Он у нас один на всех. Не губите детишек». Отталкивают. Мол, не мешай, знаем, как поступать.

У Кольки подкосились ноги. Норовит заорать благим матом, а не может: язык к небу прилип. Сейчас грянут выстрелы, мир в мгновение перевернется, и все трое уйдут в небытие. А жить так хочется. Пусть в голоде, пусть в холоде. Все равно хочется.

Раздалась автоматная очередь. На голову посыпались щепки от пересохшего сруба амбара. Колька закрыл глаза и упал на землю. Какой-то острый предмет больно уколол в живот. Это уже и есть тот, другой, свет? Что дальше?

А дальше было вот что. Подошел к пацанам один немец, поочередно дал каждому увесистого пинка в зад. Убирайтесь с глаз. Да и не вздумайте больше воровать. И хохочет — довольный такой вот акцией.

Проучили. На всю жизнь проучили.

А однажды в село нагрянули полицаи. Согнали почти всех на станцию, повезли сначала в крытых грузовиках, затем в теплушках куда-то в юго-западном направлении. Выгрузили на небольшой станции Опочки. Куда дальше? Никто не знает. Одни говорят: повезут в Восточную Пруссию работать на фермерских полях. Другие пугают концлагерем. Мол, того заслужили. Из каждой семьи кто-то ушел в Красную Армию.

Кому как, а Криковым на сей раз повезло. Матери удалось незаметно для конвоиров увести детей в поселок и спрятать в доме одной из местных жительниц. Потом, когда людей отправили куда-то дальше, они добрались до деревни Измалково. Тут живет одна из сестер матери. А в другой деревне — Чунеево — и брат ее. То-то при встрече было слез!

Дело в деревне для всех нашлось. Война войной, а жить-то надо.

Колька быстренько сдружился с конем-трудягой по кличке Челпап. На нем и снопы подвозил, и молотилку крутил, и погонял при вспашке зяби. Двоюродного брата Егора отвозил в лесной хуторок, к партизанам.

Позже Егор не однажды навевывался в деревню — продуктишек припасал. Один раз полицаи задержали. Убежал.

Как-то явились к ним в избу два полицаи. Пьяные. Едва на ногах держатся. С порога — к матери:

- Где Егор?

- Откуда мне знать?

Один из них замахивается на мать плетью. Но тут вынырнул из-за печи Колька и вцепился в занесенную руку. Тот пошатнулся, упал на лавку.

- Ах ты, бестия! — и схватился за карабин.

Но и Колька уже не тот. Жизнь кое-чему научила. В мгновение ока оказался на сеновале. Ногою отбросил на землю лестницу, а сам зарылся в сено. Раздалось несколько выстрелов. Пули, к счастью, прошли мимо.

- Потому что Господа молила, - скажет потом мать. - Смилоствовался...

Чунеево от других деревень отличалось связью с партизанами (отсюда даже староста ушел в лес). Однажды нагрянул сюда карательный отряд. Собрали почти всех. Увезли на какую-то станцию. Неделю две держали в холодных бараках за колючей проволокой. Позже судьба забросила к одному зажиточному фермеру в Латвии по фамилии Банч. О, у этого свои меры воздействия. Чуть допустил оплошность, такого подзатыльника получишь — на ногах не устоишь.

В сорок четвертом дорога увела в Польшу. Тоже в лагерь. Тут уж все было поставлено на нацистский лад. Молодая и очень симпатичная немка в форме офицера по очереди внимательно осматривала ребят. На братишке не задерживается: светлый - значит, славянин. Колька, хоть и от одной матери с ним, а уродился чернявым. Измеряет взглядом. Проводит ладонью по голове, лицу. Нет, не сюда. Марш вперед!

Три месяца держали в холодных бараках. О кормежке не спрашивайте. Утром — стакан кофе-эрзаца с маленьким кусочком хлеба. Обед — жиденькая похлебка на брюкве или свекле. Вечером — чай.

Были и лагеря Дахау, затем Розенгайме. Тут уж ребят использовали как полноценную рабочую силу. А место работы — деповские цеха. Выполняли простейшие слесарные операции, убирали стружку, другой мусор. И уже здесь жизнь снова была брошена на карту.

Был среди них отчаянный парень по кличке Пузо. Не проходило дня, чтобы он не выкинул какой-нибудь номер. На сей раз он решил насыпать в буксы стоящих рядом вагонов металлическую стружку. «Пускай разъедает ось. Может быть, где-нибудь на перегоне с рельсов сойдет». И надо же, кто-то из немецких рабочих заметил и сообщил об этом лагерному начальству. А тому ведь ничего не стоит пустить в расход нескольких русских пацанов. Может быть, именно

так и было бы, не налети в это время на город американские самолеты. Тут гитлеровцам не до сведения счетов. Самим бы остаться в живых.

В один из апрельских дней в городе поднялся невероятный переполох. Стрельба, крики. Депо опустело. Все куда-то бегут. Началось!

Неистово молится мать, забравшись на нары. Господи Иисусе, спаси наши души грешные... А, вон оно что. Подкатили к лагерным воротам два «виллиса». Немцы — не немцы. А, негры! Черномазые, с белозубыми улыбками до ушей. Американцы! Бегут навстречу узники, плачут и смеются, тянут к ним костлявые руки. Дорогие наши спасители...

В родном поселке, куда летом сорок пятого Криковы, наконец, вернулись, их, горемычных, ждал новый удар. Они узнали, что отец получил смертельное ранение и как герой похоронен с воинскими почестями где-то на подступах к Ленинграду. И тогда мать вся отдалась религии. Литературу распространяла. Людей к вере призывала. Ругала и Гитлера, и Сталина. И тогда районный прокурор взял да и пришел ей пятьдесят восьмую. Восемь лет присобачили. Ну, а детишки... Детишки разбрелись по родне. Ничего, теперь-то выдюжат. Школу прошли основательную.

Конечно, мать потом реабилитировали. Но разве от этого легче? Ушла из жизни раньше положенного.

Что до Николая, то его устроили в военное музыкальное училище, сформированное из малолеток — обездоленных детей войны. Потом было артучилище и многолетняя служба. Увольнение в связи с уходом на пенсию.

Продолжительное время Николай Кронидович Криков был военником автошколы ДОСААФ в Биробиджане.

ПОТОМОК МОНТЕ-КРИСТО

Григорий Павлович Луговой много лет прожил в Биробиджане и никогда раньше не бывал в Клину. Теперь, выйдя из вагона электрички и зашагав по неприметным улочкам, он с учащенным биением сердца прислушивался к дыханию этого подмосковного городка. Ему, унаследовавшему от родителей тягу к музыке, казалось, что все здесь продолжает напевать чарующие мелодии великого композитора. Дома, крыши домов, кроны деревьев, спешащие куда-то автомобили и тол-

пы людей — буквально все.

Но привела его сюда не любовь к музыке Чайковского. В Клину живет его фронтовой друг Михаил Тупичкин. Пожалуй, единственный из тех, кто еще не ушел. Кто знает, сколько им еще отмеряно? Миша в каждом письме просил: будешь в Белокаменной, заворачивай. Буду рад.

И вот случай подвернулся. Приехал Луговой в Москву погостить у старшей сестры и побывать на местах, где детство прошло. Решил заодно наведаться.

Понятно, восторги, крепкие объятия. Потом — стопка за стопкой. Расспросы, воспоминания...

- А ты помнишь, Гриша, как нас чуть ли не в день победы в Восточной Пруссии мина накрыла? — басит он.

Как же, помнит Григорий Павлович. Еще как помнит! Месяц после контузии ни говорить, ни слышать не мог. В медсанбате отхаживали.

А Михаилу хоть бы что. Если, конечно, не брать во внимание перекосившуюся на несколько дней и без того обезображенную фронтовым бытом физиономию да оторванный рукав гимнастерки.

Разумеется, многое из того, что когда-то встречалось на дорогах войны, давным-давно выветрилось из памяти. Наверняка не помнит Михаил о том, как после падения Берлина его дружок Гриша засобирался в Гамбург: «Дойду до самого высокого начальства, а побываю там». Зачем сдался ему этот Гамбург? О, это парадокс его персональной судьбы. Григорий взял гитару и запел своим хрипловатым голосом.

- Налей-ка, друг, по чарочке, по нашей фронтовой,.. — и подставил пустую рюмку. — Слушай, дружище, о чем мне отец поведал.

И начал рассказ...

- Выходит, в своих соплеменников палил. Ну и ну, - качает головой приятель. — Да еще с каким азартом палил.

Через сутки расстались в надежде на новую встречу. Теперь надо спешить — билет на самолет в кармане... Ничего, что многое осталось недоговоренным. В другой раз договорят. Жизнь-то продолжается...

Продолжается... Но вскоре не стало дружка. Уходят и его сверстники — самые молодые из фронтовиков. Да и от сестер давно нет вестей. Что-то не так. Неровен час, совсем надломится дерево и всего их рода. И решительно никого он уже не станет интересоваться.

А между тем судьба Луговых и впрямь интригующа и интересна.

Те, кто следит за еженедельником «Континент», наверняка обратили внимание на публикацию во втором номере газеты за 1998 год Натальи Васильевой из Санкт-Петербурга. В материале под заголовком «Русский Монте-Кристо» она рассказывает о представителях именной гамбургской династии фон Дервизов:

«Сто с лишним лет назад в России тоже были свои «новые русские» — активные субъекты капитализации пореформенной империи. Одним из них был Павел Григорьевич фон Дервиз, представитель именной гамбургской фамилии, которая еще со времен Петра III пустила корни в Петербурге и была ассимилирована им вместе со всем тем лучшим, что попадало в его открытые объятия из Европы». Именно благодаря усилиям Дервизов во многих российских городах появились дома, дворцы, школы. Они приобрели в собственность роскошный дворец на Английской набережной в северной столице (нынче Дворец бракосочетания). А деньги на его покупку сколотил один из представителей династии — Павел Григорьевич Дервиз. В Москве он получил концессию на строительство Рязано-Козловской железной дороги. Работы завершил в рекордно короткий срок — за год вместо трех лет, отсюда и деньги.

А сын его, Павел Павлович, развернул на Рязанщине благотворительность: открыл начальную школу, ставшую впоследствии женской гимназией. Сам же стал преподавать математику. Продолжал учительствовать и в советское время. У него, между прочим, учился математике и маршал Жуков. Именно Павел Павлович, окончательно обрусев, поменял свою немецкую фамилию Дервиз на русскую — Луговой («Дервиз» означает «луг»).

Павел Павлович также оставил после себя детей. Так вот, один из его отпрысков — Григорий Павлович — проживал в Биробиджане. Вот он, мой визави — Луговой-младший. А младшему-то, между прочим, восемьдесят. Седовлас, с лицом, обтянутым паутиной морщин. Задумчив и немногословен.

- Как у меня все вышло? — переспрашивает Григорий Павлович.
— Да так... Наверное, как и у всех моих сверстников...

Не любил человек вдаваться в подробности — что было, то было... Нет возврата к прошлому... Да и память притупляется. Разве вот только война... Сколько уж годов пролетело, а грохочет, буйствует пламенем в голове.

Ну, а если по строгому счету, то и до нее деньки случались солененькие. Однажды по чьему-то злomu навету в темень ночную увезли

на «черном воронке» мать — тоже учительницу. Ждал свой черед и отец. Как же! Немец — наверняка враг. К счастью, миновала чаша сия. И мать вскоре вернулась.

Мать недолго протянула. В начале войны, когда страна погрузилась в страшную нужду, не только фронт косил людей. Мать прямо увезли в больницу с инсультом и голодным обмороком. Вскоре и отец ушел. Все заботы легли на него, Григория. Изо всех сил тужился. За несколько фунтов черного хлебушка. От голода и изнурительной работы на привидение стал походить. Скорее б уж туда, на передовую. Да возьмут ли под ружье? Немец ведь.

Чудак человек! Да что, национальность у тебя на лбу написана? Скажешь в военкомате, если потребуются: русский.

Солдатом Григорий оказался что надо. Не жалел патронов, не дрожал от страха в минуты опасности. Ну, а если, случалось, выкраивалось «окошко» для отдыха, солдат Григорий Луговой непременно в центре круга. Как же! Музыкант! С жилкой актера.

В составе отдельного пулеметно-артиллерийского батальона прошагал дорогами Второго Белорусского фронта до Восточной Пруссии. Мечтал в Гамбурге побывать, хоть одним глазом взглянуть на родину предков. Да только не сбылось задуманное.

После войны другая жизнь. Началась она с общевоинского училища в Ленинграде. Но служил большей частью нестроевым командиром. Влекло свое, заветное: музыка, сценическое искусство. Словом, дни проходили в гарнизонных Домах культуры.

Позже была Высшая профсоюзная школа с профилем культурно-просветительной работы. Там он и познакомился с преподавателем Биробиджанского культпросветучилища Семеном Петровичем Большаном. Не мог тот нахвалиться своим городишком.

- Давай, - говорит, - Григорий, айда к нам. В нашем городе ой как нужны способные люди...

Так вот один из потомков фон Дервизов, которые так много сделали для России, оказался в Биробиджане. Кстати сказать, в его активе тоже немало добрых дел, не говоря уж о военных заслугах. Усилиями Лугового подготовлены десятки замечательных работников культуры. Сегодня он в них.

Публикация в «Континенте» разбередила душу Григория Павловича.

- Надо б наведаться в те места, где прошли детство, юность, побывать на могиле фронтowego друга, - говорит. — Ну и, конечно, на

Гамбург поглядеть...

Да только не осуществиться задумке — жизнь-то коротка.

Впрочем, может случиться, вскоре и совсем угаснет род Дервизов-Луговых. Но по большому счету - не угаснет. Ведь сколько недвижимости оставили они, скольких людей воспитали!

ОКОПНОЕ БРАТСТВО

Встретить на передовой знакомого человека — редкость и большая радость. Потому-то, когда прибывает новое пополнение, окопная братия выползает из траншей. Слышатся голоса:

- Земляки, отзовитесь! С Амура есть? А из Томска? А из Узбекистана? Може, хто з Полтавщины е?

Нет... Из Рязани есть, из Свердловска и из Татарии тоже. А из названных мест — никого. Был, правда, в окопавшейся рядом роте паренек. Томич. Да вот незадача — похоронили вчера. Под прицел гитлеровского снайпера угодил.

Между тем, случалось и такое...

Это уже после победных залпов было. Эшелон вез демобилизованных воинов из Германии на Дальний Восток. К Чите поезд основательно опустел, и военная комендатура совместно с железнодорожным начальством решила снять оставшихся фронтовиков, а дальше, в родные края, отправить их уже маршрутными пассажирскими поездами.

У билетной кассы образовалась очередь за оформлением проезда до родных мест.

- До Биробиджана, - протягивает кассиру нужные документы сухопарый рыжеголовый сержант.

- Фамилия?

- Шаламов. Петр Никитич...

Чуть в сторонке стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу в ожидании очереди, другой сержант. Только чернявый и смуглолицый. Услышав из уст рыжего про Биробиджан, подошел к нему, улыбнулся.

- Земляк! Я тоже из Биробиджана! Коник моя фамилия. Наум. Може, слышал?

- Что-то припоминается... — и в свою очередь спросил:

- А ты на каком фронте, в каких частях служил?

- Фронтов много прошел, - сказал Наум. — А в части — в одной. Может, пришлось встречать Шестнадцатую артиллерийскую дивизию резерва Главного командования?

- Так я ж тоже в ней служил! — оживился Петя. — В двести двадцатом полку.

- А я — в двести двадцать восьмом...

Совсем рядом шагали два молодых паренька из такого же молодого в ту пору городка, что раскинулся на берегах студеной Биры, по фронтовым дорогам, ничего друг о друге не ведая. Потом, под стук вагонных колес, а затем за десятилетия освященной фронтовым братством дружбы они вдосталь наговорятся об окопном житье-бытье и постараются поименно вспомнить собратьев по оружию, навеки оставшихся почивать в земле-матушке.

А они, судьбы солдатские, просто как две капли воды. До того схожи.

...Оба голоштанными пацанами бегали по неказистым улицам родного городка и по берегам реки, ходили в школу, а затем, в начале войны, подростками маханули в ФЗО. По окончании их, «фазанов», разослали по Дальнему Востоку. Всюду в ту пору нужны были рабочие руки. Даже если они еще неокрепшие, хилые.

Петька Шаламов попал на строительство «Амурстали», в город Комсомольск-на-Амуре, а Наум — на один из заводов Владивостока. Безропотно вкалывали, постепенно мужая, набираясь сил и опыта.

Когда подошла очередь призыва парней рождения двадцать четвертого года, отправились в военкоматы. Везли их на запад в одном эшелоне. В одном лагере под Челябинском томились в ожидании распределения по «хозяйствам», как в ту пору называли воинские части и подразделения. Попали земляки также в одну артдивизию — 16-ю. Только в полки разные.

На формировке, далеко от передовой, солдаты горланили о дивизии лихие, прославляющие ее песни, сочиненные доморощенными поэтами и композиторами. Да только сама дивизия вряд ли в ту пору того заслуживала. Это потом, когда обзаведется она новейшей боевой техникой и наберется опыта, станет мобильной и менее уязвимой, о ней все чаще станут упоминать в сводках Информбюро как об отличившейся в сражениях. А пока Шестнадцатой крепко перепало на ударных фронтовых направлениях, куда ее бросали. Орудия, особенно тяжелые, были прямо-таки допотопными. А тяга, тяга... Трактора марки «кэтерпиллер» американского производства. Для возделывания

российских хлебных нив и то годятся, считай, условно. Черепахи — и только. А тут ведь фронт. Оперативность на нем — фактор решающий. Но попробуй-ка развернись с такой техникой!

Боевое крещение новобранцы наши получили на Брянском фронте, куда бросили 16-ю для поддержки наступающих общевойсковых соединений. Жуткая то была школа! Век помнить будешь. Представьте только. Кругом болота. Дороги на многих участках устланы бревнами, которые никак не выдерживают огромной тяжести движущегося металла. Проваливаются. Тогда застрявшие машины берутся танками на буксир, поднимаются вагами под крики испачканных грязью солдат.

А немец знай себе лупит. Из дальнобойных, из минометов и гаубиц, с брешущего и пикирующего — с небес. И, глядь, уже полегли десятки, а может, и сотни солдат-пехотинцев. Большею частью — необстрелянных. Только орудия оставались живыми. Каждую минуту, сотрясая землю и оглушая все окрест невообразимым грохотом, они начинали обрабатывать огнем сопредельную сторону передовой. Пехота поднималась, устремлялась вперед. А вслед за нею поднимались и выжившие артиллеристы. Таким было солдатское крещение в болотной купели...

Но дивизия крепла, оснащалась новой техникой, становилась надежной опорой общевойсковых соединений. Ее бросали на самые трудные участки прорыва вражеской обороны. Любой приказ выполнялся с честью. Свидетельство тому — многочисленные благодарности личному составу от Верховного Главнокомандующего. Всего их двадцать. За освобождение Белграда... Харькова... Полтавы... Кировограда... Звенигорода... Затем венгерских, румынских, австрийских городов...

Ну, а что они, земляки — Шаламов с Коником? Тоже воевали. Воевали как надо. На груди Петра, к примеру, ордена Отечественной войны, Красной звезды, Славы 3-й степени, медаль «За отвагу», множество других наград. Да и Науму Коннику есть чем похвалиться. Только две медали «За отвагу» что значат!

За что же удостоены таких наград рядовые воины? Обо всем и не рассказать. У каждого целая повесть получится...

- Ну, вот только в нескольких словах о звездочке вот этой... - вспоминая, морщит лоб Петр Никитович. — Однажды, перед прорывом вражеской обороны, меня, бойца взвода управления полка, командир посылает на нейтралку — за добычей разведанных. И гово-

рит: «Не можешь — скажи сразу. Другого направим».

Понимаю, вылазка рисковая. Но война есть война. Всегда так на ней: либо грудь в крестах, либо голова в кустах...

Выполз под покровом темноты на нейтральную полосу к зарослям бурьяна и пролежал там под перекрестным огнем до вечерних сумерек. Засек-таки огневые точки! Это здорово помогло нашему командованию. Ну а мне — звездочка... Вот так.

Петр и Наум крепко сдружились. Ни одного праздника друг без друга. Оно и понятно: нет на свете ничего прочнее окопного братства.

Конечно же, у каждого из них есть еще друзья-товарищи, с которыми шагали по дорогам войны. Вот и сравнительно недавно Петр Никитович ездил в гости к однополчанину в Абакан — хакасу по национальности. Сколько радости, веселья и воспоминаний было!

СВОЕЮ ДОРОГОЙ

Петр Трофимович Решетнев из тех, кто не хватал звезд с неба и не загадывал дорогу к удаче. Как и все вокруг, жил, работал, топтал землю, не помышляя ни о славе, ни о собственном благополучии. Судьба-злодейка, она туго знает дело. По-умному распорядится, коль понадобится. И распорядилась.

Осиротел мальцом. Точнее, родители осиротили. Разошлись. Разъехались в разные стороны, оставив непоседу Петьку на попечение бабушки.

А бабушка, она и есть бабушка. Догляд не тот, что отцовский. Слава Богу, и сытым, и одетым был. Пока жила бабушка. А умерла, и все словно перевернулось. Хлеба, и того не стало. Что ж делать?

Сидит Петька на брошенном в траве ржавом рельсе, обхватив руками худые коленки. Соображает, как жить дальше? Глядит, дружок Серезка — тоже такой же, как и он, бедолага, появился.

- Ты чего скрючился? — спрашивает.

- Жрать хочу...

- Ну, это поправимо, - успокоил дружок, уже успевший познать прелести сиротской жизни.

И правда, начистил картошки, заправил лучком. Получилось не хуже, чем у взрослых. А когда насытились, Петька сказал:

- Чё это мы тут, в Беларуси, небо коптим? Давай на Дальний

Восток или в Сибирь рванем. Там, говорят, интересная житуха...

И махнули. Добрались до Новосибирска. Тут дороги друзей разошлись. Что до Петра, то он в авиашколу записался. Уж так хотелось полетать в небе.

Но это ведь только с земли красиво глядеть на самолеты. А каково им, летчикам? Скажем, такая деталь. Каждый из экипажа обязан владеть парашютом. Конечно, стремился обучиться этому и он, Петяка. При очередных учениях сбросили с пятикилометровой высоты. И надо же случиться... Запутались стропы. Купол полностью не раскрылся, и его камнем понесло к земле. «Ну, все. Прощайте, родные, прощайте, друзья». Уже закрыл глаза. Приготовился.

Спасибо Фортуне. Поспешила на выручку. Откуда ни возьмись вихрь. Его, как пушинку, начало кидать из стороны в сторону и неудержимо понесло к широкой Оби.

Плюхнулся чуть ли не в середину реки. Но дежурный катер успел подойти ко времени и поднять на борт почти безжизненного Петра.

Но окончательную точку в его авиационной карьере поставил неудачный тренировочный полет. Что-то он сделал не так, и легкий спортивный самолет вошел в штопор. Только ценой невероятных усилий инструктору удалось выровнять машину. Уже на земле инструктор крепко выругался и сказал, что таких курсантов надо гнать в три шеи с аэродрома.

Вот так, волею судьбы пришлось Петру переквалифицироваться. Пошел на киномеханика учиться. А когда закончил курсы, в Читинскую область направили.

Весть о войне — как обухом по голове. Но что делать? Надо воевать, коль враг на страну напал. В военкомат! От ворот — поворот. «Не дорос», — говорят. Повременил с полгода — вновь туда. Нет. Еще не подошел срок. Решил соврать на целый лишний год. Взяли. Хотя и глядеть-то не на что. Борода бритвы не видела. Один чуть заметный пушок. Какой из него вояка?!

А судьба не спрашивала. Кидала солдата, куда только ей вздумается. В самое пекло кидала. Сначала — полковая школа в городе Свободном. Затем — центральный фронт. Курская дуга... Пошли ранения одно за другим. Левая, правая рука. Контузия. Многомесячные лечения в госпиталях. Снова передовая... Потом так шибануло, что коммисовали по чистой.

Это на Смоленщине было. Несколько раз бросали их батальон на немецкую оборону, и каждый раз противник с невероятной легкос-

тью отшвыривал батальон назад. Потому что там, на сопредельной стороне, был хорошо оборудованный дот. Из него просматривалась местность, несколько пулеметов клали на землю нашу пехоту, едва она выдвигалась цепью на нейтральную полосу. А приказ высшего командования один: во что бы то ни стало овладеть обороной противника. Видимо, этот участок представлял стратегический интерес.

И тогда вызывает ротный старшего сержанта Решетнева.

- Ты, - говорит, - стреляный волк. Так вот, отбери несколько надежных хлопцев. Ночью пойдете взрывать немецкий дот. Такой приказ командира батальона.

Отобрал четверых. Запаслись толлом, гранатами, бикфордовым шнуром. И вперед — в кромешную темноту! Скрытно, по-пластунски, утюжа животами стылую землю.

А немцы пуляют в небо ракеты, освещая передний край. При вспышке каждой солдаты затаиваются. Едва угасает — броском к доту. Уж он совсем близко. Возвышается над травянистой балкой. Скорее, скорее!

Вон двое из группы, рядом. Удастся ли подтащить к амбразуре взрывчатку? Нет, не получится. Вплотную никак не подползти. Обнаружат. Надо гранатами, гранатами... Едва подумал — взрыв прогремел и в самом деле. Потом еще, еще. Теперь, как говорится, дай Бог силенок. Надо ретироваться. А немцы такой огонь открыли - не укрыться ничему живому.

Ну и наши со всех стволов ударили. Потом и танки подошли.

Вот в эти самые минуты и хлестнуло по старшему сержанту Решетневу в третий раз. Разрывная пуля распоролла тело от плеча до самой поясницы. Несколько осколков даже в легкое проникло. Теперь уж надолго в госпиталь. Теперь отвоевался.

Вернулся в Тынду. Вновь за прежнее дело — крутить кино. Подоспело время — семьей обзавелся. Новое место жительства определил. Им стала наша область, которая после войны стала шире расправлять плечи. Приехал в Теплоозерск, где начали закладывать крупный цементный завод.

О том, куда приложить руки, думал недолго. Освоил ремесло автокрановщика. Правда, пришлось и тут пойти на обман — скрыть тяжелое ранение. Иначе б не допустили к работе на мощной технике. А семью-то надо кормить. Впрочем, в здоровье его никто и не усомнился. Считаю, несколько десятилетий на стройке — сначала заводских корпусов, жилья — и ни одного срыва. Самые сложные работы

доверяли. Если и суждено было родиться поселку цементников, так это благодаря таким вот, как он, мастеровым, горячим до работы людям.

Много лет Петр Трофимович отдал и Биробиджану.

СКВОЗЬ ОГОНЬ И ГРАД СВИНЦОВЫЙ

Когда-то в поисках лучшей доли переселился алтайский мужик Никита Конарев вместе с женой и тремя сыновьями — Василием, Владимиром и младшим Николаем сюда, в Приамурье, а точнее, в поселок Биракан.

Как кому, а хлопцам по душе пришелся поселок. Не вдруг сыщешь такой. Там, внизу, в распадке беснуется таежная река с царской рыбой - хариусом, водятся ленок, таймень. А кругом дремучая тайга, очень богатая грибами, орехом, ягодой. И, конечно, зверьем. Ее не обойти, не охватить взором.

Но главное все же — юность бесшабашная, с мечтами о дальних странствиях, о невиданных приключениях. С пробудившимися прекрасными чувствами.

Теперь Василий Никитович и сам не может объяснить, почему, под воздействием какой невидимой силы он всегда оказывался рядом с глазастой, темноволосой и непоседливой хохотуньей по имени Фаня Филькинштейн. Почему-то, когда Васькин взор касался этой хрупкой, облаченной в стираное-перестиранное ситцевое платье, фигурки, в горле у него пересыхало. Он останавливался, будто завороченный, говорил невпопад и краснел.

- Боже мой! До чего же она красивая! И учится на отлично. Каким же станет счастливым человек, с которым Фаинка согласится пойти по жизни!

Так уж распорядилась природа: девчонки взрослеют раньше ребят. Фаина чувствовала безоглядную привязанность к ней Васьки Конарева. Нередко подшучивала над ним, пыталась «поводить» за нос. Мол, не надейся, не продешевлю. Вон сколько пацанов смотрят на мою сторону. А в душе все же другое. Васька — пацан тоже не лыком шитый. Смазливый на мордочку. А главное, не из робкого десятка. Умеет, при случае, постоять за себя. На макушку кедра росомахой взберется. В работе молодец. Хоть за плуг станет, хоть за косу возьмет-

ся. Любое дело получается ладно, с толком. А крестьянская хватка очень ценится в поселке.

Время немного обтесало их, научило понимать с полуслова, чуть ли не по-взрослому рассуждать о будущем. Вот только дорог своих пока не определили. Не беда! Закончат десятилетку, тогда. Все будет потом. А пока, ребятня, наслаждайся молодостью и дружбой, зеленою тайгой, говорливой рекой, стремительно несущей чистейшие воды к морям-океанам!

Гурьбою почти всем классом с шутками и хохотом шагают со стороны школы, выстреливая незамысловатыми башмаками фонтанчики дорожной пыли. И вдруг затихают. Что это там за толпа у поселкового Совета? Хоронят кого? Нет, не хоронят. Народ радиорупор окружил. Москву слушает: «Вероломно, без объявления войны фашистская Германия напала на нашу страну»...

Тут же, у поссовета, стали записывать добровольцев на фронт. Конечно, многие и из этих безусых парней пошли бы. А что, разве мало в гражданскую ребятню воевало? Не записывают. Черед не пришел. Годами малы сражаться с гитлеровцами. Без них управятся. Дайте только срок.

Зато в ФЗО старшекласников, не спросясь, забрали. Что до Васьки, то он на обоззавод попал, токарному делу обучаться. Ремесло новое. Но далось оно ему как-то легко, без особых усилий. Через каких-то три-четыре месяца наравне с заправским токарем мог деталь обработать. Ну, а мины точить мог с закрытыми глазами.

Может, чтобы быть ближе к Василию, сюда, в город, перебралась и Фаина. Стала учиться в железнодорожном училище. Он часто встречался с нею и, конечно же, видел, какие вдруг произошли в ней перемены. Красивое лицо повзросло. Оно стало задумчивым и немного грустным. В рассуждениях нетороплива. Как мать.

Идя на свидание, он непременно завертывал в бумагу кусочки сэкономленного от рабочего пайка хлеба и сахара, угощал подругу.

- Что ты! Что ты, Вася! — пыталась отмахнуться Фаина, - подкрепляйся сам.

- Да я сыт. Ей-Богу, сыт, - врал Вася. Потому что видел: уж очень голодно живут студенты.

Радио и газеты приносили с фронтов тревожные вести. Гитлеровцы недалеко от Москвы, у Ленинграда, на Кавказе, под Сталинградом. Вот-вот пересекут Волгу, и тогда может случиться непоправимое. Как же так? Столько шумели о железных границах, о несокру-

шимости Красной Армии! И вот такое... Кто виноват? И сумеет ли страна собрать такие силы, чтобы одолеть лютого врага? Скорее бы на фронт! Скорее бы за оружие! Многие жили в ту пору такими мыслями. Ну, а мальчишки, пожалуй, все.

Глупые, наивные... Эх, кабы они воочию могли представить, что в самом деле таится за страшным словом война. Никакое кино, никакая книга не воссоздадут ее истинную картину. Но что поделать. Такая уж натура мальчишки: скорее в неведомое! Туда, где гремит и полыхает!

Что касается Василя, то его черед подошел как-то незаметно, быстро.

Проводы были скромные. Собрались друзья, соседи. Пропустили, как водится, по чарочке. Ну, а потом чуть ли не до рассвета с Фаней о чем только не говорили! Но, пожалуй, больше волновало неведомое послевоенное время. Вот, наверное, заживем!

Он глядит в ее красивое лицо.

- Будешь ждать?

- Как же! Как же! Только возвращайся, пожалуйста, целым и невредимым...

- Постараюсь... — И немного помолчав, уже высокопарно. Как в школе учили:

- В конце концов, человек творец своего счастья...

Не понимал одного: солдат в данном случае не в счет. Уж с ним-то судьба не станет церемониться. Как заблагорассудится, так и обойдется с солдатом.

Здесь, в Биробиджане, скомплектовали группу из таких вот, как он сам, относительно грамотных молодых парней, и — в Комсомольск-на-Амуре.

А там — в военное училище: срочно нужны командиры. Вон как поредели кадры.

Но до звездочек так и не довелось дотянуть. Однажды училище подняли по тревоге, погрузили в теплушки — и вперед, на запад. Воинским составам всегда зеленый свет. Там, на западе, ждут не дождутся пополнения потрепанные соединения и части. Да еще такое вышколенное, как курсантское.

Определили в минометную роту 242-го пехотного полка 75-й Гвардейской дивизии. Участок — сущее пекло. Да, да. Кто побывал на Курской дуге, тот знает. Тот такого лиха хлебнул, что до последних дней будет во сне вздрагивать.

Сначала вроде бы еще и ничего: оборона не наступление, когда надо во весь рост тараном на град свинцовый. И когда косит солдат, будто траву острая литовка. Тут все же обжитые окопы – с печурками, с соломой на дне и хорошо замаскированным бруствером. А чуть впереди – огневые позиции. Стоят, задрав кверху черные стволы-хоботы 82-миллиметровые минометы. Стоят тихо, будто уставшие. Ждут часа.

Ротный в сопровождении командира взвода подвел Конарева к одному из минометов.

- Этот твой. Береги пуще мамы родной. И за бойцами чтобы глаз да глаз. Солдат должен быть всегда сытым, здоровым и с приподнятым настроением... Понял?

Короче, назначили Василия командиром расчета. Препрежний третьего дня погиб. Подходящего не подыскали. Может, новичок потянет? Все же на офицера учили.

Чего уж тут. В глубине души он гордился доверием. Не лишен самолюбия. Завтра же напишет письмо Фане и сообщит ей: вот какой я. На самой передовой доверили людьми командовать. Правда, только расчетом. Но все еще впереди. До Берлина далеко...

Мало-помалу он входил в новую роль. Знакомился поближе с людьми, старался привести в порядок оружие, обмундирование солдат, вживался в быт фронтовика.

Между тем, по всему чувствовалось: на этом участке передовой линии что-то назревало. Все чаще, в основном в ночное время, стали появляться люди из высшего комсостава. Уходили за передовую разведчики. Да и немецкие лазутчики нередко шквалили на нашей стороне. Случалось, какая-либо из сопредельных сторон из всех видов оружия открывала шквальный огонь. И чем дальше в лето, тем чаще.

А однажды гитлеровцы на полном серьезе решили испытать прочность обороны на этом участке. Обрушили огонь из артиллерии, «ванюш», танков. Одновременно в небе появились «мессеры». Осыпают трассирующими нашу пехоту. Потом и черные дымящие колобки танков показались из-за увала. Мир вдруг перевернулся и предстал перед Василием самой отвратительной стороной. Грохот, дым, пыль. Тошнотворный «букет» запахов сгоревшего тола и лошадиных трупов. Вот когда потребовалась «работа» минометов артиллерийских батарей – всех огневых средств нашей обороны.

А с замутненного неба – листопад. Это «мессеры» вперемешку с

очередями из крупнокалиберных пулеметов осыпают нашу сторону листовками: «Рус, сдавайся!»

Как бы не так! Тащат и тащат из укрытия Васины ребята все новые порции мин. «Огонь! Еще огонь!» После каждого выстрела ствол лихорадочно вздрагивает. Опорная плита все глубже уходит в песчаную землю.

С правой стороны, примерно метрах в шестистах от роты, показались два немецких танка. Значит, прорвались. Это уже страшно. Вот эти самые окопы, в которых ещё совсем недавно братва травила анекдоты, сейчас могут превратиться в их могилы.

Прижавшись грудью к сыпучему брустверу, Василий жадно вглядывается в поле с прошлогодней стерней, постепенно превращающееся в крошечный ад, пытается определить: что же там происходит.

Все как на войне. Справа, ближе к дороге, охвачен черным пламенем не то танк, не то грузовик. Двое солдат, согнувшись в три погибели, волокут в сторону разбитого хуторка верного друга — «максимку». Там, на новой позиции, можно поудобнее пристроиться с этим неуклюжим и тяжелым русским пулеметом. А на левом фланге разгудывает вражеский танк. Посылает куда-то короткие и длинные очереди, палит из пушки.

Вот он выбирается из ложбины и поворачивается лобовой броней в их сторону. Неужели засек? Чего уж тут гадать? Конечно, засек. Сверкнул впереди ствола язык пламени, и метрах в пятидесяти от позиции шарахнул снаряд, с визгом разбросав по сторонам массу осколков. В окоп, в укрытие!

Он приподнимается над бруствером, чтобы сделать прыжок ближе к орудию, к ребятам. Но тут новый взрыв, и его волною отбросило шагов на пять в сторону. «Что со мною? Где те трое, что «работали» у миномета? И сам миномет где? А, вон он, родимый. А ребята, ребята... Боже мой! Кусками их пораскидало вокруг».

Василий пытается подняться. Не тут-то было! Нога подвернулась, и он, обессиленный, шлепнулся на землю. И только теперь ощутил жгучую боль в голени. Попробовал дотронуться рукой — кровавая мокрота. Как же теперь с такой ногой? И он жалобно произнес, скорее, застонал:

- По-мо-гите...

Ну да, жди — помогут, когда вражьи танки утюжат наш передний край...

Очнулся в блиндаже. С тугим жгутом на занемевшей, с запекшейся кровью ноге. Значит, повезло. Атаку немцев, как узнал позже, отбили подошедшие наши танки. Живой. Пока, во всяком случае. Вон те двое, что лежат на подстилке из сосновых лапок и тоже, надо полагать, бывшие раненые, не дотянули до эвакуации. Уже задубели. А он жив. Скорее бы только в госпиталь!

В медсанбат доставили с большим запозданием, и это определило его дальнейшую судьбу. Врач, оглядев рану, спросил:

- Сколько тебе лет, солдатик?

- Девятнадцатый. А что?

- Да так, ничего...

- Нет, вы что-то недоговариваете, - волновался Василий, и его беспокойство оказалось не напрасным. Врач без труда определил: началась гангрена и, если не удалить ногу выше колена, исход может оказаться трагическим.

- Ничего, все обойдется, - сказал доктор. - Надо только собраться с силами...

Ногу ампутировали. Прямо здесь, в медсанбате. Почти в полевых условиях.

Ну, вот и отвоевался российский солдат Василий Конарев. Какой же ты успел внести вклад в победу над врагом за эти несколько месяцев пребывания на фронте? Да почти никакой.

Потом были волжский город Самара, госпиталь, новая операция. И первое после долгого молчания письмо на родину, Фане. Где найти слова, чтобы все как надо объяснить? «А может, ничего объяснять и не надо. Все равно счастье упорхнуло. Фая красивая, здоровая, жизнерадостная девушка. Отбоя от ухажеров нет. Выберет по себе. Зачем ей калека? И как это меня угораздило выползти на бруствер. Лучше бы заодно с теми...»

Известное дело, дома встретили со слезами. Фаня тоже. Всхлипывая, вытирая платком с румяных щек слезы, она что-то рассказывала, а он сидел молча, глядя отрешенными глазами вдаль и думая о чем-то своем.

- Вот, скоро госэкзамены, решай...

- Что решать? - недоверчиво спросил Василий.

- Как что? Мы же, помнишь, дали друг другу обещания...

- Зачем я тебе такой? Чтобы потом выгнать?

И тогда он услышал от Фани резкое, но такое желанное:

- Да как же ты можешь, дурачок, подумать такое? Разве в этом

твоя вина? Или, может быть, ты по пьянке отморозил ногу? Эх, а еще расчетом командовать доверили...

Свадьба, правда, скромная, быстротечная, совпала с Днем Победы. Обменялись колечками, выпили вместе со всеми по задравной чарочке. По случаю обручения и обоюдных дней рождения - за себя, за родных. Ну и, конечно, за тех, кто не вернулся с полей брани.

И стали они жить-поживать, работать, детей да внуков растить.

Конечно, всяко приходилось. Работал Василий Никитович на самых разных участках. Был инспектором райфо, председателем поселкового Совета. Хлебозаводу пятнадцать лет отдал. Да и Фаине Гавриловне нелегко приходилось. Тоже ведь работала. К тому же домашние дела. Тяготы делили поровну. И ни одного худого слова друг другу. Рука об руку прошли через годы.

Подшучивали при случае.

- Это, понимаете, супруга попалась такая...

Улыбается в ответ. Даже изрезанное морщинками лицо ее не утратило былой красоты. Глаза крупные, с поволокой. Уголки губ чуть вздернуты вверх. И даже, кажется при свете электролампы, на щеках сохранился румянец.

- Что ты такое говоришь, Вася? Знаешь ведь, я тоже не сахар. Это ты мастер ладить...

Помолчав, предлагает:

- Давайте лучше чайку попьем...

ТЯГАЧ СЛУЖИЛ ИСПРАВНО

Полунин не удался ростом и за это в пору молодости частенько корил собственную судьбу, с завистью глядя на статных и крепких телом однокашников. А напрасно! Природа так устроена, что в ней, в конце концов, все уравновешивается. Недостаток одного компенсируется другим.

Что касается Полунина, то для него это «другое», пожалуй, проявилось в тяге к познаниям, в стремлении превзойти себя в работе. Не случайно уже в юные годы в родном селе Благословенном увидели в нем незаурядного тракториста и даже механика. За что ни возьмется – спорится дело.

Пришло время – гнездышко свил. Супруга троих детишек родила. Конечно, хлопоты по дому, радужные планы. Ох, и заживет Петро

Полунин! Дайте только срок.

А тут война. Слезы расставания. Напутствия. Ну, конечно же, постарается и на солдатской службе не подкачать. Но это ведь только сказать легко. А как-то приходилось на самом деле?

Приезжает однажды в их запасной полк один майор отбирать солдат в тяжелую артиллерию. Построили роту. Офицер идет вдоль строя. Самых здоровых высматривает. А Петру так хочется туда. А он - на левом фланге; на него ноль внимания. Полунин на носочки - норovit показаться ростом повыше.

Майор разгадал проделку. Улыбается.

- Нам сильные мужики нужны. - И помолчав, спросил:

- Гражданская специальность?

- Сельский механизатор, товарищ майор.

- Ладно, такие нужны.

Когда прибыли на фронт в артиллерийскую часть, Полунина определили водителем огромного американского дизельного тягача. Конечно, в душе Петр гордился таким доверием. Только вот незадача - тягач оказался неисправным. А ведь, по всей вероятности, скоро наступление. Материальная часть во что бы то ни стало в срочном порядке должна быть приведена в боевую готовность.

Что делать? Отправлять в мастерские в тыл?

- Разрешите, я на месте попробую, - сказал он командиру батареи.

И взялся. Правда, при поддержке ребят из расчета. Несколько суток возился с машиной, ворча на союзников. То одно ему не нравилось в конструкции, то другое. Клепал, варил, подтягивал гайки, огораживал защитными листами кабину. Чтобы от осколков и пуль хранили.

Опробовали в действии. Заработал тягач. Ну, теперь берегись, фашист! Теперь никакой серый волк не страшен.

...Много с тех пор одолел фронтовых дорог. Всякое случалось на них. Был под бомбежками и под обстрелами из танков. Уйма меток осталась на машине от снарядов и бомб. Ну, а сколько они, артиллеристы, послали на врага тяжелых 220-килограммовых снарядов?! Не счесть! И ни разу тягач Полунина не подвел. Знать, не случайно незаметный росточком, но смекалистый и отважный солдат Петр Полунин удостоен высоких правительственных наград - орденов Красной Звезды, Отечественной войны, медалей.

В мирные годы он был шофером в областном центре, рабочим ТЭЦ. Трудились что надо. Никто не мог упрекнуть.

ЧУЖАЯ ФАМИЛИЯ

Так повелось: редакционные кабинеты редко пустуют. К журналистам-газетчикам постоянно идут люди. С жалобами, просьбами. А бывает, с исповедями. Да такими порой невероятными.

Вот одна из них.

- Что привело в редакцию? — переспрашивает он и задумывается. Вижу, глаза влажнеют, впалые щеки на иссушенном годами смуглом лице подергиваются в нервном тике. — Понимаете, решил к старости вновь обрести отцовское имя. Вот и документы собрал. А городские власти, понимаете, волюнку тянут. Заведующая ЗАГСом в суд отсылает. Там обратно — в ЗАГС. Теперь вот к прокурору. Не знаю, как и быть дальше.

Человек протягивает кипу бумаг. Каких только нет! Письма, свидетельство о рождении, паспорт, военный билет, справки различных учреждений, трудовая книжка, фотографии молодцеватого парняги с тугими бицепсами, резвящегося в речной полынье...

- Поглядите — все поймете...

Руку обжигает попавшийся первым документ. «Рядовой Виктор Семенович Соснин 29 апреля 1944 года в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб. Похоронен на кладбище села Мальничувка Обертынского района Станиславской области».

- Вы и есть тот самый Соснин Виктор Семенович?

Сдается, и не услышал вопроса. Потом проговорил:

- Моя, вернее — отцовская фамилия значится и на обелиске славы в родном городе.

Я повторил вопрос, и он кивнул головой:

- Ага, он самый... Но я и Виктор Семенович Сорока. И еще «бульдозером» звали. Давно это было, правда.

- Расскажите обо всем сами, если можете.

- С тех пор минули многие десятки лет. Но никто никогда не услышал от меня ни слова об этой истории. Ни жена, ни сын, ни отец, ни друзья. Жил втихомолку. Работал — не ленился. А могу многое. Часы, магнитофон или пианино починить — для меня пустячное дело. Уважают, в гости кличут. На пенсию проводили с цветами и подарками. Деньжата водятся. Вроде бы и обижаться не на что. Живи — не тужи. А ведь поди ты, чем дальше, тем теснее сердечку. Затребовала душа очищения! Может, конец забрезжил? Свою-то могилушку не

обмануть, не обойти сторонкой.

...С чего началось? Пожалуй, с этой похоронки. Но и до нее была жизнь. Была хорошая, уважаемая семья. Мать с отцом – учителя в черемуховой деревушке на берегу Зеи. Сестренка Аня и братишка Слава. Переселение в город на Амуре. Песни про мудрого вождя и боевого наркомма. Про «ежовые» рукавицы, что так цепко схватили за горло врага народа.

Не думал – не гадал, что эта самая рукавица со страшными иглами и алой звездой на отвороте вдруг с такой жестокостью схватит за шею отца родного. Человека высокоидейного, до печенок преданного вождю и революции. Подкатил «воронки» темной ночью, увез отца... Лишь девять месяцев спустя объявился. Бледный, исхудавший, медлительный. Известное дело, сыновья с расспросами. В ответ угрюмое молчание. Да тяжелый взгляд потускневших глаз.

Раскрылся нескоро. Лишь когда провожали Виктора на срочную.

- Пытались сделать из меня атамана повстанческого отряда казаков. Голодом и побоями добивались признания. Устоял, слава Богу. Вот выпустили...

С другими похуже, как в воду канули. Теперь-то мы знаем, что это были за враги. Ну, да уж ладно. Что было, то было. Дни – студень и знойные – продолжали катить колесницу жизни все дальше вперед. Много встречалось на пути, да со временем зарастало бльем. Лишь это надежно хранит память.

И сегодня звучит в ушах команда взводного:

- Боец Соснин – в маршевую роту!
- Есть в маршевую.

А к вечеру, натруженно пыхтя и лязгая буферами, поезд тронулся от станции Биробиджан (здесь Соснин проходил довоенную службу) в западном направлении. Увезил молодых солдат, чтобы пополнить ими поредевшие ряды фронтовых дивизий.

Каждого из них судьба наделила определенным жребием. Как у поэта. Помните? «Кому орден, кому слава, кому темная вода»... Что до Виктора, то на его долю выпало такое, что и впрямь не позавидуешь. Одно слово «Тамань» что значит. Кому суждено было пройти теми дорогами, помнят, с какой яростью сопротивлялся враг. Ведь уходят Кавказ, Крым. А заодно рушатся бастионы на других фронтах.

Долго сидели в обороне. Ждали – голодные, простуженные, овшивленные. Ждали. И вот приказ: даешь Тамань! А силы-то нерав-

ные. Не успели накопить. После жиденкой артподготовки подняли пехоту. А немцы как врежут по нашим цепям. Что снопы полегли солдаты на знойном поле.

- Меня сшиб на землю сильный удар в плечо. Лежу и чувствую, как из-под просоленной гимнастерки тонким ручейком стекает в черноту кровь. Ну, думаю, конец. Отвоевался. Сомкнулись глаза. Не знаю уж, сколько времени пролежал в забытии.

Когда очнулся, непривычная тишина поразила. Ни стрельбы, ни рева моторов, ни людских голосов. Лишь какие-то птицы в небе ведут на своем языке тревожный разговор. Пытаюсь поднять голову. И в этот момент слышу: «Спокойно, родимый. Сейчас я доведу тебя до хаты. Там разберемся, что к чему».

Вот он на корточках передо мной. Человек в застиранной холщовой рубаше и с седой бородой. «Вставай, родимый, а то сгинешь»...

Выяснилось: это крестьянин из соседнего хутора. Стаскивает погибших красноармейцев, чтобы предать земле...

Потом-то все встало на свои места. Узнал, что хутор зовется Карасевым, а имя моего спасителя Василий Терентьевич Ляшко. Что вчера к вечеру подошло балкой много наших танков, и оборону гитлеровцев все же сломали, продвинулись на целый десяток километров вперед.

Рана оказалась неопасной. Просто много крови утеряно. Отыскал полевой госпиталь. Вместе с врачом осматривал меня и молодой капитан. Да такой чистенький, холеный. Будто и войны для него никакой.

- Скажите, солдат Соснин, с кем это вы самострел осуществляли? Или один?

И вот тогда-то я почувствовал такой прилив гнева, что, честное слово, были бы силенки — вцепился бы зубами в горло этого человека, который и фронта-то наверняка не видывал. Спасибо доктору. Заступился. «Пуля издали прилетела».

Пока валялся в госпитале под Краснодаром, передовая откатилась далеко-далеко. До самой Западной Украины. Хоть и с приключениями, все же догнал. Только в родное «хозяйство» уже не попал. Зачислили в отдельный истребительный противотанковый дивизион. А точнее, в роту ПТР. Но так и не довелось вдоволь настреляться. Немцы внезапно взломали нашу оборону. Пехота, их дивизион рассеялись. Часть перебралась за речушку и окопалась. Часть уложили вражьи пули.

Самого тоже задело. Но слабее, чем в первый раз. Пуля прошла через мякоть ноги. В таком положении и оказался в тылу немцев. Куда теперь? Назад, где вспышки ракет обозначают отползшую на восток линию фронта? Или продвигаться дальше в немецкий тыл и переждать возвращения своих? И то и другое не сулит ничего утешительного. Хоронился в заброшенной клуне, в полусгнившей соломе. Потом, через неделю-другую, когда, осмелев, стал заглядывать в соседнее село, судьба нечаянно свела с одной вдовушкой. Обогрела, подкормила...

И вот уже наши загромыхали гусеницами танков, затопали ногами по пыльной дороге. Пора расставаться с теплым очагом. А как не хочется! Думаю, побуду еще денек-другой и пойду. А сам ни на шаг от двора... Мысль о фронтовом кошмаре останавливает.

А тут облава. Выискивают бандеровцев, служивших немцам. Лейтенант, сопровождаемый тремя солдатами, увидев меня, манит пальцем:

- Кто таков? Документ!

А какой же у меня документ? Красноармейскую книжку старшине перед наступлением сдал. Где ее теперь возьмешь?

- Фамилия?

Сначала замешкался, понимая: теперь-то несдобровать. Дезертирство, измену пришьют. Упекут туда, где Макар телят не пас. Вспомнились вернувшийся из заключения отец, капитан-особист. А, черт с ним! Семь бед — один ответ! Все равно измена. Называю пришедшую на ум фамилию одного моего погибшего сослуживца.

- Сорока я. Виктор Семенович.

Имя-отчество назвал собственные.

- Бандеровец?

- Шутите?

- Все вы не бандеровцы. А чуть что — за шмайсер хватаетесь... В машину!

Короче говоря, отправляют вместе с группой украинских националистов и людьми, попросту оказавшимися ни при чем, в далекую Караганду на угольную шахту. Там-то и приключилась очередная глупость. По какому-то пустяку, теперь и сам не могу припомнить, поскандалил с одним сокамерником. (Пока «просеивали через сито», жили за колючей проволокой). Фингалами обменялись. Мой противник состряпал донос начальству. Что я, мол, человек подозрительный, чуть ли не гитлеровский шпик.

Фальшивку, как впоследствии понял, подшили к делу, и она помогла трибуналу упечь меня на целый червонец. Про то, как отбывал, разговор особый. Нет, я не роптал на строгость. И даже на судьбу не роптал. Кого тут винить, кроме самого себя? За собственную шкуру дрожал. Теперь расхлебывайся.

Ну и расхлебывался. Мускулами и сноровкой. Безропотно шел, куда посылали. В шахту, на лесоповал, просто землю копать. И никто не мог угнаться за мной. В мерзлый грунт, бывало, вгрызался на такую глубину, что и пятерым не под силу. Тогда-то с чьей-то легкой руки и нарекли Бульдозером. Прозвище так прилипло, что и до нынешних дней старые друзья по лагерю обращались в письмах не иначе, как Бульдозер.

До освобождения в пятьдесят четвертом в каких только лагерях не побывал! Набрал в общей сложности один год, два месяца и три дня зачетного времени. Так что вернулся досрочно.

Вернулся — узнал о похоронке: «Верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб...» И так защемило сердце, такая досада навалилась, что сама жизнь показалась в копейку.

Со временем утряслось. Была женитьба. Был переезд в Биробиджан, подальше от родных мест. Были долгие годы труда. Но только теперь, на склоне лет, когда колесница жизни еще более ускорила бег, решил очиститься — вернуть фамилию отца, которому после ареста в 38-м не так уж много было отпущено. Очиститься и сказать людям: «Я чист душою и совестью! Я тоже внес лепту в великую Победу!»

В этом очерке по понятным причинам изменены настоящая и фиктивная фамилии.

ШУМЕЛИ ЛЕСА ПАРТИЗАНСКИЕ

Это письмо в редакцию пришло с далёкой Украины. Два друга, бывшие партизаны Великой Отечественной войны Даниил Федотович Фефелов и Семён Захарович Голуб просили разыскать их товарища по оружию Наума Ладыженского...

Ладыженский... Не тот ли это Ладыженский, что вот уже многие годы живёт и работает в Полевском совхозе Октябрьского района? Но ведь никто на селе не слышал от него рассказов о боевых делах, никто не видел на лацкане его пиджака боевых наград. Просто живёт

в Полевом обыкновенный, как и все, человек. Живёт и в меру сил работает на порученном ему участке.

- Ладыженский? – мужчина, первым повстречавшийся у крыльца отделенческой конторы, неопределённо пожал плечами. – Кажется, только что его «Москвич» проскочил в поле.

Понятное дело – осень. У каждого на селе в эту пору дел невпроворот. Тем более у него, управляющего таким крупным отделением. Одних только пахотных земель тысячи гектаров. А сколько скота на ферме! Всюду глаз да глаз нужен. Ой, как надо разворачиваться.

Он появился в селе запылённый, уставший. И хотя солнце давно закатилось за синеющие вдаль сопки, рабочий день для него ещё не кончился. Надо ещё навеститься на ферму – проверить, всё ли там в порядке, а затем спланировать работу на завтрашний день.

Встретиться с Наумом Израйлевичем удалось лишь поздно вечером. Освежившись немного студёной водой, он вошёл в горницу, опустился в кресло, взял в руки это письмо. Несколько минут молча изучал его, потом задумчиво проговорил:

- Вспоминаю, вспоминаю. Было дело в далёкой молодости. – И хотя по натуре своей Ладыженский человек волевой, всё же повлажнели за стёклами очков глаза, в горестную складку сошлись обветренные губы. Чувствуется, этот тетрадный листочек вместе с радостью принёс и боль.

Да, молодость... Трудной выдалась она для людей его поколения. Для самого же Ладыженского, пожалуй, вдвойне. Он дотянулся до книжной полки, и на журнальный столик легла объёмистая книга на украинском языке. В переводе называется так: «По городам и сёлам УССР». На титульном листе надпись: «Дорогому другу Ладыженскому Науму Израйлевичу, отважному партизану отряда «Буревестник», действовавшего в лесах Одесской области в годы Великой Отечественной войны, от Муляр Галины Яковлевны в память о совместной деятельности в подпольной организации местечка Саврань». А на одной из страниц, где рассказывается об истории этого местечка, напечатана фотография группы партизан Савраньских лесов. Один из них, что сидит слева в лихо сдвинутой кубанке, с карабином наперевес, и есть Наум Ладыженский.

По-разному складывались солдатские судьбы. Но каждый солдат жил в те суровые дни одной мыслью: выстоять, победить. Даже когда, казалось, никаких шансов на жизнь.

Стоять! Ни шагу назад! Дальше Умани гитлеровцы не должны

пройти. Вон уже окутываются чёрным дымом один, второй, третий танки. Вот уже на левом фланге поднялась в атаку пехота и прошла до околицы соседней станицы. Стоять!

Но слишком уж неравными были силы. Две потрёпанные роты против танковой армады. Фашисты обошли оборону слева и справа. К вечеру по цепочке передали команду: отходить. Надо во что бы то ни стало прорваться к своим. Сделали отчаянный бросок. Но что может маленькая горстка людей с винтовками без патронов?

И вот тогда-то пошло гулять по стране заготовленное штабным писарем извещение, что солдат Наум Ладыженский пропал без вести. Извещение тщетно искало его родных и близких, а сам он в это время вместе с двумя дружками — Монеи Койфманом и Федей Майзусом, прячась на день в клунях опустевших дворов да брошенных окопах, пробирался поближе к Виннице, к родным местам. Там в местечке Бершадь остались мать с отцом, младшие братья и сёстры. Через сутки-двое он проведает семью, а потом уйдёт в леса искать партизан.

Уже перед самой Бершадью довелось повстречать хорошего знакомого. “Что ты, что ты, Наум, и близко не показывайся к Бершади. Там такое творится...” Позже он узнал, что всех его родных фашисты расстреляли. Единственный, кому удалось спастись, - племянник Миша. Он укрывается в семьях украинцев.

Там, в Бершади, Наума и его друзей свели с участниками подпольной группы. Группа, казалось, не проявляла особой активности, и это Ладыженского да и других её участников не на шутку злило.

- Бить их надо. Помогать Красной Армии...

На его плечо ложилась ладонь старшего товарища.

- Война велика. Достанется, Наум, и на твою долю.

Это он после понял, а тогда откуда же ему было знать, что в обязанность подпольной группы входит в основном мобилизация населения в партизанские отряды. Вскоре Ладыженского и ещё нескольких товарищей направили в Одесскую область. Там, в Савранских лесах, действует партизанский отряд под названием “Буревестник”. Он изрядно досаждал оккупантам, и Науму не терпелось попасть в него.

Добирались кто как — и пешим ходом, и на крестьянских подводах, и на товарняках. Многих не досчитались — гитлеровцы выловили. Но зато и они не одного гитлеровца уложили в пути. Обзавелись автоматами, гранатами. Даже лесник Шелковников, который должен

был сопроводить пополнение, не смог скрыть восторга.

- Вот уж обрадуется Благодарир-то. Со своей амуницией, снаряжением...

Благодир, командир отряда, оказался человеком немногословным. Поговорил с каждым, распределил по взводам.

- Пока отдыхайте, скоро — за работу.

Под обыденным словом “работа” здесь подразумевалось всё: и диверсии на железной дороге, и охота за “языками”, и исполнение приговора полевого суда над изменниками Родины, и даже уничтожение гитлеровских гарнизонов. Ладыженский “работал”. И, кажется, неплохо. Редкая операция проходила без его участия.

Но чем больше хлопот доставлял гитлеровцам отряд “Буревестник”, тем плотнее сгущались над ним тучи. Оккупанты подтягивали к Савранским лесам новые силы, укрепляли местные гарнизоны. С каждым днём партизанам становилось труднее.

Однажды ночью отряд под личным командованием Благодарира отправился в одно из сёл, чтобы разоружить жандармский отряд и заодно расплатиться с гитлеровскими прислужниками. Всё было сделано быстро и чисто. Ладыженский с несколькими ребятами удачно расправился с патрулями, остальные одновременно ворвались в дома, где квартировали полицаи, подняли их прямо с постели.

И надо же было такому случиться, когда уже возвращались, натолкнулись на одну из передвигающихся частей оккупантов. Завязался бой. Недосчитались доброй половины товарищей. Погиб и командир отряда.

Теперь “Буревестнику” уже нельзя было оставаться в Савранских лесах. Надо было менять адрес. Оставшиеся в живых влились в отряд Степана Печеного, действовавший севернее.

Сам Печеный до войны работал печатником. Когда пришли гитлеровцы, ушёл в лес, сколотил хорошо вооружённую группу и вскоре по Украине стали ходить о нём легенды. Да и было отчего. Степан отличался завидной удалью. Он никогда не унывал. Рядом с ним всегда было легко. Все операции завершались удачно.

Но война есть война. Пришёл черёд и Наума Ладыженского. Случилось так, что в одной схватке с гитлеровцами ему не удалось увернуться. Автоматной очередью прошло грудь, руку. Очнулся лишь через полсутки в одной из крестьянских изб. Незнакомая женщина, ребята из отряда склонились над ним.

- Ничего, Наум, мы ещё поживём после Победы.

- Да, да, поживём, - в ответ шевелит губами.

Потом его перенесли в другую избу. И так в течение трёх месяцев совсем незнакомые люди отхаживали партизана. Пока, наконец, не поднялся и вновь не вернулся в отряд.

...Много лет прошло с тех пор. Постарели ветераны. Не стареет лишь их боевая дружба. Вот подали о себе голос ещё два друга.

СЕДЬМАЯ НАГРАДА

Сорок четвёртый — не сорок первый. Прошло то время, когда гитлеровские стервятники охотились буквально за каждым нашим бойцом.

Сейчас сигнал “Воздух!” не очень-то бросает солдат врассыпную. При появлении в небе машин с чёрными крестами на крыльях колонна лишь щетинится стволами винтовок и автоматов. Поднимается такой шквальный огонь — держись! А если поражённый зенитным снарядом либо меткой бронебойной пулей стервятник плохнет где-то совсем рядом в жнивье, никто уже не бежит с восторженными криками в ту сторону. Эка невидаль. Да и некогда. Надо спешить. К победе спешить. Она всё ближе, ближе. Осталось пройти часть Польши, Восточную Пруссию, а там и до Берлина рукой подать.

Да, сорок четвёртый — не сорок первый. Но пока что война ещё полыхает. И шутить с ней нельзя. Всё время надо быть на боевом взводе.

Вот и Висла. Позавчера на том берегу высадился десант пехотинцев, занял плацдарм. Крохотный — метров пятьсот в глубину и километра три в ширину. Ещё нет переправы. Командующий армией приказал немедленно соорудить её и как можно быстрее перебросить на тот берег танковые и артиллерийские части.

Проснувшись, Николай Матафонов сладко зевнул. До чего же, чёрт побери, хорошо спалось под открытым небом на берегу с душистыми травами! Потёр красные с припухшими веками глаза, оглянулся вокруг. Красивая река Висла! Зеркально спокойная и величавая. Чем-то напомнила Николаю низовья Биджана, где не раз вместе с отцом встречал летние зорьки.

- Старшина Матафонов, к комбату!

По росистой траве вдоль балки шагает Николай в штаб сапёрного батальона, в составе которого проделал немалый путь от Волги до Вислы.

В штабной землянке, кроме комбата майора Козлова, командир роты и начальник штаба.

- Присаживайся, Матафонов, - сказал майор. - Понимаешь, переправу достроить надо. Рискованно, конечно. У немцев ведь на виду. Но что поделаешь – надо.

Козлов тоже дальневосточник. Николай хорошо знаком с ним, знает привычку комбата словно бы не приказывать, а предлагать, чуть ли даже не просить. Но попробуй сделать не так, как надо, взгрезит по первое число.

- Есть, товарищ майор. Разрешите приступить к выполнению приказа?

- Действуйте. Мы тут с берега постараемся помочь...

И вот уже полупонтон, гружённый сваями, досками, различным инструментом и восемнадцатью солдатами, отчалил от берега.

- Счастливого пути! – кричат оставшиеся на берегу.

- Спасибо, ребята, - отвечает Николай и снова устремляет взгляд вперёд, командует:

- Право руля! Ещё вправо! Прямо!

Через минут двадцать добрались к прогалу. Вот здесь надо бить первую сваю. Привязали полупонтон к тросу, приступили к установке свай. Солдаты снимали пропитанные солью гимнастёрки. Работают без суеты, молча и сосредоточенно.

Где-то в стороне наши зенитки “просалютовали” гитлеровским самолётам, да так, что одну машину отправили на дно Вислы, а вторую крепко повредили. Молодцы, зенитчики! Так их, стервецов!

Потирая от удовольствия руки, Матафонов подбадривает солдат:

- Давай, давай, ребята! Нажимай, пока немцы не проснулись!

Поставлена одна, вторая свая. Сейчас ребята забьют третью, и можно будет приступить к установке понтонов и настилов. Как бы только успеть все это сделать поскорее, пока туман не рассеялся.

Вдруг душераздирающе завывла вражеская мина и ахнула метрах в пятидесяти выше по течению. Следом полетела вторая, третья. Осколком угодило в борт понтона. Он немного накренился.

- Без паники! Продолжайте работать!

Николай взялся за рукоять деревянной бабы и в паре с одним из солдат начал неистово колотить в трудно поддающуюся сваю.

- Ещё – у-ух! Ещё – у...

В это самое мгновение понтон с невероятной силой подбросило вверх, потом со всего размаха окунуло в кипящую пучину.

Николай очнулся в воде. В намокшем обмундировании и тяжёлых кирзовых сапогах, он едва удерживался на поверхности воды.

К берегу, скорее к берегу! Он напряжённо работает руками, его всё несёт и несёт куда-то вниз. “Ах, вон в чём дело, - догадывается Николай. — Я ранен. Правая рука почти бездействует. Неужели не справлюсь? Держись, держись, - командует он сам себе. — Иначе течение доставит к немецким позициям. Они недалеко, вон за тем кривуном”.

- Ого-го-го-го, - слышится чей-то глуховатый голос. — Держись, Матафонов!

Николай оглядывается в ту сторону, откуда несётся крик. Это ротный кричит. Вон он бежит к берегу с группой солдат. Кто-то из них на ходу сдёрнул гимнастёрку, плюхнулся в воду, поплыл напере-рез.

Выкарабкался Николай из воды и тут же повалился на землю. Ребята перебинтовали повреждённую осколком руку.

Ротный советует: “Иди в землянку, отдыхай, а там в санроту отправись. Мы тут без тебя обойдёмся”.

- Ни в какую санроту не пойду, - решительно поднялся Матафонов. — Надо на понтоны спешить. Там люди...

Николай первым прыгает с лодки на накренившийся понтон.

- Раненым — в лодку. Остальным работать. Почему прекратили забивку свай?!

Снаряды продолжают вздымать вверх огромные водяные столбы. Над головами визжат осколки. А небольшая группа сапёров из взвода старшины Матафонова продолжает крепить понтоны, укладывая на них настилы.

Но вот, наконец, всё готово. Николай подошёл к краю понтона, попрыгал, испытывая прочность крепления. Можно начинать переправу!

Нескончаемым потоком двинулись танки, машины с пушками, “катюши”, колонны пехотинцев, сапёров. Николай отыскал в этом потоке комбатовскую легковушку, вскочил на подножку.

- Приказ выполнен, товарищ майор.

- Молодец, Матафонов, - с улыбкой ответил Козлов. — За оперативность и смелость обязательно представлю к награде.

Николай пропустил это обещание мимо ушей. И только спустя много лет вспомнил о нём.

Новый клуб села Биджан полон народа. За столом, накрытым крас-

ным сатином, Николай Никанорович Матафонов.

Поднимается с места военком Ленинского района.

- Указом Президиума Верховного Совета СССР за героизм и отвагу, проявленные при форсировании Вислы, Николай Никанорович Матафонов награждён орденом Красной Звезды, — и вручает Николаю Матафонову орден.

Шесть правительственных наград получил Матафонов в годы Великой Отечественной войны. Эта — седьмая — нашла его спустя много, много лет.

СЫНОВЬЯ

Анна была богатой бабой. Понятное дело: семерых родила и вырастила. Только вот незадача: мужской половиной не очень-то удалась семья. Всего-то три сына на четверых дочерей.

Анна холила хлопцев. Как же! Как же! Продолжение династии. И работники, разумеется. Так что никуда не денешься, надо беречь, надо заботиться. Вот бы ещё держава ценила мужиков. А то, знай, отнимает их у несчастливых баб. Мужей, братьев, сыновей... Всё войны да войны. Сколько их можно пересчитать только за последние годы! Халхин-Гол, Хасан, Финляндия...

Старший — Иннокентий — сходился со смертушкой у озера Хасан — совсем недалеко от села Лончаково под Бикином, где обитала в ту пору многодетная гуранская семья Шестаковых. Слава Богу, пронесло. Вернулся целым, невредимым.

Но хоть и на тех войнах гибли люди, всё же они были пустячными по сравнению с той, что навязали нам гитлеровцы. Через какой-то месяц-полтора, после начала, в города и сёла полетели чёрные вести.

Анна стала бояться почтальонши. Когда та появлялась с коричневой сумкой через плечо, старалась подальше обойти её. Не доведи Господь!..

Теперь душа болит не за Иннокентия. Он дома. Жив, здоров. Работает на железной дороге. Как и многие дорожники на брони. За Димку и Витьку сердце шемит. Ушли, и вот уже который месяц никаких вестей. Где они? Что с ними? Не сгинули ли во цвете лет в дальних неведомых краях?

Уж и в Биробиджан, где учился и призывался Митя, наведыва-

лась. Может, кто-либо из друзей слышал. Нет, никто ничего не знает. Но чувствует сердечко: что-то неладное с сыночками.

И оно не обмануло. Вечером почтальонша робко постучала в дверь и молча протянула тощий казённый конверт. На листке значилось: «Ваш сын, красноармеец Шестаков Дмитрий Георгиевич, уроженец Хабаровского края, Бикинского района, с. Лончаково, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 17 апреля 1942 года и похоронен в Ленинградской области, Понавский район, с. Стрелицы».

Потом, через годы, выяснится: Дмитрием пройден довольно солидный путь в составе прославленной 370-й стрелковой дивизии. В то время соединение это действовало на правом фланге огромного фронта в направлении Прибалтики. Несмотря на то, что дивизия была изрядно потрепана и плохо вооружена, она успешно справлялась с поставленными задачами. Вот лишь один фрагмент из воспоминаний бывшего комиссара 370-й дивизии полковника в отставке Александра Марковича Москаленко: «28 февраля 1942 года дивизия вступила в бой за деревни Курляндское и Стрелицы. Перед нами был сильный, опасный и коварный враг. Противник создал мощные опорные пункты. Решение боевой задачи осложнялось тем, что дивизия не была обстреляна, командный состав боевого опыта не имел. Обстановка к тому же требовала вступления в бой подходящих частей, не дожидаясь сосредоточения всей дивизии и полной готовности артиллерии. Попытка с ходу овладеть Курляндским и Стрелицами не удалась. Командование учло уроки первых боёв, и 11-12 марта 1942 года эти деревни были освобождены от фашистов. В боях воины-сибиряки проявили настойчивость, упорство, самопожертвование...»

Уже спустя много лет после войны жители тех мест пришлют Шестаковым фотографию братской могилы, в которой покоится прах Дмитрия. Трудно перечислить всех, кто навечно уснул там вместе с радистом-корректировщиком Дмитрием Шестаковым. Война не щадила людей. Она, подобно крупнейшему молоху, перемалывала сотнями, тысячами, миллионами. Засасывала солдат под свои жернова взводами, ротами, полками, армиями.

В ту пору не было принято говорить о персональных судьбах людей. Гибли, как правило, большими числами. Хоронили тоже. А если кто и оплакивал солдат персонально, так это матери, близкие.

Как и остальных сыновей, она любила Митьку, возлагала на него надежды. Уж больно смекалистым и рассудительным был. К учёбе

тянулся, на радиста выучился. Среднюю школу в Биробиджане хорошо окончил. Словом, толковый парень. И красивый. Ему бы плечо под работу подставить, цветы девчонкам дарить. А парня в солдаты. Лишь маленькая фотография осталась. Да ещё одна – невзрачная, любительская – братской могилы, в которую положили Митьку друзья-товарищи.

Анна, как и все остальные домашние, долго не могла смириться с потерей Мити. Да уж куда денешься. Надо смириться, тем более что не в один их дом беда постучалась. Теперь одно: молить Бога, чтобы над вторым – Виктором – судьба смилостивилась. Он в самом пекле. И тоже ни весточки. Жив ли?

Недавно гадала на картах цыганка: «Жив-здоров твой ненаглядный сыночек. Только очень тяжело ему...»

Но тут в селе вдруг объявился Миша Ильясов – однокашник Виктора. Вместе призывались и тянули лямку в полковой школе. Вместе в сорок втором на фронт попали. Под Сталинградом Михаил получил тяжёлое ранение. Его подчистую комиссовали.

Он-то и привёз новость, которая шарахнула обухом по голове.

- Витя Шестаков? – рассказывал он. – Как же! Знаю, знаю. Погиб Витя. У Купоросного. Есть такой посёлок, понимаете, у Сталинграда...

Анна, собрав последние силы и волю, позвала в дом родню и знакомых, сделала поминки и по этому сыну.

Судьба Виктора оказалась несколько схожей с судьбой брата Дмитрия. Считай, в один год призвались. Потом полковые школы, маршевые роты. И фронт. Разница лишь в том, что Дмитрий призывался из Биробиджана, куда переехал накануне войны, а Виктор из Бикинского района. Тот попал под Ленинград, а этот в составе 64-й стрелковой дивизии, сформированной из дальневосточников, на Дон. Оттуда под натиском превосходящих сил противника отходили к Волге в направлении Сталинграда, оставляя на стылой земле ребят. Всё большей частью молодых, необстрелянных.

Сколько их полегло?! На дорогах, болотах, хлебных нивах? Сотни, тысячи? Не счесть! Дивизия вышла к Сталинграду изрядно потрёпанной, обескровленной. Но надо держаться. Вот уж и грозный приказ Верховного зачитывается в частях и подразделениях. Ни шагу назад! Иначе суровая кара – расстрел. Невзирая на ранги.

Виктор не высок званием. Всего лишь старшина. Должность – помощник командира разведвзвода. Во взводе осталось человек во-

семнадцать. Бывшего командира — опытного и смекалистого лейтенанта — тяжелораненым отправили в тыл. Взамен прислали совсем юного парнишку, казаха по национальности. Он ещё не бывал в серьёзных переплётах. Да и людей не знал. Так что взвод остался на его плечах. И когда в окопах, и когда в атаке.

Случалось и нелепые казусы гасить. Что делать? Жизнь она и есть жизнь. В ней столько неожиданностей.

Один солдатик, правда, из соседней роты, где-то подобрал учебную винтовку с отверстиями у казённой части. Ну и решил подурачиться — пнуть из неё боевым патроном. Ему повредило большой палец руки. В бой не ходил — и ранение. Нет, такого не бывает! Верный самострел, членовредительство. Ротный вскипятился. Под трибунал подлеца! Чтоб другим неповадно было! Аль не слышали приказ Верховного?

Тогда пришёл к ротному Шестаков. Взмолился:

- Отдайте парня в наш взвод. Заживёт рука — будет нормальным бойцом.

Смилоstinвилось начальство. Мол, забирай, Боже, что мне не гоже. А неудачливый парнишка и впрямь добрым оказался солдатом.

Сталинград горел, рушился под градом снарядов и бомб, кишел танками, грузовиками, людьми. Каждая улица, каждый дом, каждая дорожная насыпь становились объектами смертельной драки. Ну, а если на пути встречалась высотка с круговым обзором, то за неё-то уж, не скупясь, отдавали солидную цену.

Укладывали ротами, батальонами. Как за эту, например, что значилась на карте под номером 8303.

Стоит та высотка, покрытая колючим бурьяном, между Сталинградом и Купоросным. Совсем невзрачная. В обычное время никто бы не взглянул. Теперь ей цены нет. Потому что с неё и обстрел что надо, и контроль за всем происходящим и с нашей, и с их стороны.

Начальник разведки приказывает:

- Бери, Шестаков, взвод и — вперёд. Разведай, что делается наверху. Если немцы — красная ракета. Если никого — зелёная. Стрелковый батальон будет наготове. Поднимется в случае необходимости...

Виктор знает: высота много раз переходила из рук в руки. Она усеяна трупами. И нашими, и немецкими. Сегодняшняя вылазка тоже вряд ли закончится удачно. Но приказ дан, его надо выполнять. Высотой обязаны, должны овладеть наши. Иначе застопорится операция всей дивизии.

Рассредоточились, поползли под покровом ночи. Какие-то считанные метры, а поддаются трудно. Земля издолблена, вещмешки с боеприпасами тяжелы. А впереди неизвестность. Что ждёт там, впереди?

Кажется, нет немцев. Пожалуй, можно и «зелёную». Пусть пехота поднимается — и вперёд на гору. Эге, как бы не так. Едва ракета взлетела, как по ним ударили сразу с двух сторон. Из пулемётов, автоматов. А потом и из танков. Головы не поднять. Хорошо, хоть пехота заявила о себе. Поднялась, открыла стрельбу. Ну, а взводу пора восвояси. Его дело — разведка.

Ползут вниз. Причём уже не в том составе, что поднимались. Оставили нескольких ребят на самой высоте. Нет, нельзя оставлять. Может быть, кто из них ещё живой.

- Стой, братва! Назад! - и сам первым начинает ползти обратно. Ну, пехота, ну, родимая. Прибавь, прибавь хоть чуть-чуть огонька! А где артиллерия? Где наши танки?

И тут со страшной силой шархнул снаряд. Оказывается, на вершину поднялись несколько фашистских танков и лупят теперь по нашим прямой наводкой. Не разум, скорее инстинкт самосохранения сработал. Виктор перевернулся несколько раз и оказался в глинистой ложбинке. Потом небо над ним помутнело, на землю опустилась тишина. Он провалился в небытие.

Не помнит, уж сколько времени был в забвении. А очнулся — увидел двух солдат из своего взвода, склонившихся над ним.

- Так ты, оказывается, жив, старшина. А мы тебя похоронили...

- Как высота? — слабым голосом спросил Виктор.

- Танкисты прибыли. С ходу взяли...

Оказалось, он получил тяжёлое ранение в ногу да ещё контузию в придачу. Много месяцев провёл в госпиталях. А когда выздоровел, снова на фронт.

Но теперь фронт уже не тот, что был в первые два года. Теперь он покатился в обратную сторону. Туда, откуда пришли гитлеровцы. Курская дуга, Чернигов, Кировоград... Ещё много-много вёрст прошагает по опалённым дорогам...

После победы недолгая служба в Средней Азии. Оттуда и невесту привёз в Биробиджан, куда переселилась вся семья. Марию Григорьевну.

Когда вернулся, мать спросила:

- Что ж ты, Витя, весточки не подавал? Мы ведь и панихиду по тебе отпели...

- Да так. Недосуг было.

Умолчал, что и впрямь лицо смерти видел. Лечение проходило мучительно трудно. Писать просто не мог.

Ну, а что до Мишки Ильясова, его отправили в госпиталь раньше, в полном сознании. Он был в уверенности, что Виктор погиб. Так что не надо его строго судить.

В День Победы Виктор Григорьевич облачается в пиджак, звенящий регалиями, и непременно навещает могилу матери. Анна Матвеевна, как ни тяжело ей приходилось в жизни, дотянула чуть ли не до ста лет. Крепкой была. Под стать и сыновья с дочерьми.

У ВОЛНОРЕЗА

Погода крепко подшутила над обитателями славного курортного города Сочи. Уж май на исходе, а черноморская вода все еще холоднющая. Потому и курортникам в большинстве своем остается одно — неспешно бродить по берегу, вдыхая целебные запахи моря, да прислушиваться к убаюкивающим вздохам неторопливых волн. Хотя кое-кому, оказывается, и холодная вода — не помеха для купания. Вон вижу, поднялась на волнорез и засемила к его краю, опираясь на посох, пожилая женщина. Там, в конце этого гигантского железобетонного сооружения, разделась до купальника, «разогрела» себя гимнастическими упражнениями, и вот уже ее хрупкое тело с трехметровой высоты полетело в морскую пучину.

Ошалелые волны, как мячиком, играли купальщицей: то возвысили на самую вершину гребня, то прятали в прогале между двумя валами. И это, видно, нравилось ей. Она все удалялась в направлении буя. И вот уже превратилась в темное пятнышко. Но и переохладиться нельзя. Пора в обратный путь. Добравшись до берега, она снова сделала несколько гимнастических упражнений, затем нескладно, с заметным прихрамыванием на правую ногу, пробежала трусцой по волнорезу взад-вперед. Когда женщина, спустившись с волнореза, поравнялась с нами, я увидел, что нога-то ее в огромном рубце от некогда затянувшейся тяжелой раны. Смуглое, с отпечатком усталости лицо, сплошь исполосовано глубокими морщинами. А белизна выбившейся из-под косынки пряди влажных волос, что снег в чистом поле в декабрьскую пору.

Позже волею случая мне довелось поближе познакомиться с Ека-

териной Дмитриевной. Сама из-под Воронежа, из небольшого рабочего поселка. Сколько лет отроду? О, таких вопросов женщине не задают. Но это сказано просто так, шутки ради. А вообще у нее нет привычки скрывать возраст. Да и хорохорься не хорохорься, а ведь девятый десяток давно разменяла. Куда от старости уйдешь?

Судьба Екатерины — судьба ее сверстниц. Несмышленной девчонкой ушла на фронт и вскоре стала санинструктором, а потом и медицинской сестрой. В войну люди быстро взрослели.

Ее стихией был передний край, где лицом к лицу сходились наши воины с лютым врагом. Скольких раненых солдат и офицеров вытаскивала сестричка Катюша из-под обстрела! Сколько жизней сберегла эта хрупкая на вид девушка! Только вот себя не смогла сохранить.

В тот предрассветный час после страшной артподготовки их пехотный полк пошел в наступление. В его составе ушел со своим взводом и молоденький лейтенант по имени Леня, с которым Катя в минуты затишья укладкой от начальства целовалась.

Хотелось поближе к нему. Да нельзя — взвод Лени далеко в стороне. А ей велено «работать» здесь, в прямом направлении.

Потери, как всегда, бессчетны. Еще не успели прорвать оборону гитлеровцев, а уже десятки бойцов разбросаны по бурьянистому полю. Тех, кто с признаками жизни, — скорее подальше в тыл, к медсанбату...

Напрягая последние силы, тащила Катюша худенького солдатака по исковерканной танковыми гусеницами и разрывами снарядов земле. «Потерпи, родной. Мы скоро, скоро...» Поднялась во весь рост — может, так легче? И в тот миг совсем рядом грохнула мина. Больше она уже ничего не видела и не слышала. Ее, контуженную, с перебитыми ногами и продырявленной поясницей, без сознания, доставили в медсанбат бойцы других подразделений.

Долго доктора колдовали над нею. Но сознание не возвращалось. А потом она и шевелиться перестала. Позже Катя узнает: ее, посчитав умершей, вынесут из палаты, чтобы передать похоронной группе.

Возможно, так оно бы и вышло, не свершись чудо. В медсанбат вместе с другими доставили тяжелораненого Леню. В бреду он стонал и выкрикивал какие-то непонятные ругательства. И надо же! Голос его пробудил Катю. Вот что значит голос близкого человека! Она чуть вздрогнула, приоткрыла глаза и зашевелила губами. Ее — вновь в операционную.

Что уж там, в госпитале, пришлось пережить, знают лишь она да

Всевышний. Но как бы там ни было – жива. И ноги, за которые она особенно переживала, остались при ней. И Леня, слава Богу, перенес муки. Хоть и инвалидом, все же живым домой вернулся. Письма шлет. «А помнишь, Катюша, как под Курском?.. Как Днепр форсировали?.. А помнишь под палаткой, у расколотого снарядом осокоря?..»

Да, да. Катя помнила. Все помнила. Ей безумно хотелось оказаться рядом с Леней в натопленной горнице с цветами и хлебным запахом. Сама махнула за ним на Волгу, под Саратов. Ну и зажили вместе.

Что уж говорить, работник из него получился не ахти какой. Ни мешок с картошкой поднять, ни бревнышко передвинуть. Но много ль нужно тем, кого свела война и объединила судьба? Пятьдесят годов прожили душа в душу. Дочку и сына вырастили. Внуки, правнуки пошли. Да еще двоих сирот приголубили и воспитали. Всех в люди вывели. А уж сына Володю – того вся Россия знает. Как же, артист цирка! Чуть ли не во всех городах побывал...

Прошлой зимой Екатерина Дмитриевна с Леней – теперь уже таким же старичком – собирались «золотую свадьбу» сыграть. Ан, нет, не получилось.

Вызвался, понимаешь, старичок защищать в народном суде одинокую мамашу, уволенную с работы одним предпринимателем, вернулся под вечер домой расстроенный. Трясется, как в лихорадке. «Незаконно выгнали женщину, детишек обрекли на голодное существование, сокрушается. А судья, знай, свое: хозяин прав. Деньги, видать, всему голова. Вот вам и демократия...»

Схватился рукою за левый бок. «Скорую» вызвали. А под утро и не стало Лени. Вместо «золотой» свадьбы - черный траур...

Через месяц еще более тяжкий удар: сынок в автокатастрофе погиб... «Уж и не припомню, как хоронили, как поминали. Спасибо добрым людям, не оставили в беде. Помогли. Конечно, рядом приемыши были. Они ведь для нас родными стали».

Долго не могла оправиться от этих бед. Все внутри оказалось перевернутым. Не возвращались былые дни. Свет божий перестал быть милым.

- Пожалуйста, не смейтесь, - с откровенным смущением говорила она. - Расскажу, как дальше было...

В один из дней ранней весны, когда река только-только освободилась от ледяного панциря и держалась выше берегов, Екатерина Дмит-

риевна пошла на тот самый обрывистый берег, что так любили они в детстве. Здесь, на кривуне, вода постоянно хороводит, подмывая крутизну и углубляя дно. Бултых — и поминайте, как звали! Из воды начало жизни, воде и отдам свою.

Спустилась по узкой тропке вниз. Зацепила водицу ладонью. Брр ... Колодезная! Но для тебя-то, Катерина, какое, собственно, это имеет значение? Сбросила с себя одежду и, не раздумывая, в воду. Обожгло! И миг отрезвило. С какой стати отдавать себя на милость стихии? Лучше я повоюю с нею. Пусть лучше вода станет союзником!

С тех пор и не расстается с водой. Ни летом, ни зимой. Короче, в “моржи” определилась. И, знаете, помогло. Вновь почувствовала вкус жизни. Болячки отпустили... Вода и впрямь источник жизни. Тем более морская...

На следующее утро я вновь увидел Екатерину Дмитриевну на краю волнореза. Она стояла в туго облегающем синем купальнике, опершись на трость, и глядела в голубую даль. Сейчас она бросит свое сухонькое тело в седую пучину. А с берега голоса:

- Подождите нас, Екатерина Дмитриевна, мы с вами!..

Это уже ее последователей голоса...

Николай СУЛИМА
СКВОЗЬ ОГОНЬ
И ГРАД СВИНЦОВЫЙ
(книга очерков о войне)

Редактор - **Михаил КЛИМЕНКОВ.**

Художественный редактор - **Ефим ВЕПРИНСКИЙ.**

Компьютерный дизайн - **Дмитрий БЕККЕРМАН.**

ИП Вепринский Е.Б.

г. Биробиджан, ул. Ленина, 39, офис 2.

Тел./факс: (42622) 6-54-03.

E-mail: efrass@mail.ru.

Сверстано и отпечатано

в ГОУ “Редакция газеты

“Биробиджанер штерн”:

г. Биробиджан, ул. Ленина, 32.

Тираж 500 экз. Заказ 2202. 2006 год.